

АКАДЕМИЯ НАУК
СССР

Советское
СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

4

1 9 7 1

ИЗДАТЕЛЬСТВО
• НАУКА •

Советское СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

ИЮЛЬ — АВГУСТ

4

1971

СОДЕРЖАНИЕ

XXIV съезд Коммунистической партии Советского Союза	3
<i>Л. Н. Краснова.</i> Политика КПЧ в отношении сельской буржуазии в первые годы кооперирования крестьянства (1949—1953 гг.)	9
<i>О. С. Тальская.</i> Члены тайного Общества военных друзей в Сибири	20
<i>Л. П. Лаптева.</i> Табориты, их социальный состав и идеология в освещении русской литературы XIX — начала XX в.	26
<i>В. Д. Королюк.</i> Волохи и славяне «Повести временных лет»	41
<i>А. Морозов.</i> Основные задачи изучения славянского барокко	54

ПУБЛИКАЦИИ

<i>Е. К. Жигунов.</i> С. М. Кравчинский о польском социалистическом движении 70—80-х годов XIX века	67
<i>Е. Львова, И. Конев</i> (НРБ). Болгарская школа и «свиштовский период» Николая Павловича	80

ЛЮДИ, СОБЫТИЯ, ФАКТЫ

<i>Ф. А. Молок.</i> «Союз друзей СССР» в Чехословакии	88
---	----

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

<i>Юзеф Смяловский</i> (ПНР). Состояние исследований по истории текстильной промышленности в Польше	91
<i>Л. Обушенкова.</i> M. Różycka-Glassowa. Organizacja i wydajność pracy w rolnictwie wielkiej własności przed uwłaszczeniem w Królestwie Polskim	98

ЖУРНАЛ
ОСНОВАН
В 1965
ГОДУ

МОСКВА

<i>Игорь Бэлза.</i> К историографии межславянских культурных связей. О трудах Ярослава Прохазки	99
<i>Л. К. Zdeněk Urban.</i> Pozapomenutá tvář Boženy Němcové	101
<i>И. К. Горский.</i> О продолжении нужных исследований	104
<i>В. Мочалова.</i> «Studia poświęcone stosunkom literackim polsko-czeskim i polsko-słowackim»	106
<i>А. В. Каллош.</i> Энциклопедия Хорватского национального театра	108
<i>Ю. К. Бегунов.</i> Новый труд болгарского ученого о Владиславе Грамматике	111

Б и б л и о г р а ф и я

Бажнейшие статьи и материалы по современному положению, истории, культуре и языкам зарубежных славянских народов, опубликованные в советских периодических изданиях в 1970—1971 гг.	113
Содержание иностранных журналов	116

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>В. В. Захаров.</i> Историко-славистические исследования в Кубанском университете	117
<i>В. И. Злыднев.</i> <u>Леонид Самойлович Ерихонов</u>	118
<i>Е. А. Ефремов.</i> <u>Владимир Петрович Султанов</u>	119

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

И. П. КОСТЮШКО (главный редактор), И. Ф. БЭЛЗА, Л. Б. ВАЛЕВ, В. Г. КАРАСЕВ, В. Д. КОРОЛЮК (зам. главного редактора), Д. Ф. МАРКОВ, И. С. МИЛЛЕР, А. И. НЕДОРЕЗОВ, Ю. А. ПИСАРЕВ, Г. М. СЛАВИН, Б. Ф. СТАХЕЕВ (зам. главного редактора), Н. И. ТОЛСТОЙ (зам. главного редактора), И. М. ШЕШТУНОВ, Я. Б. ШМЕРАЛЬ.

Ответственный секретарь В. В. ЗЕЛЕНИН

Адрес редакции: Москва Г-69, Трубниковский пер., д. 30а. Телефон 290-27-40

XXIV СЪЕЗД КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

30 марта — 9 апреля 1971 г. в Москве состоялся XXIV съезд КПСС. Это было крупное событие в истории КПСС и советского народа, в международном коммунистическом движении и всей мировой жизни. Съезд подвел итоги большой плодотворной деятельности партии после XXIII съезда и наметил обширную программу во всех областях коммунистического строительства в СССР.

С Отчетным докладом ЦК КПСС на съезде выступил Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев. В докладе дана глубокая и всесторонняя характеристика современного международного положения, проанализированы внешнеполитическая деятельность партии, ее экономическая политика на современном этапе, социально-политическое развитие советского общества, внутрипартийная жизнь, определены основные задачи КПСС и перспективы развития советской страны.

В последнее пятилетие, отметил съезд, значительно упрочились позиции мировой системы социализма, возросла ее роль в мировом развитии. Существенно увеличился экономический потенциал социалистических стран, укрепились политические основы социализма, повысились благосостояние и культурный уровень народов социалистического содружества.

Важное значение для успешного строительства социализма и коммунизма имело тесное сотрудничество коммунистических партий социалистических стран. Координируя свою внешнюю политику, братские партии и государства осуществили ряд мер, направленных на упрочение безопасности социалистических стран, ослабление международной напряженности и сохранение мира, решительно противодействовали прояскам агрессивных империалистических сил.

Расширилось и углубилось экономическое сотрудничество между социалистическими странами. Они оказывали друг другу помощь в строительстве и реконструкции промышленных и сельскохозяйственных объектов. В больших масштабах осуществлялись взаимные поставки промышленной продукции и сырья. Используя возможности специализации и кооперации производства, страны СЭВ координировали свои народнохозяйственные планы. В результате создались условия для более тесного сотрудничества — экономической интеграции стран СЭВ. Вместе с тем укреплялись и двусторонние отношения СССР с социалистическими странами.

Развитие мировой социалистической системы подтвердило правильность марксистско-ленинского учения, его творческий характер, обогатило революционную теорию и практику.

Современный капитализм вынужден считаться с новой обстановкой в мире, с колоссальным ростом международного авторитета социализма. В связи с этим буржуазия применяет более замаскированные формы экс-

плуатации и угнетения трудящихся, идет на частичные реформы, использует достижения научно-технического прогресса для укрепления своего господства. Однако общий кризис капитализма продолжает углубляться; об этом свидетельствуют периодические экономические кризисы, кризис валютно-финансовой системы, непрекращающийся рост инфляции и безработицы в странах капитала. Обостряются противоречия между капиталистическими державами. Империалисты США, являющиеся оплотом мировой реакции, ведут грязную войну против народов Вьетнама, Камбоджи и Лаоса, активно поддерживают израильскую агрессию на Ближнем Востоке, вмешиваются во внутренние дела других стран, стремятся подчинить их, навязать им свои порядки, подавить освободительное движение народов.

Широкий размах приобрела борьба трудящихся против социального и национального гнета. Боевым авангардом революционных сил является международное рабочее движение. Характерной чертой национально-освободительного движения во многих странах было его перерастание в борьбу против феодальной и капиталистической эксплуатации. Ряд стран Азии и Африки вступил на путь некапиталистического развития.

Советский Союз поддерживает освободительную борьбу народов, развивает политическое и экономическое сотрудничество с освободившимися странами.

Решающим условием успеха борьбы против империализма является сплоченность мирового коммунистического движения. КПСС и другие братские партии прилагали и прилагают усилия для всемерного укрепления единства коммунистических рядов. Большое значение для дальнейшего сплочения мирового коммунистического движения имели Международное совещание братских партий 1969 г. и празднование столетия со дня рождения В. И. Ленина. Остается актуальной борьба против правого и «левого» ревизионизма и национализма.

Руководствуясь ленинскими принципами внешней политики, КПСС и Советское правительство последовательно проводили политику активной защиты мира и укрепления международной безопасности. Советский Союз решительно выступал и выступает против агрессивных действий империализма и делает все зависящее от него для конструктивного урегулирования назревших международных проблем.

Съезд констатировал, что план восьмой пятилетки был в целом успешно выполнен. В результате советский народ сделал новый крупный шаг вперед в создании материально-технической базы коммунизма, в укреплении могущества страны, в повышении своего благосостояния. За пятилетку национальный доход увеличился на 41%, промышленное производство возросло на 50%, производительность труда повысилась на 37%. Отрасли промышленности, определяющие технический прогресс, развивались опережающими темпами. На 49% увеличился выпуск товаров народного потребления. Значительное развитие получило сельское хозяйство. Среднегодовой объем его продукции возрос на 21%. В 1970 г. было собрано 186 млн тонн зерна, 6,9 млн тонн хлопка-сырца, намного больше, чем в какой-либо из предшествующих годов. В среднем с гектара было получено 15,6 центнера зерна и 25 центнеров хлопка.

Рост промышленного и сельскохозяйственного производства позволил значительно повысить благосостояние народа. Реальные доходы на душу населения увеличились на 33%, средняя месячная заработная плата рабочих и служащих возросла на 26%, доходы колхозников от общественного хозяйства увеличились на 42%. В колхозах введена гарантированная оплата труда, снижен пенсионный возраст и установлена выплата пособий по болезни и нетрудоспособности колхозникам. Общественные фонды по-

требления увеличились в полтора раза, товароборот розничной торговли возрос на 48%. Было построено более 500 млн кв. метров жилья. Дальнейшее развитие получила система народного образования и здравоохранения. Большинство рабочих и служащих имеют два выходных дня при пятидневной рабочей неделе. Увеличилась продолжительность оплачиваемых отпусков значительной части работающих.

Вместе с тем съезд отметил недостатки, существующие еще в хозяйственной деятельности, обратил внимание партии и народа на трудности, связанные с объективными причинами внутреннего и внешнего порядка, на нерешенные проблемы экономического развития страны.

За годы пятилетки произошли значительные изменения в социальной структуре советского общества. Постепенно преодолевались существенные различия между городом и деревней. На основе марксистско-ленинской идеологии происходило сближение рабочего класса, колхозного крестьянства и интеллигенции, воспитание моральных и политических качеств советского народа, укрепление его социального единства. Возросла численность рабочего класса, повысилась его культура, образованность и политическая активность. Являясь основной производительной силой общества, рабочий класс играет ведущую роль в строительстве коммунизма.

Еще больше укрепился союз рабочего класса и крестьянства. Изменения в социальном облике и психологии крестьянина приблизили его к рабочему. В основном из среды рабочих и крестьян пополнялась интеллигенция. Происходило дальнейшее всестороннее развитие наций и народностей, постепенное их сближение. В ходе социалистического строительства сложилась новая историческая общность — советский народ. Характерной чертой отношений между классами, социальными группами, нациями и национальностями советской страны являются дружба и сотрудничество. Советские люди сплочены общностью марксистско-ленинской идеологии, высокими целями построения коммунизма.

В отчетный период повысилась роль Советов, их деятельность стала более активной и разносторонней; совершенствовались советское законодательство, работа государственного аппарата и органов народного контроля; возросло значение профсоюзов, трудовых коллективов и комсомола в производственной и общественной деятельности; были приняты меры по укреплению законности и правопорядка, органов государственной безопасности, Вооруженных Сил, обороноспособности страны; получила дальнейшее развитие социалистическая демократия.

Много внимания партия уделяла формированию коммунистического мировоззрения у советских людей. Идеино-политическое воспитание велось в духе советского патриотизма и пролетарского интернационализма. Яркое проявление коммунистического отношения к труду получило в трудовом соревновании, приобретшем всенародный размах.

Гордость за свою родину, за великие дела народа, уважение к его замечательному прошлому характеризуют чувства советских людей. Великие достижения в области народного образования, развития науки и культуры.

Отчетный период характеризовался дальнейшим ростом рядов партии, улучшением ее качественного состава, развитием внутрипартийной демократии, утверждением ленинских норм партийной жизни и повышением политической активности коммунистов. Укрепились монолитное единство и сплоченность рядов партии, ее связи с народом. Партия с честью выполняет роль политического руководителя рабочего класса и всех трудящихся масс в их борьбе за построение коммунизма.

В своей деятельности партия руководствовалась марксистско-ленинским учением. Анализируя явления современной жизни и ее главные тенденции, партия обогатила марксистско-ленинскую теорию новыми ва к-

ными положениями. Во многом были конкретизированы пути создания материально-технической базы коммунизма, много внимания было уделено развитию учения о руководящей роли коммунистической партии, вместе с братскими партиями разрабатывались принципиальные вопросы развития мировой системы социализма и исследовались важнейшие тенденции современного капитализма. Партия решительно боролась против всяких попыток ревизионистов выхолостить революционное учение и опорочить практику строительства социализма и коммунизма.

Под руководством КПСС советский народ добился замечательных успехов во всех областях своей жизни, в коммунистическом строительстве. Съезд единодушно одобрил политическую линию и практическую деятельность ЦК КПСС, предложения и выводы, содержащиеся в Отчетном докладе, и принял развернутое решение по Отчетному докладу ЦК КПСС.

Съезд заслушал доклад Председателя Совета Министров СССР А. Н. Косыгина о проекте директив по плану развития народного хозяйства страны в девятой пятилетке. В Отчетном докладе ЦК КПСС и в докладе А. Н. Косыгина раскрываются особенности современного этапа экономического развития страны и определяются задачи нового пятилетнего плана. Важнейшей особенностью этого этапа являются совершенно новые, огромные масштабы народного хозяйства. Вместе с тем значительно увеличиваются экономические возможности и требования, предъявляемые обществом к экономике. В этих условиях необходимо использовать больше средств для повышения благосостояния народа. Важные особенности современного этапа экономического развития определяются и научно-технической революцией, которая требует совершенствования многих сторон хозяйственной деятельности. Существенное значение имеют серьезные изменения внешних условий. Развертывается процесс экономической интеграции социалистических стран, возрастает роль экономического и научно-технического соревнования двух мировых систем в классовой борьбе социализма с капитализмом.

Девятая пятилетка станет важным этапом в дальнейшем продвижении советского общества по пути к коммунизму, в строительстве его материально-технической базы, в укреплении экономической и оборонной мощи страны. Ее главной задачей является обеспечение значительного подъема материального и культурного уровня жизни народа на основе высоких темпов развития социалистического производства, повышения его эффективности, научно-технического прогресса и ускорения роста производительности труда.

Пятилетний план предусматривает увеличение национального дохода страны на 37—40%, в том числе фонда накопления на 37%, а фонда потребления — на 40%, при этом не менее 80% прироста национального дохода должно быть получено за счет повышения производительности труда. Планируются высокие темпы развития тяжелой индустрии, в значительной мере обеспечивающей создание материально-технической базы коммунизма, и легкой промышленности, намечается повышение технического уровня и эффективности производства и коренное улучшение качества продукции. Производство средств производства в течение пятилетки должно увеличиться на 41—45%, производство предметов потребления — на 44—48%, а промышленная продукция в целом — на 42—46% при росте производительности труда на 36—40%.

Предусматривается всемерное укрепление материально-технической базы сельского хозяйства, дальнейшая его интенсификация путем химизации, комплексной механизации земледелия и животноводства, широкой мелиорации земель. По сравнению с восьмой пятилеткой среднегодовой объем продукции сельского хозяйства должен возрасти на 20—22%, что

обеспечит более полное удовлетворение растущих потребностей населения в продуктах питания и промышленности в сырье. Планируется дальнейшее развитие транспорта и связи, радиовещания и телевидения. Важной задачей пятилетки является совершенствование системы и методов управления и планирования и экономического стимулирования производства. Намечается расширение и укрепление экономических и научно-технических связей Советского Союза с социалистическими странами и другими государствами, заинтересованными в сотрудничестве с СССР.

В соответствии с главной задачей пятилетки предусматривается значительное повышение благосостояния народа. Минимальная месячная заработная плата рабочих и служащих увеличится до 70 руб., будут повышены ставки и оклады среднеоплачиваемых категорий рабочих и служащих, установлены надбавки и доплаты к заработной плате. В результате этого среднемесячная заработная плата рабочих и служащих возрастет до 146—149 руб., оплата труда колхозников — до 98 руб. в месяц. Кроме того, в полтора раза увеличатся фонды общественного потребления. За счет этих фондов будут введены денежные пособия на детей и дополнительные оплаты по уходу за больным ребенком, по беременности и родам, повышены минимальные пенсии, размеры стипендий, нормы расхода на питание в больницах и городских профтехучилищах. Планируется строительство жилых домов общей площадью 565—575 млн кв. метров, что позволит улучшить жилищные условия 60 млн человек. Будут осуществлены меры по обеспечению растущего платежеспособного спроса населения продовольственными и промышленными товарами и услугами.

Большое внимание уделяется вопросам здравоохранения и народного образования. Намечается дальнейшее улучшение здравоохранения и всестороннее развитие народного образования и социалистической культуры, повышение культурного уровня населения.

Одной из важных задач новой пятилетки является ускорение научно-технического прогресса. Возрастает роль науки как непосредственно производительной силы. Предполагается повышение ее эффективности, развертывание фундаментальных исследований, сосредоточение ее внимания на наиболее важных и перспективных направлениях научно-технического прогресса. Ставится задача исторического значения — органического соединения достижений научно-технической революции с преимуществами социалистической системы хозяйства, развития присущих социализму форм соединения науки с производством.

Предусматривается дальнейшее развитие общественных наук, проведение комплексных исследований современных процессов развития общества для научного руководства социалистическим хозяйством и решения задач коммунистического строительства. Общественные науки должны сделать более решительный поворот в сторону разработки актуальных проблем настоящего и будущего. При этом необходимо повышение их идейно-теоретического уровня и теснейшая связь с практикой партийной и государственной работы.

Перед общественными науками стоят задачи глубокого и всестороннего исследования исторического прошлого и современности народов социалистического содружества, сложных процессов мирового прогрессивного развития, традиционных связей между народами, их борьбы за социальное и национальное освобождение, за социализм и коммунизм. Это определяет и задачи советского славяноведения. Активное и творческое развитие общественных наук имеет важное значение и для критики буржуазных, ревизионистских концепций.

Успешное развитие науки предполагает повышение требовательности при подборе научных кадров, создание в каждом научном коллективе под-

линно творческой обстановки, атмосферы смелого поиска, плодотворных дискуссий, товарищеской взыскательности.

Съезд единодушно принял директивы по плану развития народного хозяйства в 1971—1975 годах. В них определены основные задачи девятой пятилетки. Новый пятилетний план основан на реальных расчетах, на учете потребностей, ресурсов и возможностей страны. План исходит из интересов советского народа и обеспечит прогресс во всех областях его жизни. Выполнение этого плана будет иметь большое международное значение. Оно послужит дальнейшему укреплению социалистического сотрудничества, вновь продемонстрирует преимущества мировой системы социализма.

Решения съезда горячо одобряются всей партией и всем советским народом. Намеченная съездом величественная программа созидания и мира вдохновляет и мобилизует советских людей на новые свершения во имя блага народа, расцвета экономики и культуры, на построение материально-технической базы коммунизма.

Съезд продемонстрировал единство интересов партии и всего народа, ее тесную неразрывную связь с массами, непоколебимую сплоченность народа вокруг своего испытанного руководителя—КПСС. Он показал возрастающую роль партии во всех областях жизни народа, ее творческий подход к решению сложных и важных проблем коммунистического строительства, великую преобразующую силу и жизненность марксистско-ленинского учения.

Съезд привлек внимание широких кругов мировой общественности, друзей советской страны. На съезде присутствовали делегации коммунистических, национально-демократических и левых социалистических партий из 91 страны. Представители братских партий в своих выступлениях высоко оценили деятельность КПСС, большие достижения советского народа в строительстве коммунизма, роль Советского Союза в борьбе за укрепление мировой социалистической системы и мира во всем мире. Они одобрили политику КПСС, направленную на упрочение позиций социализма, единство и сплоченность мирового коммунистического движения, на поддержку освободительной борьбы народов. Отмечая большой вклад КПСС и советского народа в дело борьбы за прогресс, мир и социализм, братские партии выражали уверенность, что дальнейшие успехи советской страны послужат вдохновляющим примером для трудящихся всего мира. Недруги советского народа, стремясь очернить его замечательные достижения и перспективы, вынуждены, однако, считаться с политикой КПСС, возрастающей ролью Советского Союза в мировом развитии.

Советский народ вступил в новый этап коммунистического строительства. Перед ним стоят большие благородные задачи. Залогом успешного их осуществления является творческий гений народа, его сплоченность вокруг КПСС, ведущей советских людей к коммунизму.

Л. Н. КРАСНОВА

ПОЛИТИКА КПЧ В ОТНОШЕНИИ СЕЛЬСКОЙ БУРЖУАЗИИ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ КООПЕРИРОВАНИЯ КРЕСТЬЯНСТВА (1949—1953 гг.)

Одной из сложных и важных задач строительства социалистического общества, как показал опыт СССР и других социалистических стран, является задача ликвидации эксплуататорских элементов деревни. Ее приходится решать всем странам, вступающим на путь социализма. При этом методы могут быть различными. В отличие от СССР, где в силу сложившихся исторических условий и особенностей кулачество было ликвидировано путем экономической экспроприации и политической изоляции, в странах народной демократии Европы его ликвидация проводилась более длительное время, на протяжении всего периода социалистического строительства в деревне через ограничение и вытеснение капиталистических хозяйств в области экономики без существенного изменения политических прав их владельцев.

В исторической литературе вопрос о политике компартии Чехословакии по отношению к буржуазным элементам деревни еще специально не исследовался. Правда, некоторые аспекты его освещены в работах чехословацких и советских историков¹.

Экономической программой КПЧ после февральской победы 1948 г. стал первый пятилетний план развития народного хозяйства Чехословакии, который, согласно решениям IX съезда КПЧ должен был обеспечить строительство основ социалистического общества.

Одной из основных задач плана являлось социалистическое преобразование деревни, что потребовало от коммунистической партии выработки политики по отношению к деревенской буржуазии.

¹ J. Š p i r k. Zemědělské družstevnictví v kapitalistické a lidově demokratické ČSR. Praha, 1959; Z. R i c h t o v á. Prěchod od demokratických přeměn v zemědělství k socialistickému přetvoření vesnice. «Přispěvky k dějinám KSC», 1959, № 8; e e ж e. O některých podmínkách přechodu k družstevňování čs. vesnici. «Přispěvky k dějinám KSC», 1965, № 3; V. L a s i n a. Počátky kolektivizaci na české vesnici. «Dějiny a současnost», 1963, № 1; J. K o z a k. Dramatické kapitoly z bojů o kolektivizaci vesnice, Praha, 1963; А. И. Н е д о р е з о в. Аграрные преобразования в народно-демократической Чехословакии. Изд. АН СССР, М., 1954; В. К л а в д и в о в а. Социалистические преобразования сельского хозяйства в СССР и Чехословакии. «Вопросы истории», № 10, 1963; «Вопросы строительства социалистической экономики Чехословакии» (сб. материалов). М., 1967; «Общие закономерности и особенности перехода к социализму в различных странах». М., 1962.

С самого начала революции, до февраля 1948 г. КПЧ по отношению к сельской буржуазии проводила дифференцированную политику. Аграрные преобразования были направлены прежде всего против крупных капиталистических землевладельцев и в значительно меньшей степени затрагивали кулачество. Некоторые меры правительства (повышение розничных цен и снижение цен на машины, горючее и т. п.) были экономически выгодны и зажиточным слоям деревни. И даже во время проведения народно-демократическим государством мер, направленных на ликвидацию последствий засухи 1947 г. и саботажа поставок сельскохозяйственных продуктов², крестьянству, включая его зажиточные слои, была обеспечена определенная прибыль за счет повышения цен на сельскохозяйственные продукты³. Это преследовало и цель сохранения определенного уровня сельскохозяйственного производства. Зажиточное крестьянство выиграло в целом и от проведения таких мероприятий, как национализация банков, страховых обществ и ключевых отраслей промышленности, так как избавлялось от диктата крупной монополитической буржуазии, проводившей длительное время политику снижения цен на сельскохозяйственную продукцию и повышения цен на промышленные товары на внутреннем рынке. Однако такие меры народной власти, как аграрная реформа, снижение арендной платы на 50 процентов, дифференцированные цены, денежная реформа и ряд других, затрагивали интересы и пресекали эксплуататорские поползновения кулачества и вызывали его оппозицию к народно-демократическому строю. Эта оппозиция проявилась во враждебном выступлении против шести законов Дюриша осенью 1946 г., весной и летом 1947 г. в попытках создать отряды «сельской кавалерии» и т. п., хотя в целом, конечно, сельская буржуазия ЧСР вела себя куда более мирно, чем скажем, кулачество России в период Октября и гражданской войны. С установлением в феврале 1948 г. диктатуры пролетариата КПЧ приступила к ликвидации крупного землевладения. Третий этап аграрной реформы, так называемая новая аграрная реформа, проводился под лозунгом «Земля принадлежит тем, кто на ней работает».

Согласно закону о новой земельной реформе всем крупным землевладельцам было оставлено максимум земли в 50 га и только при условии, если они принимали постоянное личное участие в сельскохозяйственных работах⁴. Во многих случаях земля была отобрана полностью. В результате произошли значительные изменения в положении всех групп сельского населения. Особенно заметны они были в группе крупных крестьянских хозяйств (20—50 га): их число с 1930 по 1949 г. уменьшилось на 38,4%, а земельная площадь, находящаяся в их собственности, на 35,6%⁵.

Вслед за этим были приняты некоторые другие законы в отношении зажиточных крестьян. Они облагались повышенным налогом, платили более высокий процент за предоставляемый им кредит, более высокие цены за семенной материал, искусственные удобрения, сельскохозяйственные машины. Для батраков и сельскохозяйственных рабочих во всех хозяйствах были установлены 8-часовой рабочий день и твердая заработная плата⁶.

После Февраля на хозяйства с площадью земли свыше 20 га приходилось 26,4% сельскохозяйственных угодий. Их доля в сельскохозяйственном производстве страны составляла почти одну треть. Капиталистический сектор продавал государству 18% пшеницы, 19 ржи, 15 ячменя.

² См. K. J e s h. *Probuzená vesnice*. Praha, 1963, s. 357—359.

³ См. «Přispěvky k dějinám KSC», 1959, № 8, s. 5—6.

⁴ «Sbirka zákonů a nařízení Republiky Československé». Praha, 1948, č. 21, № 46.

⁵ «Statistický zpravodaj», 1950, № 2, s. 46.

⁶ «Úřední list Republiky Československé», 1948, díl. 1, č. 222, № 2952.

19% картофеля⁷. В руках кулаков и небольшой группы помещиков находилась основная часть сельскохозяйственных машин и орудий⁸. Из 125 тыс. рабочих, постоянно занятых в сельском хозяйстве, на кулаков работало около 60 тыс.⁹ Зажиточные слои деревни занимали важные позиции в местных национальных комитетах, в крестьянских организациях, кооперативах. В результате проведения второго этапа национализации промышленных предприятий в городе и новой земельной реформы в деревне — экспроприации новых слоев буржуазии — кулачество наряду с мелкими предпринимателями в городе заняло первое место среди эксплуататорских элементов. Это означало, что в новых условиях центр тяжести классовой борьбы еще больше сместился в деревню.

Однако в силу ряда обстоятельств этот момент не был достаточно понят некоторыми членами партии. Основной фронт борьбы в период 1945—1948 гг. проходил между рабочим классом и крупнопромышленной, торговой и аграрной буржуазией и, естественно, кулачеству не уделялось такого внимания¹⁰. Мирный путь завоевания пролетариатом власти и сравнительно легко одержанная победа в феврале 1948 г. вызвали в партии настроения самоуспокоенности, уверенности в том, что и дальнейшее развитие социализма будет происходить без острой борьбы. В КПЧ имелись ошибочные представления о том, что врагом нового строя является сравнительно малочисленная оппозиция, не имеющая серьезного влияния в массах, и что потерпевшая поражение буржуазия не имеет сил и возможностей свергнуть народную власть. Появились иллюзии о возможности в новых условиях смягчить классовую борьбу¹¹.

Эти взгляды и настроения части коммунистов выражали в известной мере желание партии облегчить и буржуазным элементам переход к социализму, ставя окончательное разрешение этого вопроса в зависимость от поведения самой буржуазии. Они объяснялись также спецификой роста самой партии, влиянием мелкобуржуазной идеологии, усилившейся в результате наплыва после Февраля в ряды КПЧ представителей непролетарских слоев¹².

Впервые вопросы политики партии в деревне, в частности, политики по отношению к капиталистическим элементам подробно обсуждались на июньском и ноябрьском пленумах ЦК КПЧ в 1948 г.

К. Готвальд на ноябрьском пленуме ЦК КПЧ в 1948 г. подчеркнул, что вопрос о политике в отношении капиталистических элементов в деревне и капиталистических элементов вообще «является решающим особенно для определения нашей сельскохозяйственной политики»¹³.

⁷ J. Š p r i g k. Ibid., s. 178. Ж. Рихтова определяет численность кулацких хозяйств в 1948 г. в 7,3%. Их доля в поставках сельскохозяйственных продуктов равнялась около 30%, зерна — 38,3%. «Přispěvky k dějinám KSČ», 1965, № 3, s. 391—392.

⁸ В 1930 г. в руках кулаков было 4220 тракторов, а у мелких и средних крестьян (95% всех крестьян) — 3475. Кулаки имели 11 873 сноповязалок, а 95% крестьян — 8848. «Zemědělské noviny», 1950, № 8.

⁹ И. Карлик, Единые сельскохозяйственные кооперативы Чехословакии. М., 1959, стр. 24.

¹⁰ Более подробно об этом см. Ž. R i c h t o v á. Ibid., «Přispěvky k dějinám KSČ», 1959, № 8.

¹¹ См. «Přispěvky v dějinám KSČ», 1963, № 3, s. 325.

¹² В 1948 г. в компартии Чехословакии было 2 674 838 членов, что составляло 22,1% общего числа населения страны. По отношению к количеству населения страны она стала самой крупной в мире коммунистической партией. Только за время от февраля до августа 1948 г., в так называемых массовых наборах, КПЧ выросла на 856 657 членов. Из вновь принятых в ряды КПЧ членов до Февраля 13,5% были членами народно-социалистической партии, 2,95% — народной партии, 13,25% — социал-демократической партии. Социальный состав партии изменился: рабочих уменьшилось на 43,2%, а количество служащих увеличилось. Возникли готвальдовские деревни (все жители становились членами КПЧ), готвальдовские заводы (все рабочие и служащие — члены КПЧ), предпринимались попытки создания готвальдовских округов.

¹³ «Zemědělské noviny», 19 IX 1948.

К. Готвальд тогда так определил линию партии в деревне: «Наша политика в деревне должна опираться на мелких крестьян, она должна создавать и укреплять союз со средними крестьянами и изолировать помещиков и кулаков, постепенно ограничивать их капиталистическое развитие и вытеснять их»¹⁴. Итак, не политика ликвидации капиталистических элементов, а их ограничение и вытеснение. Эта линия базировалась на марксистском анализе конкретно сложившейся обстановки. В то время производственная кооперация только зарождалась в чехословацкой деревне. Для ликвидации кулачества как класса не созрели еще ни социально-экономические, ни политические предпосылки. Социалистический сектор в сельском хозяйстве занимал тогда приблизительно 2% по количеству хозяйств или 6% по используемой площади¹⁵. Отсутствие развитого социалистического сектора в деревне не позволяло тогда устранить полностью капиталистическое производство. Необходимо было учитывать и то обстоятельство, что кулацкие хозяйства, обладая сравнительно высокой товарностью (свыше 50%)¹⁶ давали на рынок значительную часть хлеба и другой продукции¹⁷. Только превращение мелкокрестьянского производства в крупное коллективное хозяйство могло создать почву для ликвидации капиталистических элементов в деревне. Ноябрьский пленум ЦК КПЧ обязал все органы власти последовательно проводить ограничение и вытеснение капиталистических элементов посредством налогообложения, поставок сельскохозяйственных продуктов, цен и т. д. В случае антигосударственных и противозаконных действий со стороны этих элементов необходимо было по отношению к ним применять санкции. Эта политика была рассчитана на длительный период, и партия намеревалась проводить ее в жизнь при массовом участии мелких и средних крестьян.

После пленума ЦК КПЧ стал осуществляться более дифференцированный подход к составу руководящих органов в сельскохозяйственных кооперативах, в крестьянских организациях, в национальных комитетах. С начала 1949 г. была введена новая система поставок сельскохозяйственных продуктов, построенная на прогрессивном принципе, при которой кулакам устанавливались большие задания, чем остальным крестьянам¹⁸. С целью подорвать экономическую основу эксплуатации кулаками трудового крестьянства и ограничить их влияние в деревне 2 февраля 1949 г. правительством был принят закон о механизации сельского хозяйства¹⁹, согласно которому выкупались основные сельскохозяйственные машины у лиц, которые не выполняли планы госпоставок или не использовали эти машины в своих хозяйствах. Это мероприятие было особенно важным, так как кулачество, пользуясь недостатком рабочей силы и отсутствием сельскохозяйственной техники у крестьян²⁰, эксплуатировало мелких крестьян, сдавая им в наем машины за отработки. Было выкуплено 16 000 тракторов, 20 000 сноповязалок, 23 000 молотилок и большое количество другого инвентаря²¹. В 1950 г. у кулаков были выкуплены грузовые автомашины. В общей сложности у частных владельцев было выкуплено 110 000 разных

¹⁴ К. Готвальд. Избранные произведения, т. 2. М., 1957, стр. 298.

¹⁵ «Rudé právo», 2 XII 1948.

¹⁶ «Zemědělské noviny», 6 I 1953.

¹⁷ А. И. Недорезов. Там же, стр. 166.

¹⁸ «Sbírka zákonů...», 1949, č. 4, № 7,

¹⁹ Ibid., č. 2, № 27.

²⁰ Только в чешской деревне дефицит рабочей силы составлял 45 000 рабочих, из них 31 000 — в хозяйствах средней величины. Этот дефицит могла возместить только механизация сельского хозяйства. «Zemědělské noviny», 1 VIII 1948.

²¹ И. Карлик. Единые сельскохозяйственные кооперативы Чехословакии, стр. 10—11.

машин и механизмов²². Если в 1930 г. частные владельцы имели 52% всех тракторов, то в 1950 г. — только 0,5%, а в 1951 г. у них уже не было ни одного трактора²³. Выкупленные сельскохозяйственные машины передавались в МТС или кооперативы.

Так практически была ликвидирована возможность использования кулаками машин для эксплуатации крестьянства и оказания на него экономического давления. Кроме того, в течение 1949 г. правительством был принят ряд постановлений, регулирующих работу МТС в интересах трудового крестьянства²⁴.

Весной 1949 г. был принят закон о единых сельскохозяйственных кооперативах (ЕСХК)²⁵. К этому времени в деревне насчитывалось 14 247 сельскохозяйственных кооперативов различных типов²⁶. До войны и в значительной мере после 1945 г., пока еще не было полностью отстранено старое руководство кооперативов, не была проведена их демократизация и оставалось распределение голосов по паям, кооперативы являлись инструментом экономического влияния и давления капиталистических слоев деревни. Положение начало изменяться после ряда мероприятий по демократизации кооперации, проведенных в 1945—1948 гг. Однако и после этого деревенские богачи продолжали удерживать в них значительные позиции, так как и в кооперативах они выступали более сплоченно, чем мелкие и средние крестьяне. Некоторые кооперативы находились полностью под влиянием деревенских богачей.

Закон о ЕСХК ставил задачу объединить существующие различные кооперативы так, чтобы в каждой деревне был образован один кооператив. ЕСХК создавались на демократических принципах, которые обеспечивали широкий доступ в них трудового крестьянства и лишали зажиточные слои деревни решающего влияния в новых кооперативах. В ЕСХК мелким и средним крестьянам предоставлялось преимущественное право на получение сельскохозяйственных машин и орудий. Четыре пятых членов правления кооператива должны были избираться из мелких и средних крестьян.

Закон не препятствовал вступлению в кооперативы и деревенских богачей. Члены ранее существовавших кооперативов автоматически становились членами новых ЕСХК, если не заявляли о своем выходе из них. Не исключалась также возможность участия деревенских богачей и в руководстве кооперативом. В начале 1949 г. К. Готвальд говорил: «Мы гарантируем мелким крестьянам четыре пятых, которых достаточно, чтобы они имели возможность решать. Одну пятую мы оставляем открытой, пусть выбирают туда, кого хотят»²⁷.

Участие кулаков в ЕСХК давало им возможность влиять на работу кооператива. В то же время это обстоятельство способствовало разоблачению их в глазах трудового крестьянства в случае их нежелания честно и добросовестно трудиться.

Решение КПЧ допустить и кулаков в создаваемые ЕСХК отражало творческий подход партии к вопросам социалистического переустройства деревни и вытекало из учета ею новой исторической обстановки. Само по себе это решение не было чем-то абсолютно новым. Еще Ф. Энгельс в работе «Крестьянский вопрос во Франции и Германии» писал о том, что может

²² История Коммунистической партии Чехословакии. М., 1962, стр. 653.

²³ И. К а р л и к. Там же, стр. 45.

²⁴ См. «Sbírka zákonů...», 1947, č. 29, № 55; «Úřední list Republiky Československé», 1949, č. 48, № 434; č. 113, № 748, 688; č. 93, № 643.

²⁵ «Sbírka zákonů...», 1949, č. 22, № 69.

²⁶ «Tisky k teskopiseckým zprávám o schůzích Národního shromáždění Republiky, Československé». Praha, 1949, tisk 216 důvodová zpráva.

²⁷ K. Gottwald. O rolnické otázce. Praha, 1956, s. 213.

быть, даже крупное крестьянство не везде придется подавлять насилем, в расчете на то, что «экономическое развитие научит уму-разуму и эти упрямые головы»²⁸, а развитие земледельческих товариществ, пример их сможет убедить некоторых из них в преимуществах крупного кооперативного хозяйства. Ф. Энгельс допускал возможность «объединения их хозяйств в товарищества, в которых можно было бы все больше и больше устранять эксплуатацию наемного труда и которые можно было бы постепенно превратить в обладающие равными правами и обязанностями составные части великого общенационального производственного товарищества»²⁹.

И в нашей стране решение не принимать кулаков в колхозы было принято не сразу, а в результате тщательного изучения партией практики колхозного строительства. Первоначально этот вопрос на местах решался по-разному³⁰. Созданная Политбюро ЦК специальная комиссия для решения вопросов колхозного строительства (декабрь 1929 г.) также не исключала возможности приема части кулаков на определенных условиях в создаваемые колхозы³¹. Однако сопротивление кулачества колхозному строительству, вредительство принятых в колхозы кулаков обусловили в тех условиях другое решение: кулаков в колхозы не принимать. С целью оградить колхозное движение от подрывной работы кулаков, а также ввиду угрозы новой интервенции, в планах которой кулачеству отводилась роль пятой колонны в борьбе с Советской властью, было принято также решение о выселении кулаков в отдаленные районы страны.

Таким образом, решение вопроса о том, допускать или не допускать кулаков в кооперативы, зависело и от субъективного отношения кулаков к кооперативному строительству, от внешних и внутренних условий, в которых происходило кооперирование деревни.

Вопреки первоначальному предположению руководства КПЧ о необходимости двух-трех лет для развития низших типов ЕСХК, чтобы подготовить крестьянство для перехода к общественному производству, развитие кооперации в чехословацкой деревне пошло значительно быстрее³². Осенью 1950 г. в кооперировании деревни произошел значительный перелом. К этому времени закончился первый этап кооперирования чехословацкой деревни, характеризующийся развитием низших типов ЕСХК, и наступил новый этап. Февральский пленум ЦК КПЧ (1951 г.) выдвинул задачу реорганизации кооперативов низших типов в кооперативы высшего типа, в которых обобществлялось как растениеводство, так и животноводство, а распределение основной массы продукции производилось по труду. Это был новый качественный поворот в развитии сельскохозяйственной кооперации. В связи с этим в политике партии в отношении капиталистических элементов деревни возникли новые аспекты, появилась необходимость определить, каково экономическое положение этих элементов и их роль в народном хозяйстве. Вопрос, кого считать кулаком, стал предметом обсуждения на заседаниях пленумов ЦК КПЧ и в крестьянских организациях. Дискуссия по этому вопросу развернулась на заседании

²⁸ К. Маркс, Ф. Энгельс. Избранные произведения, т. 3, М., 1970, стр. 524.

²⁹ Там же, стр. 524.

³⁰ XVI конференция ВКП(б). Стенографический отчет. ГИЗ, 1929, стр. 150, 189, 198.

³¹ Более подробно об этом см. в ст. П. В. Семернин. «О ликвидации кулачества как класса». «Вопросы истории КПСС», 1958, № 4.

³² К середине 1950 г. было образовано 3891 ЕСХК и 1662 подготовительных комитета. Осенью того же года члены ЕСХК в 3279 селах решили распахать межи и завести общественное растениеводство. Наряду с этим решили объединить и скот, создать общественные козовники, свиноводы, птицефермы. «Dějiny a součastnost», 1963, № 1, s. 1.

ЦК Единого союза чешских землевладельцев, на IX съезде КПС, на февральских пленумах ЦК КПЧ 1950 и 1951 гг. В принятых решениях подчеркивалось, что основным признаком деревенского богача необходимо считать не размер имеющейся в его собственности земли, а эксплуатацию им наемной силы. Такой критерий позволял работникам на местах проводить более четкую грань между трудовым крестьянином и эксплуататором, применяющим наемный труд, осуществлять классовый подход при решении этого вопроса. В то же время в правительственных документах вплоть до 1952 г. оставалось деление крестьянства по прежнему принципу. Видимо, с этим были связаны путаница и ошибки в определении кулака на местах, о которых сообщалось в печати и в партийных документах, и которые сделали необходимым еще раз дать полную характеристику деревенского богача в совместном постановлении партии и правительства в июне 1952 г.

В этом постановлении вновь подчеркивалось, что характерным признаком кулацкого хозяйства являлся его эксплуататорский характер. Кулаком считался и тот, кто имел небольшую площадь земли, но при этом был собственником трактора, мельницы, торговой лавки и т. п. Вместе с тем отмечалось, что в новых условиях использование наемной рабочей силы кулаками в открытой форме уже перестало быть типичным, и что все чаще капиталистические элементы используют положение деревенской бедноты, недостаточно обеспеченной тягловой силой и сельскохозяйственными орудиями³³.

Так как у некоторых работников на местах встречались неправильные представления о том, что определения «деревенский богач» и «кулак» не однозначны, то в печати было сделано разъяснение, что различия между ними нет³⁴. Однако и после издания в июне 1952 г. партийно-правительственного постановления и всех разъяснений вопросы классовой дифференциации в деревне не были до конца уяснены на местах, что приводило нередко к ошибкам³⁵.

С принятием партией и правительством Чехословакии в первой половине 1952 г. ряда совместных постановлений по вопросам дальнейшего социалистического строительства в деревне процесс кооперирования еще более ускорился. К концу 1952 г. в стране было уже образовано 8636 ЕСХК различных видов, располагавших 32,9% сельскохозяйственной площади³⁶.

Вступление крестьянства в кооперативы, рост и укрепление последних вызвали сопротивление со стороны кулачества. Опыт существования ЕСХК показал, что столкновение с реакционными силами в деревне неизбежно уже в самом начале кооперирования. Стремясь помешать вступлению крестьянства в кооперативы, кулаки развернули широкую кампанию клеветы против возникающих кооперативов, угроз и шантажа по отношению к крестьянам, вступающим в них. Особенное ожесточение кулачества вызвал переход кооперативов от низших форм к высшим, который усилился после февральского пленума ЦК КПЧ. Обострению классовой борьбы в чехословацкой деревне в это время способствовало и ухудшение международного положения, подготовка и развязывание США войны против Кореи, усиление враждебной деятельности международного империализма в отношении народов социалистических стран. В 1951—1952 гг. в Чехословакии было раскрыто несколько шпионских групп, руководимых американской

³³ «Usnesení strány a vlády o rozvoji zemědělství». Praha, 1952, s. 30.

³⁴ «Rudé právo», 13 XI 1952.

³⁵ См. заключительное слово министра сельского хозяйства Й. Непомуцкого на первом общегосударственном съезде ЕСХК в кн. «První celostátní sjezd JZD, konaný ve dnech 14—15 února 1953 v Praze». Praha, 1953.

³⁶ J. Š p i r k. Ibid., s. 199.

разведывательной службой, «Зеленым Интернационалом», «Белым легионом» и др., основное ядро в которых составляли бывшие реакционеры и кулаки³⁷. В планы этих групп входили не только саботаж и вредительство, но и физическое уничтожение активных работников кооперативного строительства и членов ЕСХК.

Вступление в кооперативы кулаки нередко использовали для подрывной работы внутри них и дискредитации самой идеи кооперирования. Вступление в кооператив не только создавало кулаку возможность пользоваться всеми льготами, которые предоставлялись членам кооперативов, но и помогало избежать тех мер ограничения, которые применялись по отношению к индивидуальным кулакам. Поэтому нередко кулаки выступали в качестве «инициаторов» создания ЕСХК. У некоторых руководителей даже укреплялось мнение о невозможности создания ЕСХК без зажиточных крестьян. На февральском пленуме ЦК КПЧ 1951 г. указывалось, что из общего числа крестьянских хозяйств в тех селах, где образованы ЕСХК, в них вступило 53% крестьян с площадью земли от 15 до 20 га и 45% крестьян с площадью земли свыше 20 га, т. е. почти половина³⁸.

Наряду с подрывной деятельностью кулачество широко развернуло саботаж государственных поставок сельскохозяйственных продуктов. Путем срыва хлебопоставок кулаки стремились вызвать в стране голод и принудить коммунистическую партию отказаться от курса на кооперирование деревни. При проверках у кулаков находили большое количество испорченного зерна; нередко они скармливали скоту тонны лучшего чистосортного зерна³⁹. На февральском пленуме ЦК КПЧ 1951 г. К. Готвальд сообщил, что даже при очень осторожном подсчете в 1950 г. были скормлены скоту сотни тысяч тонн зерна. Это обстоятельство вызвало затруднения со снабжением населения хлебом и мукой. Преодолеть возникшие трудности удалось лишь с помощью поставок из Советского Союза и ряда чрезвычайных мер, к которым вынуждена была прибегнуть КПЧ. Лиц, саботировавших поставки зерна государству, наказывали штрафом (в размере 50 000—250 000 крон), торевным заключением; списки саботажников вывешивались на черных досках по всему району. У некоторых наиболее злостных вредителей конфисковались хозяйства, а сами они лишались гражданских прав и удалялись из прежнего местожительства. В некоторых хозяйствах вводились национальные управления. Кулакам, не выполнявшим госпоставки, налог на следующий год повышался на 100%⁴⁰.

Отношение кулачества к народно-демократическому государству и кооперированию деревни заставило КПЧ изменить первоначальное решение о приеме кулаков в кооперативы. Уже февральский пленум ЦК КПЧ 1950 г. обратил внимание партии на необходимость «раскрывать подрывную деятельность деревенских богачей среди мелких и средних крестьян и очищать ЕСХК от этих врагов»⁴¹. Февральский пленум ЦК КПЧ 1951 г. принял решение не допускать кулаков в кооперативы. В тех же кооперативах, где кулаков уже приняли, пленум ЦК рекомендовал провести собрания членов кооперативов, где разъяснить почему кулаки не должны приниматься в ЕСХК и исключить их. В решении пленума было также записано, чтобы «предложения со стороны деревенских богачей продать кооперативу часть своей земли с целью считаться мелкими и средними

³⁷ «Zemědělské noviny», 27 III 1952, 23 V 1952, 3 X 1952, 21 IV 1953.

³⁸ «Rudé právo», 25 II 1951.

³⁹ «Zemědělské noviny», 7 I 1950, 30 III 1950.

⁴⁰ «Úřední list Republiky Československé», 1951, č. 61, № 197.

⁴¹ «Rudé právo», 2 III 1950.

крестьянами и быть таким образом принятыми в ЕСХК не принимались»⁴². В случае, если «деревенский богатч не может собственными силами обрабатывать собственные поля, запустит свое хозяйство,— говорилось в этом документе,— ЕСХК должны взять его хозяйство, но самого в кооператив не принимать»⁴³.

Уже в этих постановлениях партии нельзя не видеть некоторых административных приемов в борьбе с кулачеством, которые получили дальнейшее развитие в последующих партийных документах. Отказ принимать в кооперативы и ту часть кулаков, которая поняла бесполезность борьбы с народно-демократическим государством и добровольно отказывалась от части своих средств производства с тем, чтобы жить за счет собственного труда, как и конфискация кулацких хозяйств, увеличение налога на 100% вели не к ограничению эксплуататорских поползновений кулачества, как того требовали решения ноябрьского пленума ЦК КПЧ 1948 г., а к преждевременному ограничению их производства, так как нередко кулацкие хозяйства оставались долгое время заброшенными из-за острой нехватки рабочих рук в сельском хозяйстве. Если учесть большую отлив рабочей силы из деревни в город в годы первой пятилетки и тот факт, что уходила в основном молодежь и люди среднего возраста, а владельцами кулацких хозяйств в деревне оставались люди старшего поколения⁴⁴, то подобные меры, как это стало очевидным впоследствии, оказались неоправданными.

Все более ясно обозначившийся в начале 50-х годов переход к административным мерам в кооперировании чехословацкой деревни⁴⁵ вел и к усилению административных мер борьбы с кулачеством. В принятых весной и летом 1952 г. постановлениях партии и правительства⁴⁶ по вопросам дальнейшего кооперирования деревни и борьбы с кулачеством была поставлена задача очистить МТС и госхозы «от деревенских богатчей и их сыновей, от всех капиталистических и враждебных элементов»⁴⁷, и не разрешать работать кулакам в них «в качестве наемной силы»⁴⁸. МТС запрещалось проводить работы на полях деревенских богатчей без специального на то разрешения местных национальных комитетов. «В случае, если деревенский богатч не обеспечит обработку своих земель,— говорилось в совместном постановлении партии и правительства „Об укреплении и дальнейшем развитии ЕСХК“,— передать его хозяйство в порядке принудительной аренды ЕСХК согласно закону № 55 1947»⁴⁹. В принятые в конце 1952 г. законы о поставках сельскохозяйственных продуктов государству, в отличие от ранее действовавших законов, было внесено положение о том, чтобы помимо прогрессивного обложения кулацких хозяйств повышать кулакам госпоставки по всем видам сельскохозяйственных продуктов на 10%, а новый закон о сельскохозяйственном налоге предоставлял право местным национальным комитетам увеличивать налог деревенским богатчам на 30%⁵⁰.

⁴² «Rudé právo», 25 II 1951.

⁴³ Ibid.

⁴⁴ Если принять население, постоянно занятое в сельском хозяйстве в 1930 г. за 100%, то в 1945 г. оно составляло 82, в 1948 — 61,34, в 1950 — 58,72, в 1951 — 52,30 и в 1953 — 44,59%. К. Ј е с h. Socialní pohyb a postavení zemědělského obyvatelstva v letech 1948—1955. «Revue dějin socialismu», 1968, zvl. č. 8. III, s. 1117.

⁴⁵ См. Ј. К о з а к. Dramatické kapitoly z bojů o kolektivizaci vesnice. NPL, Praha, 1963.

⁴⁶ См. «Usnesení strany a vlády o rozvoji zemědělství», Praha, 1952.

⁴⁷ Ibid., s. 44—45.

⁴⁸ Ibid.

⁴⁹ Ibid., s. 24.

⁵⁰ «Sbirka zákonů ...», 1952, č. 33, № 57, § 17 (1), № 77, § 6, 10(3), 17(4); «Úřední list Československé Republiky», 1953, № 2, (§ 7), № 7 (§ 5.), № 59 (§ 6), № 60 (§ 5), № 71, (§ 5).

Наиболее ярко стремление решать вопросы борьбы с кулачеством административными мерами проявилось в предписании к местным национальным комитетам составлять списки деревенских богачей для вручения им приказа о выделении госпоставок, в которые попало немалое количество и средних крестьян.

Эти новые черты в политике партии по отношению к кулачеству были, с одной стороны, своеобразной реакцией со стороны компартии Чехословакии на обострившуюся международную обстановку в начале 50-х годов и активизацию в связи с этим кулачества внутри страны, а с другой — отражали отрицательные явления в жизни самой компартии, начавшие проявляться в эти годы. Появлению подобных настроений способствовали некоторые проявления культа личности в деятельности КПЧ.

На политику партии по отношению к кулачеству в связи с этим особое влияние оказали следующие два обстоятельства. Во-первых, стремление объяснить все трудности в социалистическом строительстве, в частности, в кооперировании деревни, единственной причиной — деятельностью классового врага. Игнорировались такие объективные факторы, как исторические особенности развития чехословацкой деревни, национальные традиции и исключительная привязанность чехословацкого крестьянина к собственному хозяйству, недостаточный уровень развития экономики страны, не позволявший ей в те годы оказать необходимую помощь создаваемым в деревне ЕСХК и др. Усиление карательных функций социалистического государства поэтому рассматривалось как закономерное явление. Во-вторых, стремление копировать формы борьбы с кулачеством в СССР. Некритическое использование опыта КПСС оказало отрицательное влияние на решение этого вопроса.

Попытки ликвидации кулачества оказались преждевременными, не подготовленными кооперативным развитием деревни. Поэтому сентябрьский пленум ЦК КПЧ 1953 г., обсуждавший состояние сельского хозяйства и ошибки, допущенные в ходе кооперирования деревни, осудил имевшие случаи ликвидации кулацких хозяйств административными мерами. В решении пленума ЦК подчеркивалось, что в то время партия проводила только политику ограничения и вытеснения кулачества, но не ликвидацию его как класса, так как для этого еще не было создано необходимых предпосылок.

Дальнейший шаг в этом направлении был сделан декабрьским пленумом ЦК КПЧ 1953 г. Пленум ЦК принял решение отменить составление списков деревенских богачей и дополнительное повышение им госпоставок на 10%, так как подобные меры только придавали политике ограничения и вытеснения кулачества административный характер, поддерживали административно-бюрократические тенденции в решении этого вопроса⁵¹. Партия выправляла свою политическую линию. Принятые решения ни в коем случае не свидетельствовали о каких-либо уступках кулачеству, а были направлены на то, чтобы борьба против него приняла действительно политический характер и была связана с работой партии в массах. Так как обычно кулацкое хозяйство ведется за счет эксплуатации чужого труда, то задача заключалась в том, чтобы заставить кулаков возмещать прежний наемный труд личным трудом в своем хозяйстве, разрешая им в необходимых случаях пользоваться за установленную плату удобрениями, машинами МТС и даже в отдельных случаях помощью рабочих бригад. Пленум ЦК обратил внимание партии на необходимость и далее применять по отношению к кулачеству прогрессивную систему госпоставок и сельскохозяйственного налога, что являлось выражением справедливого с клас-

⁵¹ «Základní předpisy o výkupu 1954», Praha, 1954, s. 19—20.

совой точки зрения отношения к ним. В случае же невыполнения ими своих обязанностей перед государством, кулаки должны подвергаться заслуженным наказаниям. Следовательно речь шла не об изменении политики по отношению к кулачеству, а об исправлении ошибок в методах борьбы с ним.

В результате достигнутых успехов в деле кооперирования крестьянства и ограничения кулачества в годы первой пятилетки в деревне были заложены основы социализма. К концу пятилетки социалистический сектор объединял 46,6% пахотной земли. Значительно была ослаблена хозяйственная сила и мощь кулацких элементов. В 1953 г. кулацких хозяйств с площадью земли 20—50 га осталось 8991⁵² (почти в четыре раза меньше), в их собственности находилось 131 999 га сельскохозяйственной земли⁵³, почти в восемь раз меньше, чем в 1949 г.

⁵² «Přispěvky k dějinám KSČ», 1961, № 4, s. 429.

⁵³ Данные 1955 г. Развитие народного хозяйства Чехословацкой республики, М., 1958, стр. 130.

О. С. ТАЛЬСКАЯ

ЧЛЕНЫ ТАЙНОГО ОБЩЕСТВА ВОЕННЫХ ДРУЗЕЙ В СИБИРИ

24 декабря 1825 г., через десять дней после восстания декабристов на Сенатской площади в Петербурге и за пять дней до начала восстания Черниговского полка под Киевом, произошло революционное выступление в Литовском корпусе; восстал пионерный (саперный) батальон. Офицеры и солдаты батальона, как и петербургские декабристы, отказались присягать Николаю I. В процессе следствия по делу о восстании саперов Литовского корпуса была раскрыта революционная организация Общество военных друзей. Историей Общества занимались как польские, так и советские исследователи¹. Но до сих пор многое остается неясным, и в первую очередь, политическая программа и связи с другими революционными обществами, в частности, с декабристами.

Тайное общество в Литовском корпусе было создано летом 1825 г. Организаторами его были: член разгромленного к этому времени польского тайного революционного общества филоматов в Вильне шляхтич М. И. Рукевич, командир 1-й роты пионерного батальона капитан К. Г. Игельстром и поручик А. И. Вегелин. Общество насчитывало 45 членов (многие из них были поляки)² и состояло из трех отделений (степеней). Во главе Общества военных друзей стоял комитет, куда входили офицеры Литовского корпуса Игельстром, Вегелин, Гофман, Петровский и Требинский. Один из членов комитета (Требинский) являлся начальником II степени — Общества согласия. Руководителем III степени, так называемого общества Зорян, был член Общества согласия канцелярист Л. Вронский. Члены разных степеней друг друга не знали. Всех членов Общества знал только комитет. Таким образом, конспирация выдерживалась очень строго; в этом основная причина того, что многое в деятельности организации не выяснено до настоящего времени. Общество военных друзей по своему составу было более демократическим, чем многие революционные тайные организации того времени, в него входили, кроме офицеров, и штатские — представители мелкой шляхты, чиновники и учащиеся.

¹ Н. Моścicki. Młodzież litewska i dekabryści. «Biblioteka Warszawska», t. I, z. 3, 1910; А. А. Сиверс. Тайное общество военных друзей (1825). «Дела и дни», 1920, кн. 1; L. Baumgarten. Dekabryści a Polska. Warszawa, 1952; П. Ольшанский. Декабристы и польское национально-освободительное движение. М., 1959.

² П. Ольшанский. Там же, стр. 202.

Члены Общества вели себя на следствии исключительно мужественно и придерживались одной тактики — отрицали политический характер своей организации, выдвигая на первый план культурно-образовательные цели. Но такого рода безобидные задачи вряд ли требовали столь строгой конспирации. Однако и в осторожных показаниях о целях Общества прозвучали такие слова, как «вольность» и «благо общее». Эти термины, под которыми русские революционеры первой четверти XIX в. подразумевали уничтожение самодержавия и феодально-крепостнического строя, насторожили следователей, и они стали нащупывать связи между военными друзьями и декабристами. Это было нелегким делом, так как усилия всех арестованных членов Общества военных друзей как раз были направлены к тому, чтобы их не обвинили в связях с декабристскими организациями и не подвергли таким же наказаниям. Однако в ходе следствия выяснилось, что Игельstromу было известно о существовании в Петербурге «двух партий» и, что сигналом к началу восстания саперов послужило, по-видимому, письмо В. К. Кюхельбекера³, который после восстания 14 декабря пытался бежать за границу и проехал в Польшу через Литву.

Раскрытие связей «военных друзей» с декабристами опасались не только подсудимые, но и цесаревич Константин Павлович, главнокомандующий войсками на территории Польши и Литвы. Наличие в подведомственных ему войсках тайной революционной организации, связанной с декабристами, грозило ему самому крупными неприятностями. Поэтому, когда командование Отдельного литовского корпуса обратилось к цесаревичу с просьбой допросить Кюхельбекера, Константин велел оставить показания Игельstromа без последствий. Мотивировка была следующая: «Это есть не что более, как выдумка подсудимого, не заслуживающая никакого внимания, но клонящаяся к запутанности и проволочке дела, а потому запретить... комиссии впредь принимать к рассмотрению своему подобные предметы, а судить капитана Игельstromа за те вины, которые уже открыты, не запутывая оных отвлеченными обстоятельствами»⁴.

Однако Константин Павлович прекрасно понимал и характер Общества военных друзей и смысл восстания пионерного батальона. Поэтому в заключении по военно-судному делу о восстании пионерного батальона Литовского корпуса Константин, не акцентируя внимания на возможных связях с декабристами, все же писал Николаю I, что преступления капитана Игельstromа и поручика Вегелина он приравнивает к преступлению Муравьева-Апостола и Бестужева-Рюмина и считает, что они заслуживают и равное им с последними наказание⁵.

Таким образом, связи Общества военных друзей с декабристами не были раскрыты следствием. Однако нельзя не прийти к выводу, что связи эти существовали. Об этом свидетельствуют и сам факт выступления пионерного батальона вскоре после восстания на Сенатской площади и с теми же целями и весьма значительная осведомленность Игельstromа о событиях в Петербурге, о причастности Кюхельбекера к событиям 14 декабря.

Следствие по делу Общества военных друзей продолжалось в течение сего 1826 г.; судил его членов военно-полевой суд Литовского корпуса. Осуждено было 13 человек, из них восемь на каторжные и крепостные работы в Сибирь. Главными виновниками были признаны М. И. Рукевич, К. Г. Игельstrom и А. И. Вегелин. Офицеров приговорили «за принадлежность к тайным обществам, намерение возмутить батальон и уклонение от присяги на верное подданство императорскому величеству, по лишению чинов и дворянского достоинства и по преломлению через палача над голо-

³ Там же, стр. 206.

⁴ Там же, стр. 209.

⁵ Восстание декабристов. Материалы, т. VIII. Центрархив. Л., 1925, стр. 247.

вами их шпаг»⁶, к каторжным работам в Восточную Сибирь на десять лет с оставлением потом в Сибири на поселении. На такой же срок осужден был и Рукевич. «Штатские» члены общества коллежский регистратор А. Гриневецкий, канцелярист Л. Вронский, шляхтич Иван (Ян) Высоцкий, Феликс Ордынский и его брат Карл Ордынский были приговорены к крепостным работам сроком на пять лет.

Рукевич, Игельстром и Вегелин отбывали каторгу в Чите и Петровском заводе вместе с декабристами. Главный штаб сообщил генерал-губернатору Восточной Сибири о том, что «государю императору угодно, чтобы преступники сии были отправлены в Нерчинские рудники, подобно государственным преступникам из С.-Петербурга, туда присланным»⁷. Вронский, Высоцкий и братья Ордынские были отправлены в западносибирские крепости. До Тобольска все семеро ехали вместе. Сохранились сведения об их поведении в пути. Один из жандармских документов воспроизводит допрос екатеринбургской жительницы, рассказавшей о том, что осужденные останавливались в ее доме во время следования в Сибирь. По ее сообщению, это были очень жизнерадостные люди, которые несмотря на то, что были закованы в кандалы, утверждали, что через три года они вернуться из Сибири и «ты увидишь, что мы будем еще веселей, да и вы все будете веселее и скажете нам спасибо»⁸. О мужестве этих людей свидетельствует и донесение сенатора князя Б. А. Куракина, который был специально послан Бенкендорфом наблюдать за поведением и настроением декабристов, следовавших в Сибирь. В донесении № 5 от 9 июля 1827 г. из Тобольска Куракин сообщал: «Прошло уже две недели, — писал он, — как в Тобольск привезли семерых государственных преступников, следующих из Польши, где они содержались секретно в течение пяти или шести месяцев — до получения касающихся их бумаг, которые должны были дать приказу ссыльных необходимые указания о их дальнейшем назначении... Так как их путешествие до сих пор совершалось на почтовых, и они не испытали ужасного положения тех, которые, будучи смешаны со всевозможного рода людьми, совершают свой путь пешком, то они вовсе не имеют вида людей, угнетенных своей участью... Но отсюда отправилась с обыкновенной цепью каторжников всяких сословий, и их настоящее наказание может считаться с этого времени»⁹.

В течение всего времени пребывания «военных друзей» в Сибири, местное начальство, доносившее об их поведении в III отделение, включало их в общие с декабристами списки под заголовком «Список лицам, прикосновенным к происшествию 14 декабря 1825 года»¹⁰. III отделение настолько привыкло считать их декабристами, что когда через 20 лет, в 1845 г., в связи с возникшей перепиской об отставке Высоцкого упомянуто было, что он являлся членом тайного Общества военных друзей, то шеф жандармов и начальник III отделения граф А. Ф. Орлов сделал запрос военному министру А. И. Чернышеву о том, что собой представляло это тайное общество и «о степени виновности и наказания лиц, к нему прикосновенных»¹¹. Ответ был совершенно неправдоподобным. В нем говорилось о додекаб-

⁶ Центральный государственный архив Октябрьской революции СССР (ЦГАОР), ф. 109 п, оп. 5, д. 136, ч. 1, л. 1.

⁷ Б. К у б а л о в. Члены «Тайного общества военных друзей» на каторге и поселении. Сб. «Декабристы на каторге и в ссылке», М., 1925, стр. 289.

⁸ ЦГАОР, ф. 109п, оп. 5, д. 297, л. 2 об.

⁹ Б. Л. М о д з а л е в с к и й. Декабристы на пути в Сибирь. В сб. «Декабристы. Незаданные материалы и статьи». М., 1925, стр. 118—119.

¹⁰ Центральный государственный военно-исторический архив СССР (ЦГВИА), ф. 345, оп. 276, д. 42, л. 17; ф. 395, оп. 281, д. 29, л. 6 и др.

¹¹ ЦГВИА, ф. 1, оп. 1, д. 15645, л. 1.

ристском «Обществе военных людей», существовавшем под председательством Александра Муравьева до преобразования Союза спасения¹².

Из Тобольска члены Общества военных друзей пошли по этапу к местам назначения. Игельстром, Вегелин и Рукевич — в далекую Читгу, где они попали в дружную семью осужденных декабристов, к братьям по духу, с которыми горячо и искренне подружились. В литературе, в частности, известна близкая и теплая дружба между К. Г. Игельстромом и Н. А. Бестужевым¹³.

Высоцкий, Вронский и Ордынские были направлены в Омск, где их постигла участь крепостных арестантов. Западносибирские крепости были местом тяжелых каторжных работ с жестокой военно-тюремной дисциплиной. В них наряду с уголовниками отбывали наказание осужденные военным судом солдаты и политические преступники.

После месячного пребывания в казематах Омской крепости четырех товарищей разлучили — Ордынских оставили на некоторое время в Омске, Высоцкий был отправлен в Усть-Каменогорскую крепость, а Вронский — в крепость Св. Петра города Петропавловска.

В Усть-Каменогорск Высоцкий прибыл 25 августа 1827 г. О том, что ему пришлось перенести в пути, рассказывают скудные строки из письма к родителям, копия которого сохранилась в III отделении: «По месячном в городе Омске пребыванию, с распоряжения местного начальства, отправлен верст за 900 в крепость Усть-Каменогорскую, и прибыл в оную 25 августа. Во время дороги и по прибытии на место (где мне судьба определена) слава богу здоров. Чувствительное ваше обо мне попечение запрещает описывать мои страдания, а только убедительнейше прошу не оставить прислать мне денег, в которых имею я крайнюю нужду»¹⁴. Через некоторое время в Усть-Каменогорскую крепость прибыли и братья Ордынские.

Официальная переписка касательно Ордынских проливает некоторый свет на положение, в котором находились они в Усть-Каменогорске. Из этой переписки известно, что командир Отдельного сибирского корпуса Вельяминов распорядился в 1829 г. перевести Ордынских в Семипалатинскую крепость ввиду того, что комендант Усть-Каменогорской крепости де-Лианкур «притеснял помянутых Ордынских»¹⁵. Вельяминову это стало известно от инспектировавшего каторжные тюрьмы Сибири жандармского полковника Маслова. Притеснение это, видимо, было настолько из ряда вон выходящим, что выдавший виды жандарм обратил на это внимание. В декабристской литературе де-Лианкур пользовался печальной славой самодура, пренебрежительно и жестоко относившегося не только к арестантам, но и к подчиненным¹⁶. Поэтому неудивительно его особенно враждебное отношение к политическим заключенным.

Л. Вронский прибыл к месту своего заключения — Петропавловск 14 августа 1827 г. и направлен был в «инженерную команду». Сведениями о его жизни крепостного арестанта мы располагаем также мало, как и о его товарищах в этот период. Письма его, попадавшие в III отделение, пересылались адресатам, так как никакой «крамолы» в них обнаружено не было. Но одна фраза из имеющегося в III отделении письма, написанного уже после освобождения от крепостных работ, о том, что «я освобожден из

¹² Там же, л. 3.

¹³ «Воспоминания Бестужевых», М.— Л., 1951, стр. 263.

¹⁴ ЦГАОР, ф. 109и, оп. 5, д. 136, ч. 4, л. 5.

¹⁵ ЦГВИА, ф. 36, оп. 4/847, д. 29, л. 47.

¹⁶ М. И. Муравьев-Апостол. Былое. Воспоминания и письма. Пг., 1922, стр. 24.

заклучения, вырван из общества людей отчаянных»¹⁷, свидетельствует о тяжелой обстановке, в которой Вронский провел эти годы.

В крепостных работах члены Общества военных друзей пробыли менее трех лет. По ходатайству родственников царь в январе 1830 г. распорядился «содержащихся в Омской области крепостных арестантов бывшего канцеляриста Вронского, бывших шляхтичей Феликса и Карла Ордынских и Высоцкого определить рядовыми в разные линейные сибирские батальоны»¹⁸. Вронский был направлен в батальон № 2 в крепость Пресновскую, Высоцкий — в батальон № 3 в Петропавловск, Ордынские — в батальон № 8 в Семипалатинск.

После пребывания в крепостных арестантах в тяжелейших условиях унижения человеческой личности солдатская служба казалась огромным физическим и моральным облегчением. Поэтому так неподдельно радостны письма «военных друзей» к родным, написанные после перевода их в солдаты. «Мысль, что мы среди звания столь полезного отечеству, ... оживляет души наши»¹⁹, — писали Ордынские родителям в апреле 1830 г. В письме к брату в мае того же года они сообщают: «Два месяца занимаемся мы охотно упражнениями, свойственными нашему званию»²⁰.

Однако солдатская лямка оказалась не столь легкой, как представляли осужденные. Родственники стали хлопотать об их переводе на гражданскую службу. Эти просьбы поддержал и генерал-губернатор Западной Сибири И. Вельяминов, который нуждался в грамотных чиновниках. Но царь в этих просьбах отказал, однако распорядился произвести их в 1832 г. в унтер-офицеры «с оставлением в тех же батальонах, в коих они ныне находятся»²¹.

Служба членов Общества военных друзей прослеживается по ежеквартальным донесениям дежурному генералу Главного штаба «О лицах, прикосновенных к происшествию 14 декабря 1825 года, служащих в войсках Западной Сибири».

Л. Вронский до самой своей смерти продолжал служить в Сибирском батальоне № 2. Медленно продвигался он по служебной лестнице: в 1838 г. получил первый офицерский чин прапорщика, в 1841 г. произведен в подпоручики, в 1848 г. — в поручики, и почти через 25 лет военной службы — в 1854 г. получил чин штабс-капитана²². Умер Вронский в том же чине в 1855 г. О его смерти было сообщено в III отделение: «Состоящий на службе в Сибирском линейном батальоне № 2 капитан Вронский, прикосновенный к происшествию 14 декабря 1825 года, умер от болезни 14 ноября 1855 года»²³.

Высоцкий, служивший в батальоне № 3 в Петропавловске, был в 1838 г. произведен в прапорщики, в 1841 г. в подпоручики²⁴. На этом его военная карьера закончилась: в 1845 г. он получил отставку и чин губернского секретаря для гражданской службы²⁵. Приказ этот был подписан 15 февраля 1845 г. и вслед за ним военный министр Чернышев пишет шефу жандармов Орлову о том, что царь распорядился установить за Высоцким секретный надзор и не разрешать ему выезжать из Петропавловска²⁶.

¹⁷ ЦГАОР, ф. 109и, оп. 5, д. 61, ч. 15, л. 40.

¹⁸ ЦГВИА, ф. 36, оп. 4/847, д. 29, л. 45.

¹⁹ ЦГАОР, ф. 109и, оп. 5, д. 61, ч. 15, л. 41.

²⁰ Там же, л. 56.

²¹ Там же, д. 136, ч. 8, л. 8 об.

²² ЦГВИА, ф. 395, оп. 289, д. 10, л. 20; оп. 290, д. 21, л. 10.

²³ ЦГАОР, ф. 109и, оп. 5, д. 136, ч. 6, л. 16.

²⁴ ЦГВИА, ф. 395, оп. 279, д. 24, л. 24.

²⁵ ЦГВИА, ф. 1, оп. 1, д. 15645, л. 1.

²⁶ ЦГАОР, ф. 109и, оп. 5, д. 136, ч. 4, л. 18.

Освободившись от военной службы, Высоцкий не стал и чиновником и жил на государственное пособие в 114 рублей в год, которое он получил, как и все неимущие декабристы. После 1847 г. Высоцкий в документах не упоминается.

Братья Ф. и К. Ордынские служили в Семипалатинске в Сибирском линейном батальоне № 8 с 1830 г. рядовыми, с 1832 г. — унтер-офицерами. В донесениях к дежурному генералу за 1832 и 1833 гг. братья аттестовались «хорошего поведения». Но в донесении за 1 квартал 1834 г. показано, что Ф. Ордынский находится под судом в Омской крепости²⁷. Причина не указана. После этого Феликс Ордынский в сибирских документах больше не фигурирует. В августе 1834 г. брат Карла и Феликса коллежский ассессор Леонард Ордынский просил Бенкендорфа ходатайствовать перед царем по случаю посвящения Александровской колонны о возвращении дворянского достоинства и производства в первый офицерский чин только младшему брату — К. Ордынскому²⁸. Отсюда можно сделать вывод, что в 1834 г. Феликса в Сибири уже не было. О нем известно, что в 1834 г. он служил на Кавказе в том же чине унтер-офицера в Кавказском линейном батальоне № 6²⁹. Дальнейшую судьбу Ф. Ордынского проследить не удалось.

К. Ордынский остался в Сибири, видимо, до конца жизни. Просьба Леонарда Ордынского оставалась без ответа почти три года. И только 22 мая 1837 г. из царской канцелярии было сообщено военному министру и шефу жандармов о том, что «на просьбу коллежского ассессора Ордынского об облегчении участи брата его сибирского линейного № 2 батальона унтер-офицера Карла Ордынского произвести в офицеры... неблагоприятно было изъявить монаршего соизволения»³⁰. Но в следующем году Леонард Ордынский все же добился перевода Карла на гражданскую службу: он стал чиновником самого низкого ранга — 14 класса. В течение 18 лет он служил в разных присутственных местах Западной Сибири и в 1856 г. вышел в отставку в чине коллежского секретаря. После отставки К. Ордынский с женой и четырьмя детьми жил в Семипалатинске.

После амнистии декабристам министерство внутренних дел распорядилось в 1857 г. «распространить милость... на находящегося в Семипалатинске политического преступника коллежского секретаря Ордынского»³¹. В случае возвращения на родину за ним должен был учредить секретный надзор виленский губернатор³². Однако тяжелое материальное положение не позволило Ордынскому и его семье воспользоваться разрешением вернуться на родину в 1857 г. К сожалению, имеющиеся в нашем распоряжении документы не дают ответа, уехал ли Ордынский в Белосток или остался в Западной Сибири до конца жизни.

Сотрудничество декабристов и польских революционеров в борьбе против самодержавия в 1-й четверти XIX в. положило начало революционному союзу братских народов России и Польши.

²⁷ ЦГВИА; ф. 395, оп. 271, д. 109, л. 2 об.

²⁸ ЦГАОР, ф. 109л, оп. 5, д. 136, ч. 8, л. 10.

²⁹ Там же, л. 21.

³⁰ Там же, л. 13 и 13 об.

³¹ Там же, л. 26.

³² Там же, л. 25.

Л. И. ЛАПТЕВА

ТАБОРИТЫ, ИХ СОЦИАЛЬНЫЙ СОСТАВ И ИДЕОЛОГИЯ В ОСВЕЩЕНИИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XIX — НАЧАЛА XX в.

До настоящего времени в советской литературе существовали лишь общие обзоры русской историографии гуситского движения¹. В них намечены лишь основные тенденции развития русской гуситологии. Настоящая статья имеет целью показать, что в освещении вопроса о таборитах в русской литературе немало особенностей. Кроме того, общие обзоры не затрагивали некоторых трудов русских историков и публицистов, в том числе популярных работ и энциклопедических статей, хотя по методологии они подчас стоят несравненно выше крупных сочинений. Настоящая статья призвана пополнить и этот раздел. Статья построена тематически: суждения русских гуситологов сгруппированы по проблемам. Внутри каждого раздела (темы) анализ ведется по хронологическому принципу. Таким образом, прослеживается развитие взглядов на тот или иной вопрос по каждой проблеме в течение всего исследуемого периода. Этим путем можно, на наш взгляд, наиболее наглядно отразить особенности воззрений отдельных авторов и представляемых ими научных направлений.

В русской литературе обсуждались причины, по которым табориты сумели добиться в своей борьбе исторически важных успехов. Из авторов славянофильского направления по этому вопросу высказался историк церкви А. Вертеловский. С его точки зрения, причины успехов таборитов слагаются из двух факторов: многочисленности самой партии и высокой одаренности ее вождей². Однако А. Вертеловский даже не ставит вопроса о том, почему сама партия приобрела большое число сторонников и последователей, то есть не видит социальных корней движения таборитов. Точно так же А. Вертеловскому, очевидно, не приходит в голову, что и такой фактор, как одаренность военачальников, можно иметь отношение к революционной эпохе, обычно выдвигающей новые таланты, в том числе и военные. Следствия принимаются А. Вертеловским за причины.

¹ Напр., в кн. «Очерки по истории исторической науки в СССР», т. II, М., 1960; Г. И. Липатникова. К изучению гуситского движения в русской дореволюционной историографии. В кн. «Вопросы истории славян», вып. I. Воронеж, 1963; А. И. Озолин. Из истории гуситского движения. Саратов, 1962, стр. 20—22.

² А. Вертеловский. История гуситов. «Труды Киевской духовной академии», 1873, № 2, стр. 238.

Совершенно иначе смотрит на успехи таборитов знаменитый русский ученый и публицист, автор «Истории славянских литератур» А. Н. Пыпин. Появление таборитов на исторической арене, как и их будущие успехи, он считает неизбежным следствием той обстановки, в которой отрицались папство и иерархия, утверждались права человеческого разума. Табориты оказались, по мнению А. Н. Пыпина, во главе всех течений гуситского движения, поскольку были «самым полным (и вместе с тем самым крайним) выражением гуситства, его наиболее последовательным и вместе самым национальным развитием»³.

В этом А. Н. Пыпин и видит залог их успехов. Этот взгляд, будучи гораздо более объективным и зрелым, чем взгляд А. Вертеловского, все же ставит на первый план идеологию, а не собственно социальные мотивы. Говоря об отрицании папства и иерархии, А. Н. Пыпин не формулирует ясно мотивов этого отрицания.

По вопросу о причинах таборитских побед высказывался также один из крупных русских исследователей таборитского движения, известный историк русской литературы С. А. Венгеров. Ему принадлежат некоторые из вообще немногочисленных русских работ, специально посвященных таборитам⁴. Будучи противником славянофильских построений в оценке гуситского движения, С. А. Венгеров видит основу гусизма в его нравственном направлении и не считает главными не только религиозные, но и социальные и национальные аспекты гуситского движения. Носителем нравственной идеи движения С. А. Венгеров признает «простой народ», из чего и проистекает его исключительно высокая оценка таборитов. Успехи их С. Венгеров объясняет опорой на массу населения, а поражения — тем, что табориты с течением времени лишились поддержки народа. Общественная практика таборитов была, по мнению С. Венгерова, важнее для их успехов, чем идеология: «не учение таборитов, а дела их взволновали мир». С. Венгеров резко критикует католических авторов, объяснявших таборитское движение стремлением к грабежу. Своих блистательных побед табориты добились, по мнению С. Венгерова, потому что сражались за «освобождение человечества от сковывающих его цепей»⁵.

Точка зрения С. Венгерова может быть охарактеризована как идеалистическая, поскольку он абсолютизирует нравственный фактор. Заслуга же его в том, что он привлек внимание исследователей к деятельности трудящихся масс чешского народа.

Довольно известный буржуазный историк, профессор Московского университета В. И. Герье, сравнивавший таборитов с пуританами Кромвеля, объяснял их победы скорее национальным, чем нравственным фактором. По его мнению, табориты «отождествляли врагов божьих с врагами чешской нации, и это придавало им непобедимую отвагу»⁶. Разумеется, и такой подход, на наш взгляд, никак не учитывает социально-экономических причин успешной борьбы таборитов с их врагами. Таким образом, в общей оценке успехов таборитского лагеря русские авторы оперировали идеалистическими объяснениями, не вскрывавшими сути явления.

³ А. Н. Пыпин, В. Д. Спасович. История славянских литератур, т. 2. СПб., 1881, стр. 860—861.

⁴ С. Венгеров. Причины гуситско-таборитского движения. «Русская мысль», 1881, кн. 12, отд. I, стр. 75—119; его же. Табориты и их общественно-политические идеалы. «Вестник Европы», 1882, кн. 8, стр. 579—607; кн. 9, стр. 80—112.

⁵ С. А. Венгеров. Табориты ..., стр. 581, 583, 584, 589, 601—603.

⁶ В. И. Герье. Гус. Гуситы. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона, т. IXа, стр. 934.

Значительно более подробно анализировались социальный состав и идеология таборитов. Большинство русских авторов видели главную силу таборитов в сельском населении. Одним из первых высказал такое мнение революционный демократ П. Ровинский, заметивший, что именно крестьяне прежде всего видели в таборитской партии «осуществление всех своих надежд и желаний». П. Ровинский указывает также на принадлежность к таборитам городской бедноты, некоторой части интеллигенции и панства. Особо выделяются П. Ровинским таборитские ученые, как «чуть ли не самые просвещенные люди своего времени», дальше которых не шли даже «мыслители века возрождения наук и Просвещения».

Если сведения П. Ровинского о входящих в состав таборитского лагеря социальных группах не вызывают сомнения, то его оценка таборитских идеологов представляется преувеличенной. Хотя это и самые передовые люди своего времени, они все же не могут быть поставлены на одну ступень с мыслителями «века возрождения наук и Просвещения».

П. Ровинский раскрывает идеологию таборитов на фоне феодального рабства, поясняя тем самым, сколь привлекательными для народа были идеи, согласно которым «все равны перед господом», а принципом жизни должны стать «взаимная братская любовь, свобода слова и поступков, крепкое стояние за правду божью». В таборитском учении П. Ровинский видит своеобразное сочетание религиозных и социальных мотивов, он останавливается на таких требованиях таборитов, как уравнивание сословий, прав и имущества, отрицание всякой не народной власти. В то же время П. Ровинский указывает на деструктивный характер таборитской программы и в этом смысле ставит ее ниже четырех пражских статей, отражавших идеологию чашников. До республиканской формы правления табориты, по мнению П. Ровинского, «еще не развились». Это явно противоречит его утверждениям, будто бы и мыслители эпохи Возрождения «не шли дальше» таборитских идеологов.

Заслугой П. Ровинского является рассмотрение идеологии таборитов в тесной связи с их социальным составом, объяснение изменений в идеологии эволюцией самого Табора. Внутренним противоречием развития таборитского лагеря П. Ровинский считает несовместимость полной свободы проповеди с фанатичностью главных таборитских проповедников, мысли об уравнинии людей — с фактическим диктаторством тех же проповедников и некоторых военных руководителей. Следует эту характеристику признать весьма меткой, особенно для 1868 г., когда она была высказана.

В целом П. Ровинский относится к таборитам достаточно объективно. Однако его точка зрения на таборитских вождей несколько противоречива, а кое в чем он даже проявляет «умеренность», усматривая причины таборитских «крайностей» в отказе таборитов от авторитетов⁷.

На фоне суждений П. Ровинского особенно чувствуется глубокий идеализм славянофила А. Ф. Гильфердинга. Основой таборитского движения он считает идею восстановления первобытной церкви, а социальные моменты квалифицирует как второстепенные, вытекающие из религиозных и национальных. Для А. Ф. Гильфердинга особенно важно, что табориты якобы «приняли на себя обязанность мстителей за нарушение христианского закона, за оскорбление языка чешского и славянского»⁸. Такая точка зрения достаточно типична для историка славянофильского направления, хотя А. Ф. Гильфердинг и признает в какой-то мере наличие у таборитов социальных устремлений.

⁷ П. Р о в и н с к и й. Главные моменты в истории чешского народа. «Современное обозрение», 1863, № 3, стр. 456—460, 462, 469, 477, 492.

⁸ А. Ф. Г и л ь ф е р д и н г. Собр. соч., т. I, 1868, стр. 366.

А. Вертеловский, подобно П. Ровинскому, отметил, что в таборитском лагере объединились городская беднота и низшие слои крестьянства, что в своем учении табориты опирались на Библию и на индивидуальный человеческий рассудок. Однако в отличие от П. Ровинского, А. Вертеловский усматривает у таборитских вождей стремление к республике. Не исключено, впрочем, что А. Вертеловский понимает под термином «республика» всякое народовластие в соответствии с буквальным смыслом латинского слова. Однако сам он такого толкования не дает. Для него характерно осуждение таборитов за их отказ руководствоваться авторитетом Пражского университета, за провозглашение индивидуальной свободы толкования Библии⁹.

Об идеологии таборитов писал также и А. Н. Пыпин. Он совершенно справедливо указывал, что чешский народ в развитии принципов реформы пошел дальше ее инициаторов, поскольку был — в отличие от них — равнодушен к традиционным формам общественного устройства. Социальные принципы учения таборитов А. Н. Пыпин оценивает весьма высоко, считая, что они опередили свой век¹⁰. Однако А. Н. Пыпин осмыслительнее П. Ровинского, он не сравнивает таборитское учение ни с идеологией Возрождения, ни, тем более, с Просвещением.

Один из самых известных русских гуситологов, автор капитальной монографии о роли чашы в гуситском движении И. С. Пальмов — в отличие от некоторых своих предшественников — явно недооценивает учение и историческую роль таборитов. Их роль в общем потоке гуситского движения он считает «ничтожной», а весь дух таборитского учения — «чуждым реформационному движению»¹¹. Суждения И. С. Пальмова об удельном весе таборитской партии в составе гуситской Чехии вызывают удивление. И уже совершенно непонятно, на каком основании И. С. Пальмов утверждал, будто табориты не пользовались сочувствием чешского народа. Вероятно, в этих утверждениях отдана дань концепции, выдвигающей утраквизм в гуситском движении на первое место.

С. А. Венгеров отметил взгляд таборитов на Библию как на единственный источник истины, вытекающий из этого взгляда их протест против установлений римской церкви, стремление к «общинному самоуправлению», к сословному и политическому равенству, к общности имуществ. Это последнее стремление С. Венгеров рассматривает как протест против сложившегося «гражданского порядка», как осуществление на практике таборитских идеалов всеобщего братства. И на реформацию таборитами семейных отношений С. Венгеров смотрит как на защиту свободы личности. В сравнительной оценке значения таборитов и чашников С. Венгеров выступает как противник И. Пальмова. Если для И. Пальмова поражение таборитов закономерно как естественное отсечение от гусизма чуждых ему начал, то для С. Венгерова победа утраквизма не скрывает его ничтожества, а табориты, несмотря на поражение, занимают «самые блестящие страницы всемирной истории». Таборитскую идеологию С. Венгеров рассматривает в динамике, но в основание ее периодизации кладет лишь нравственный принцип: расцвет таборитства связан с их глубоким убеждением в правоте защищаемого ими дела, а упадок — с развитием «распущенности, дикости и огрубения нравов». С. Венгеров понимал и сложность структуры таборитского лагеря. Он выделял «ядро» и «крайние секты», что является несомненным достижением для той эпохи, когда

⁹ А. Вертеловский. Там же, стр. 237—238.

¹⁰ А. Пыпин, В. Спассович. Там же, стр. 860.

¹¹ И. С. Пальмов. Вопрос о чаше в гуситском движении. СПб., 1881, стр. 254—256; его же. Чешский гуситизм и его историческое значение. «Славянские известия», 1909, № 3, стр. 294.

весь таборитский лагерь многими авторами рассматривался как некая недифференцированная масса¹².

В конце XIX в. на таборитскую идеологию обратили внимание историки, близкие к марксистскому направлению. К их числу относится Л. Давыдова — автор научно-популярного сочинения, составленного на основе трудов К. Каутского, написанных в тот период, когда он был ближайшим соратником Ф. Энгельса. Впрочем, Л. Давыдова, говоря о таборитах, модернизирует некоторые понятия, подходит к вопросу несколько упрощенно. По ее мнению, «крестьяне создали демократическую партию», а к ней присоединились «ремесленники и городской пролетариат». Речь идет также о «коммунистическом городе Табор», «сильной коммунистической окраске» таборитской «демократической партии», о «коммунистических сектах» и «коммунистических общинах». Здесь популяризация переходит в явные упрощения. Но Л. Давыдова придерживается правильного взгляда на учение таборитов в целом, считая религию лишь соответствующей духу времени окраской социальных устремлений таборитов. Л. Давыдова обращает также внимание на ограниченность таборитского «коммунизма», его распространение лишь на область потребления¹³.

Знаменитый русский историк Н. И. Кареев, полагал, что основу таборитского лагеря составляли, наряду с крестьянами, и мелкие рыцари. Лишь второстепенным элементом таборитской партии считает он городскую бедноту. В этом есть определенная неточность. Однако заслуга Н. И. Кареева состоит в довольно подробном разборе таборитской идеологии. Ученый указывает не только на ее источник — священное писание, но и на некоторые частные ее моменты, как религиозные (отрицание чистилища, культа святых, икон, мощей и т. д.), так и социальные: стремление уничтожить феодальный строй и аристократические привилегии. Н. И. Кареев не сомневается в том, что религиозная идеология таборитского учения находила непосредственное выражение в социальной сфере. Подобно П. Ровинскому и в противоположность А. Вертеловскому, Н. И. Кареев полагает, что идеалом общественного устройства была для таборитов община, руководимая верными слугами господина. От этого туманного представления, разумеется, еще далеко до «республики». Н. Кареев раскрывает непосредственную связь между взглядами таборитов на устройство общества и их отношением к частной собственности: при равных правах должно быть равенство и в имуществе. Из этого же принципа выводится и положение о необходимости, с точки зрения таборитов, секуляризации церковных имуществ. Н. И. Кареев видит противоречия внутри таборитского лагеря, в том числе и во взглядах на имущественное равенство¹⁴.

Уже из этого изложения взглядов Н. И. Кареева видна объективность его отношения к таборитам. Н. И. Кареев дает, хотя и в сжатой форме, анализ связи между религиозными основами учения таборитов и вытекавшими из них общественными результатами. Занимаясь главным образом историей Западной Европы, Н. И. Кареев особенно четко выражает взгляд на таборитов как на одно из звеньев в цепи народных движений в феодальной Европе, а на их идеологию смотрит как на продолжение и развитие предшествующих народных идеологических течений.

Кое в чем сходны со взглядами Н. И. Кареева воззрения А. В. Ме-

¹² «Вестник Европы», 1882, кн. 8, стр. 581, 582, 586, 587, 593, 596; кн. 9, стр. 81—82, 101.

¹³ Л. Давыдова. Табориты (по К. Каутскому). «Мир божий», 1897, № 10, отд. 1, стр. 207—211.

¹⁴ Н. И. Кареев. История Западной Европы в новое время т. 1. СПб., 1898, стр. 380, 398, 400.

зиер, автора весьма популярной, рассчитанной, вероятно, на самообразование, книги о гуситском движении. Она базируется только на литературе, однако, за основу А. В. Мезиер берет труды сравнительно прогрессивных авторов. Они излагаются в книге в весьма доступной, даже, можно сказать, художественной форме. Как и Н. И. Кареев, А. В. Мезиер отмечает стремление таборитов основать новое общество на началах всеобщего равенства, демократии и свободы. Но в суждениях о социальном составе таборитов А. В. Мезиер в отличие от Н. И. Кареева проявляет явное стремление резко отделить эксплуатируемую часть народа от рыцарства. В ее книге тесно объединены крестьяне и «городская чернь», однако, она не всегда объективно судит о мелкой шляхте, занимавшей, как известно, видное место в таборитском лагере. А. В. Мезиер несколько упрощает вопрос о социальном составе таборитов, пытаясь разделить их слишком прямолинейно по классовому признаку, без учета других факторов. Упрощение проявляется и в характеристике таборитских общественных идеалов как «республиканских». Но несмотря на явные симпатии к таборитам А. В. Мезиер не умалчивает и о некоторых трениях между ними и массой чешского населения. Живучесть таборитских идей А. В. Мезиер весьма метко объясняет тем, что они затрагивали социальную сферу жизни, решали имущественные вопросы на «самых демократических основаниях»¹⁵.

В общем, взгляды А. В. Мезиер, хотя и страдающие некоторыми упрощениями, следует отнести к передовым в русской дореволюционной гуситологии, особенно учитывая симпатии автора к трудящимся, имущественно обездоленным слоям чешского общества. В книге А. В. Мезиер нашли отражение демократические и революционные идеи, широко распространявшиеся в России в начале XX в.

Еще одним прогрессивным интерпретатором таборитского движения является В. Н. Перцев, впоследствии известный советский историк. Подобно Л. Давыдовой, В. Н. Перцев называл Табор крупнейшим центром и вооруженным лагерем коммунизма. Большое внимание уделял он экономическим условиям жизни таборитов, указывая на неосуществимость их идеалов в тогдашних исторических условиях¹⁶. В. Н. Перцев осветил таборитскую идеологию и социальный состав таборитов менее подробно, чем некоторые его предшественники, но зато в узких рамках энциклопедической статьи обратил главное внимание на «коммунистический» аспект таборитской идеологии, основывая свой анализ на ряде марксистских положений. Определенным недостатком освещения В. Н. Перцевым социального состава таборитского лагеря является его пренебрежение к рыцарству, которого он как бы вообще не видит. В утверждении В. Н. Перцева, что к таборитскому лагерю относились «рабочие городов», чувствуется модернизация событий XV в., или, по крайней мере, неточность формулировки.

Одним из критериев мировоззрения русских гуситологов является и отношение к методам, которыми пользовались табориты в своей борьбе с врагами. Так, С. Палаузов безоговорочно осуждает эти методы, считая таборитов «ужасной шайкой»¹⁷. Аналогично отношение к таборитам историков славянофильского направления В. Елагина и В. Бильбасова. Первый именует их «изуверами» и «свирепыми толпами»¹⁸, а второй назы-

¹⁵ А. В. Мезиер. Из оков к свободе. Рассказы из истории чешского народа. Спб., 1905, стр. 165, 168—172, 202, 250—251, 274.

¹⁶ В. Н. Перцев. Гуситы. Энциклопедический Словарь т-ва Бр. А. и И. Гранат, изд. 7, т. 17, (1913), стр. 416—418.

¹⁷ С. Палаузов. Иоанн Гус и его последователи. М., 1845, стр. 22, 25.

¹⁸ В. Елагин. Об «Истории Чехии» Франца Палацкого. «Чтения в Обществе истории и древностей российских» (далее — ЧОИДР), 1848, № 7, стр. 12, 13.

вает «кровавые сцены» последней четверти XIV столетия «предвестниками ужасов таборитских»¹⁹.

В более позднее время о «таборитских ужасах» говорил также историк церкви А. Спасский²⁰.

По-иному смотрел на таборитские методы борьбы П. Ровинский. Правда, и он признает, что табориты подчас действовали «с невыразимой яростью», но ожесточение народа против монахов он считает «понятным», объяснимым и извиняемым «особым положением» угнетенных масс. Гнев их он называет «справедливым», а корень зла видит «в состоянии тогдашней церкви и общества, представлявших если не больше, то, во всяком случае, не меньше нелепостей и дикого изуверства»²¹. Такое же мнение и К. К. Арсеньева (младшего), который объясняет фанатизм таборитов как следствие «насильственных мер», принимавшихся католической Европой для подавления гуситского движения²².

Особенно же решительно выступает против осуждения таборитов за их методы ведения войны С. А. Венгеров. Его доводы хорошо фундированы и звучат весьма убедительно. «Таборитов заставляли быть жестокими, — резюмирует С. Венгеров, — у них не было другого выбора»²³. Главное достоинство работ С. Венгерова состоит в выявлении и группировке всех фактов и событий, которыми объясняются действия таборитов.

На его работы опирается при освещении того же вопроса А. В. Мезиер. Правда, ее изложение отличается популярностью, но содержанием оно близко к венгеровскому. Добавления носят лишь разъяснительный характер. Как и С. Венгеров, А. Мезиер связывает усиление жестокостей в лагере таборитов в 30-х годах XV в. с распространением «распущенности, дикости и огрубения нравов»²⁴.

В общем, наиболее объективно из русских авторов подходили к освещению таборитских методов ведения борьбы с врагами П. Ровинский, С. Венгеров, А. Мезиер. Не отрицая самих фактов жестокости, они объясняют ее угнетенным положением народа и зверствами его противников. У С. Венгерова чувствуется даже некоторая пристрастность в пользу таборитов, вытекающая из стремления признать закономерными и необходимыми любые действия, исходящие от народа.

Некоторые авторы высказались по вопросу о том, в какой мере именно табориты продолжали дело Гуса. Один из анонимных рецензентов монографии А. Ф. Гильфердинга о Гусе, резко критикующий славянофильскую идеологию, видит в действиях таборитов продолжение борьбы Гуса за освобождение человеческой личности²⁵. Сходный взгляд высказал А. Н. Пыпин, считающий учение и деятельность таборитов «применением к делу идей Гуса» и выражающий мысль, что «сам Гус, может быть признал бы (с некоторыми изменениями) своими последователями скорее таборитов», чем чашников²⁶.

¹⁹ В. А. Бильбасов. Чех Ян Гус из Гусинца (1869). Перепечатано в кн. «Исторические монографии», т. 1. СПб., 1901. Цитировано по последнему изданию, стр. 290.

²⁰ А. Спасский. Гус и Виклеф. «Чтения в Обществе любителей духовного просвещения», июль, 1890, стр. 74.

²¹ П. Ровинский. Там же, стр. 459, 462.

²² К. Арсеньев. Ян Гус и чешская национальность. «Вестник Европы», 1868, № 9, стр. 381.

²³ С. Венгеров. Табориты... «Вестник Европы», 1882, кн. 9, стр. 88, 89, 100 — 108.

²⁴ А. В. Мезиер. Там же, стр. 210, 214.

²⁵ «Отечественные записки», 1871, № 9, стр. 85.

²⁶ А. Н. Пыпин, В. Д. Спассович. Там же, стр. 862.

И. С. Пальмов²⁷ и В. И. Герье²⁸ непосредственно, а Н. И. Кареев²⁹ косвенно связывают учение таборитов со взглядами Виклефа, считая, что в таборитской интерпретации гусовы идеи особенно похожи на виклефские. Для историков конца XIX — начала XX в. уже не стоял вопрос о сравнении учения таборитов с православием. Однако в более раннее время такой вопрос в русской литературе ставился.

Впрочем, и авторы славянофильского направления смотрят на связь таборитского учения с православием по-разному. С точки зрения Е. Новикова, «табориты в начале своей деятельности явились служителями православной идеи»³⁰, а по мнению А. Ф. Гильфердинга, «греческая церковь считала безбожниками» всех гуситов в целом, но стала признавать гуситское учение после разгрома таборитов³¹. Таким образом, А. Гильфердинг подошел к вопросу о связи таборитов с православием несколько объективнее Е. Новикова, хотя и не отрицал полностью некоей подспудной, «стихийной» связи между гусизмом и православием.

Интересно, что А. Ф. Гильфердинг скорее даже сближает таборитов с протестантами XVI в., утверждая, что они «пришли к тем самым почти положениям, которые выработал впоследствии Кальвин, и которые составляют сущность реформаторского учения»³². Подобной же точки зрения придерживался И. И. Первольф³³. На противоположной позиции стоит С. А. Венгеров: «Между специально религиозной программой протестантизма и преимущественно общественными идеалами таборитов лежит целая бездна»³⁴. С. А. Венгеров сближает таборитов с различными народными еретическими сектами — южнославянскими богомиллами, русскими раскольниками. Их общность он усматривает в нравственной идее. В сущности С. Венгеров подменяет вопрос о близости учений таборитов и будущих протестантов вопросом о направлении и характере деятельности тех и других, а проводимая им параллель между таборитами и раскольниками является данью как славянофильству (сближение славянских религиозных движений), так и идеалистической концепции примата нравственности. В этом смысле взгляд С. А. Венгерова антиисторичен.

И. С. Пальмов, в отличие от С. А. Венгерова, сближает таборитов с западными сектами, прежде всего с вальденсами³⁵. Оба автора упускают из вида тот факт, что сходство между всеми учениями, проповедующими священное писание как единственный источник истины, неизбежно, а также и то, что сходные идеологии рождаются в сходных исторических условиях.

Адамитов и пикартов внутри таборитского лагеря русская литература стала различать в основном с 70-х годов XIX в. В это время русские авторы относились к ним, как правило, с осуждением. Такое отношение выражено, например, А. Вертеловским, порицающим «чрезмерное возбуждение фантазии хилиастическими заблуждениями» и считающим подавление «крайностей» таборитства «благодетельным». А. Вертеловский

²⁷ И. С. Пальмов. Вопрос о чаше..., стр. 252; его же. Чешский гуситизм... «Славянские известия», 1909, № 3, стр. 294.

²⁸ В. И. Герье. Там же, стр. 933.

²⁹ Н. И. Кареев. Там же, стр. 380.

³⁰ Е. Новиков. Православие у чехов. ЧОИДР, 1848, № 9, стр. 86.

³¹ А. Гильфердинг. Гус. Его отношение к православной церкви. СПб., 1871, стр. 41.

³² А. Ф. Гильфердинг. Собр. соч., т. 1, 1868, стр. 366.

³³ И. И. Первольф. Славяне, их взаимные отношения и связи, т. 1. Варшава, 1886, стр. 26.

³⁴ С. Венгеров. Табориты... «Вестник Европы», 1882, кн. 8, стр. 581; кн. 9, стр. 112.

³⁵ И. С. Пальмов. Вопрос о чаше..., стр. 122, 258.

не сомневается в «бесчинствах» и «распущенности» адамитов и пикартов, осуждает их за «коммунизм»³⁶. Подобные взгляды высказывает и крупный русский гуситолог А. С. Клеванов, признающий адамитов и пикартов «порождением смутного времени», а их учение — «безрассудным»³⁷. Первым русским автором безоговорочно защищавшим адамитов и пикартов от нападок, был С. Венгерсв. Сведениями противников таборитского лагеря, используемым в большинстве трудов об адамитах и пикартах, С. Венгерсв отказывает в доверии. Однако этот объективно правильный подход к освещению наиболее радикальных таборитских течений обосновывается С. Венгерсвом все теми же идеалистическими соображениями: люди высокого мужества и ума не могли быть «просто развратниками». Особенно превозносит С. Венгерсв руководителя и идеолога адамитской секты Мартина Гуску (Локвиса)³⁸.

В дальнейшем отношение к адамитам и пикартам колебалось между этими двумя концепциями. Отрицательно отзывались о них И. В. Ягич³⁹ и В. И. Герье⁴⁰. Своеобразным синтезом явились взгляды Н. И. Кареева. Доверяя источникам, толкующим об «общности жен» у адамитов и пикартов, Н. И. Кареев одновременно видит в их деятельности «самые крайние из тех *социальных* (выделено нами. — Л. Л.) стремлений, какие проявлялись в гуситстве»⁴¹. Н. И. Кареев оказался первым из русских авторов, осознавшим действительный характер таборитских течений наиболее радикального направления. В этом его превосходство над С. Венгерсвом, хотя доверие к враждебным таборитству источникам и представляет собой несомненный шаг назад.

А. В. Мезиер в данном вопросе близка к С. Венгерсву. Неосуществимость пикартско-адамитских идеалов она считает не виной радикальных таборитов, а бедой их. Она осуждает террористические действия Жижки в отношении наиболее радикальных слоев таборитского лагеря⁴². В отличие от С. Венгерсва, А. Мезиер не переоценивает нравственные факторы, а на критике источников вообще не останавливается, но ее симпатии к пикартам и адамитам несомненны.

Концепции неприятия пикартско-адамитской идеологии придерживался М. К. Любавский, буржуазный историк, живший еще и в советское время. Радикальные течения таборитов представлялись ему занесенными извне. Он не замечал социальных корней этих течений и полностью доверял источникам, осуждающим адамитов и пикартов⁴³.

Как осуждавшие адамитов и пикартов историки, так и защищавшие их, лишь в редких случаях подходили к правильной интерпретации их идеологии как социально обусловленной. В этом смысле ничем не отличается от прочих буржуазных историков и С. Венгерсв. Исключения составляют Н. И. Кареев и частично А. В. Мезиер.

В нескольких русских работах освещалось также военное искусство таборитов. Впервые выступил с освещением этого вопроса молодой В. И. Ламанский еще в 1859 г. Он превозносит тактику таборитов и их гениальных полководцев, победивших армии целой Европы, отмечает

³⁶ А. В е р т е л о в с к и й. Там же, стр. 225, 263, 266.

³⁷ А. С. К л е в а н о в. Очерк истории чешского вероисповедного движения, ч. 2. М., 1876, стр. 938.

³⁸ С. В е н г е р о в. Табориты ... «Вестник Европы», 1882, кн. 9, стр. 86—87.

³⁹ И. В. Я г и ч. Предисловие к ст.: Ю. С. Анненков. Сочинения Петра Хельшицкого. «Сборник ОРЯС АН», 1893, т. 55, стр. II—III.

⁴⁰ В. И. Г е р ь е. Там же, стр. 933—934.

⁴¹ Н. И. К а р е е в. Там же, стр. 399.

⁴² А. В. М е з и е р. Там же, стр. 222—223.

⁴³ М. К. Л ю б а в с к и й. Лекции по истории Чехии. М., 1912, стр. 100, 104, 107.

нововведения в боевой технике, вооружении и организации армии, а также излагает сведения о чешских войнах за рубежами Чехии, применявших принципы ведения войны, выработанные таборитскими полководцами⁴⁴. Однако главное его внимание обращено на личность Жижки.

Позднее к военному искусству таборитов обращаются лишь в 80-е годы. Значительное внимание их тактике и вооружению уделили А. Ф. Риттих и А. Пузыревский. Первый отметил высокую моральную стойкость таборитской армии и прежде всего ее пехоты, храбрость конницы и использование легкой артиллерии, которую до этого феодальные армии не применяли. Далее А. Ф. Риттих останавливается на организации гуситского войска, его тактике и походном порядке. Ни социальный состав армии, ни причины высокой дисциплинированности А. Ф. Риттиха не интересуют⁴⁵. В это же время А. Пузыревский выступил с работой, в которой утверждал, что табориты по-новому использовали различные рода войск в бою, что высокий моральный дух гуситского войска компенсировал недостаток обученности воинов. В религиозной и нравственной чистоте, в гениальности полководцев А. Пузыревский видит основу «неслыханной дотоле дисциплины», а также появления «своеобразных военных приемов». Особо останавливается А. Пузыревский на тактике оборонительного боя, на повышении значения пехоты, искусном сочетании обороны с наступлением, выработке высоко совершенного военного устава. В связи с последним А. Пузыревский выделяет Гаека из Годетина, который еще до начала гуситских войн восстановил и привел в систему древнее славянское военное право⁴⁶. В общем, характеристику военного искусства таборитов, данную А. Пузыревским, следует считать лучшей в русской дореволюционной литературе. Но и ей присущ общий недостаток буржуазной методологии. А. Пузыревский не поднялся до понимания социальных причин того высочайшего уровня военного искусства, который был достигнут революционным народом в революционную эпоху.

Историк литературы, профессор Дерптского (Юрьевского) университета П. А. Висковатов также описал вооружение гуситов, дал краткий анализ воинского устава Жижки, отметив, что этот свод военных правил «послужил источником шведскому воинскому уставу», который затем «лег в основание всех европейских воинских уставов». Как и В. И. Ламанский, П. А. Висковатов обратил внимание на тактические нововведения и высокую организацию армии таборитов, на их умение использовать условия местности и особенности тактики противника (в. П. Висковатов описал также две битвы — на Витковой горе и у Немецкого Брода⁴⁷). Социальных корней организации и тактики таборитской армии он не касается, повторяя, таким образом, ошибку своих предшественников.

Таким образом, в русской литературе военное искусство таборитов освещалось прежде всего с военной стороны. Впрочем, и в этом отношении имелись серьезные пробелы. Мало внимания уделялось отдельным сражениям, утверждения не иллюстрировались и тем более не доказывались примерами из боевой практики таборитского войска. Сама литература о военном искусстве немногочисленна.

⁴⁴ В. И. Ламанский. О славянах в Малой Азии, Африке и Испании. Уч. зап. 2-го отд. АН, кн. 5, СПб., 1859, стр. 132—144.

⁴⁵ А. Ф. Риттих. Славянский мир. Варшава, 1885, стр. 77.

⁴⁶ А. Пузыревский. История военного искусства в средние века, ч. 2. СПб., 1884, стр. 34, 35, 42, 44.

⁴⁷ П. А. Висковатов. Иван Жижка. Ревель, 1892, стр. 7—9.

Из отдельных личностей таборитского лагеря наибольшее внимание русских авторов привлек Ян Жижка. Уже в 40-х годах XIX в. его высоко оценил С. Палаузов, назвавший Жижку гениальным полководцем, поставив его рядом с такой выдающейся личностью, как Кромвель⁴⁸. Сравнение это, разумеется, не учитывает важнейших конкретно-исторических факторов.

Для ранних трудов В. И. Ламанского характерно славянофильское отношение к Жижке как к орудию провидения, призванному отомстить «немецкому миру за сожжение Гуса и Иеронима», а также защитить «доброе имя всего мира славянского». По мнению В. И. Ламанского, в действиях Жижки были даже элементы панславизма (!). Русский ученый видит подтверждение этого тезиса в «братании» Жижки с поляками, постоянном ношении им польского платья и симпатиях к русским. При этом В. И. Ламанского не смущает тот факт, что Жижка, по свидетельству документов, симпатизировал лишь одному «русскому», а именно Сигизмунду Корибутовичу. В. Ламанский считает возможным отделять Жижку от таборитов на том основании, что гуситский полководец не отвергал личную собственность и не предавался «всепоглощающему деспотизму нивеллирования». Отсюда уже ясно видно, что В. Ламанский приписывал всем таборитам единую идеологию, не видел сложной структуры Тabora. Впрочем, ненависть Жижки к «феодальному дворянству» В. Ламанский признает неоспоримым фактом. Однако и это не побуждает ученого отказаться от мысли о «чужеродности» для Жижки таборитской среды. Из личных качеств Жижки В. Ламанский отмечает его доходившую до фанатизма одержимость, набожность, преданность учению Гуса, неподкупность, скромность. Весьма высоко ценит В. Ламанский полководческий талант Жижки, рациональность всех его действий на поле боя, его огромную роль в развитии «новой европейской тактики»⁴⁹.

В общем, представив образ Жижки достаточно ярко, В. Ламанский не сумел, однако, избежать явных натяжек из-за своего славянофильского мировоззрения и отрицательного отношения к таборитам.

Умеренный отзыв о деятельности Жижки принадлежит П. А. Ровинскому, которого интересуют прежде всего социальные взгляды Жижки и особенно его демократичность. П. Ровинский подчеркивает стремление Жижки к уравниению сословий и подразделение им всех людей на три разряда в зависимости от отношения к божьему закону: истинных христиан, явных врагов закона божьего и тайных его врагов. Не разделяя взгляда В. Ламанского на непричастность Жижки к таборитскому лагерю, П. Ровинский констатирует лишь, что гениальный полководец далеко не во всем сходил с «остальными таборитами»⁵⁰. Употребив слово «остальными», П. Ровинский явно дает понять, что считает таборитом и Жижку. Совершенно чужды П. Ровинскому какие бы то ни было мысли о «панславизме» Жижки. Уступая В. Ламанскому в характеристике Жижки как полководца, П. Ровинский значительно превосходит поборника славянофильских взглядов в оценке Жижки как общественного деятеля.

Военные историки, естественно, интересовались прежде всего полководческой деятельностью Жижки. По мнению А. Пузыревского, Жижке как полководцу очень помогало его тонкое знание человеческой натуры. Это знание позволило ему уравновесить превосходство хорошо

⁴⁸ С. Палаузов. Там же, стр. 22, 24.

⁴⁹ В. И. Ламанский. Там же, стр. 132—139.

⁵⁰ П. Ровинский. Там же, стр. 464, 468, 469.

обученных и вооруженных врагов и победить их силами «плохо вооруженных милиционеров»⁵¹.

А. Ф. Риттих называет Жижку «душою таборов», «страстным и предприимчивым военным деятелем», подчеркивает его неподкупность и беззаветное служение делу, но косвенно осуждает нежелание Жижки стать правителем Чехии, полагая, что такое бескорыстие вождя привело к излишнему кровопролитию из-за отсутствия твердой руки, способной навести в стране порядок. Весьма высоко оценивает А. Риттих Жижку как полководца, военного организатора, тактика и стратега, предвестника новейших военных приемов⁵².

И. Первольф, подобно В. Ламанскому, особо подчеркивает славянские симпатии Жижки, хотя и не возводит их в ранг «панславизма»⁵³.

П. Висковатов останавливается как на военном искусстве Жижки, так и на его религиозных и социальных взглядах. В отношении военного искусства Жижки он, в сущности, излагает почти те же сведения, что и его предшественники. Не вносит он ничего существенно нового и в вопрос о религиозных и социальных взглядах Жижки, сближая эти взгляды с воззрениями Яна Гуса⁵⁴. Единственное преимущество работы П. Висковатова перед другими состоит в том, что в ней сосредоточены все основные ранее известные в литературе сведения о Жижке. Однако разработка вопросов не достигает той глубины, которая характерна для сочинений, освещающих лишь отдельные стороны личности Жижки.

Один из наиболее ярких литературных портретов Жижки дает А. В. Мезиер. Она остановилась и на сравнительно малоизвестных подробностях ранних лет жизни Жижки, когда тот разбойничал в лесах Южной Чехии. А. В. Мезиер ни в коей мере не осуждает Жижку за разбой, поскольку считает такое занятие для небогатого рыцаря «обычным во всей Европе» того времени, что, конечно, общеизвестно и отмечалось также Ф. Энгельсом в работе «Крестьянская война в Германии». Разбойничьи подвиги Жижки находят оправдание у А. В. Мезиер еще и потому, что были направлены против крупных панов.

А. В. Мезиер связывает деятельность Жижки с «народными обидами» и считает, что уже в молодости Жижка созрел как будущий народный вождь. В отличие от В. И. Ламанского и И. И. Первольфа, А. В. Мезиер усматривает в военной деятельности Жижки не столько славянские симпатии, сколько любовь к военному делу, а также одержимость его как поборника гусова учения. Если некоторые авторы резко осуждают Жижку за его подчас жестокое отношение к населению, то А. В. Мезиер находит его действия неизбежными в обстановке Чехии начала XV в. Точно так же оправдывает А. В. Мезиер и разграбление Жижкой монастырей. В отношении социальных взглядов и общественной деятельности Жижки А. В. Мезиер высказывается значительно сдержаннее. Осудив его за расправу с адамитами и пикартами, А. В. Мезиер подчеркивает, что «вожаком социальных движений своего времени он никогда не был», что Жижка на Чаславском сейме выступал за соглашение с католиками, что он нередко склонялся к учению чашников. Тем не менее, А. Мезиер не забывает и о чрезвычайно прочных связях Жижки с таборитами, основанных прежде всего на общем для всех таборитов стремле-

⁵¹ А. Пузыревский. Там же, стр. 36—38.

⁵² А. Ф. Риттих. Там же, стр. 76—78, 80.

⁵³ И. И. Первольф. Славяне, их взаимные отношения и связи, т. III, ч. I. Варшава. 1890, стр. 44.

⁵⁴ А. Висковатов. Там же, стр. 5, 9, 15—17, 22, 23.

нии уравнивать права сословий⁵⁵. Заслуга А. В. Мезиер состоит в том, что Жижка в ее описании предстает вполне реальным человеком, со своими достоинствами и недостатками. Впрочем, А. В. Мезиер несколько принижает роль Жижки как политического деятеля. Ведь объективным фактом является то, что Жижке удалось привлечь в свою армию крупные массы сельского населения и городской бедноты и руководить их классовыми боями.

В. Н. Перцев — подобно своим предшественникам — оценил политическую программу Жижки как колебания между таборитами и чашниками, считая, что в этих колебаниях сказалось рыцарское происхождение полководца. Вероятно, с этим утверждением следует согласиться и ныне. В. Н. Перцев смотрит на Жижку как на продукт революционной эпохи, подчеркивая одновременно, что и сам полководец отлично умел пользоваться тем орудием (т. е. таборитской армией), которое «дала ему в руки революция»⁵⁶. В общем, портрет Жижки, нарисованный В. Н. Перцевым, представляется достаточно объективным, хотя и фрагментарным.

Кроме Жижки из таборитских полководцев пользовался вниманием русских историков лишь Прокоп Великий. Первым отозвался о нем П. Ровинский, и его оценка так и осталась в литературе самой подробной и значительной. П. Ровинский ставит Прокопа ниже Жижки как полководца, но выше как политического деятеля. В личности и поведении Прокопа П. Ровинский подчеркивает сочетание превосходного воспитания и образования с величайшей демократичностью, его постоянные не только военные, но и дипломатические успехи, любовь к чешской народности и гуситской вере, широту взглядов, уважение свободы суждений и способность мириться с противниками, если это не вредило общественным интересам. П. Ровинский останавливается также на выступлениях Прокопа перед Базельским собором, где он одержал крупные дипломатические победы⁵⁷. В общем, П. Ровинский удачно суммирует все известные данные о втором из таборитских полководцев. О Прокопе писали также А. Вертеловский⁵⁸, В. И. Герье⁵⁹, А. В. Мезиер⁶⁰, однако менее подробно и ярко, чем П. Ровинский.

Следует в заключение остановиться еще на одной проблеме, обсуждавшейся в русской литературе, а именно — на тезисе об исторической преждевременности социальной программы таборитов. Интересно проследить, как постепенно углублялось осознание причин этой преждевременности.

В 1869 г. А. М. Иванцов-Платонов объяснял неизбежность гибели таборитов тем, что у чехов отпала необходимость вести вооруженную борьбу с врагами. Табориты, по его мнению, были несовместимы с обстановкой порядка и спокойствия в стране⁶¹. В трактовке В. Вертеловского упадок таборитов был предопределен признанием одного лишь священного писания за основу истины, между тем как практическая жизнь ставила множество проблем, не находивших ответа в тексте писания. По мысли А. Вертеловского, отказ от авторитетов неизбежно ведет

⁵⁵ А. В. Мезиер. Там же, стр. 133—138, 156—163, 183—185, 203, 205, 221, 221, 229.

⁵⁶ В. Н. Перцев. Там же, стр. 419—420.

⁵⁷ П. Ровинский. Там же, стр. 472, 473, 479.

⁵⁸ А. Вертеловский. Там же, стр. 150.

⁵⁹ В. И. Герье. Там же, стр. 933.

⁶⁰ А. В. Мезиер. Там же, стр. 240.

⁶¹ А. М. Иванцов-Платонов. Очерк истории христианства у славянских народов. «Православное обозрение», 1868, первое полугодие, стр. 680

к разложению ввиду центробежных тенденций, характерных для всяких субъективных, индивидуальных устремлений⁶². Отличаясь от воззрений А. М. Иванцова-Платонова, это мнение, однако, столь же мало, как и первое, вскрывает действительные причины исторической преждевременности социальных идей таборитов.

Весьма характерно, что на рассматриваемую проблему обратили внимание все приближавшиеся к марксизму русские историки гуситского движения. Л. Давыдова отметила неизбежность гибели таборитов, «потому, что их коммунизм не соответствовал тогдашним условиям производства»⁶³. В том же духе трактуют эту проблему А. В. Мезиер и В. Н. Перцев. Оба они считают, что главные разногласия среди таборитов возникли по вопросу о способах обобществления имущества. А. В. Мезиер указывает на свойственные началу XV в. «производственные отношения и ... формы хозяйства», говорит о «частной собственности на землю и другие орудия производства», делает вывод, что в подобных условиях попытки обобществления имущества «должны были неминуемо разбиться при столкновении с жизнью». Вполне современным является утверждение А. Мезиер, что табориты, будучи людьми трудящимися, не могли добровольно лишиться средств производства, чтобы объединить вырученные средства в общей кассе, а об обобществлении средств производства в XV в. еще не могло быть и речи. «Таким образом, — заключает А. В. Мезиер, — при отсутствии общности на средства производства общность на средства потребления ... была заранее обречена на гибель»⁶⁴.

В. Н. Перцев тоже видит причину несовместимости таборитских идей с исторической эпохой в экономических условиях этой эпохи. Подобно А. В. Мезиер, В. Н. Перцев указывает на невозможность для таборитов продать свои средства производства для передачи денег в общую кассу при тогдашних условиях организации ремесла и крестьянского хозяйства. Как и А. Мезиер, В. Перцев подчеркивает факт сохранения индивидуальной собственности на землю и орудия труда и делает на этом основании вывод о преждевременности таборитского «коммунизма» в условиях Чехии XV в.⁶⁵

Подводя итоги очерку освещения вопроса о таборитах в русской дореволюционной литературе, следует отметить, что даже этот частный вопрос невозможно исчерпывающе изложить в небольшой статье. В статье не упоминаются труды, которые содержат лишь краткие высказывания о таборитах. Нам представляется неприемлемым мнение о засилии славянофильских концепций в освещении всех частных проблем гуситского движения. В середине XIX в., когда славянофильские взгляды на историю гуситского движения получили наибольшее распространение, интерес к действиям народных масс еще не пробудился. Славянофилы обращали главное внимание на отдельные личности, а также на религиозную идеологию гуситов. Демократизация общественной жизни в России 60-х годов вызвала интерес к изучению роли народных масс в истории, а славянофильские концепции к этому времени претерпели уже серьезные изменения. Отражением этого в гуситологии является, например, работа П. Ровинского, а позднее труды С. Венгерова. В годы революционного подъема и распространения марксистских идей, то есть с конца XIX в. до Великой Октябрьской социалистической революции, интерес к табо-

⁶² А. В е р т е л о в с к и й. Там же, стр. 237.

⁶³ Л. Д а в ы д о в а. Там же, стр. 211—213.

⁶⁴ А. В. М е з и е р. Там же, стр. 219—220.

⁶⁵ В. Н. П е р ц е в. Там же, стр. 418.

ритам усиливается, а таборитская идеология и практика начинают в отдельных трудах рассматриваться даже в экономическом плане, с точки зрения соответствия таборитской социальной программы производственным отношениям эпохи. Можно, таким образом, утверждать, что марксистский подход к отдельным сторонам таборитского движения стал зарождаться уже в предреволюционные годы.

Европейская и русская гуситология еще не решила всех вопросов структуры таборитского лагеря. Это вызывало известную путаницу во взглядах на всех этапах рассматриваемого периода. Это касается, например, оценки Жижки как политического деятеля, его связей с остальными таборитами и т. п. Ясных представлений об удельном весе отдельных социальных слоев внутри таборитского лагеря еще не было. Вплоть до начала XX в. одни авторы упускали из виду или недооценивали городскую бедноту в Таборе, другие — рыцарство.

Несмотря на эти недостатки, русская дореволюционная литература о таборитах свидетельствует об определенных достижениях русской исторической науки и показывает, что русское славяноведение в определенных областях шло вровень с передовой общественной мыслью России.

В. Д. КОРОЛЮК

ВОЛОХИ И СЛАВЯНЕ «ПОВЕСТИ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ»

Этноним волохи в применении к части населения Дунайского бассейна, вызвавший довольно оживленную полемику в нашей литературе, в «Повести временных лет» фигурирует трижды. По-видимому, не случайно в летописном тексте в двух случаях этноним волохи выступает рядом с именем славян. Летописные статьи о дунайских волохах настолько кратки, что их можно привести здесь полностью без всякого риска затруднить читателя. Зато, имея перед глазами анализируемые тексты, в дальнейшем легче будет следить за ходом рассуждения автора этих строк.

Дважды имя волохов появляется в историко-этнографическом введении, которым открывается «Повесть временных лет». В первый раз — при общем перечислении народов: «Афетово бо и то колено: варязи, свеи, урмане, готе, русь, агияне, галичане, волъхва, римляне, немци, корлязи, веньдици, фрягове и прочии, ти же приседять от запада к полуденью и съседяться с племяем хамовым»¹.

Вторично — при переходе от перечисления народов к освещению древнейших судеб славянского племени, его первоначального расселения: «От сих же 70 и 2 языку бысть язык словенск, от племени Афетова, нарци, еже суть словене. По мнозех же временах сели суть словени по Дунаеву, где есть ныне Угорьска земля и Болгарьска. И от тех словен разидошася по земле и прозвашася имени своими, где седше на котором месте». Это расселение славян автор введения прямо связывает с вторжением волохов, о чем свидетельствует следующий текст: «Волхом бо нашедшем на словени на дунайския, и седшем в них и насилящем им, словени же ови пришедше седоша на Висле...». Далее следует подробная характеристика расселения славянских племен, заканчивающаяся знаменитой фразой: «И тако разидеся словеньский язык, тем же и грамота прозвася словеньская»².

Наконец, в третий раз этноним волохи выступает в летописной статье, помещенной под 898 г. и рассказывающей о венгерском завоевании Паннонии: «Идоша угри мимо Киев горою, еже ся зоветь ныне Угорьское и пришедше к Днепру стаха вежами, беша бо ходяще аки се половци. Пришедше от вьстока и устремихася черес горы великия, яже прозваша ся горы Угорьския, и почаша воевати на живущая ту волохи

¹ «Повесть временных лет» (далее ПВЛ), ч. I. М.—Л., 1950, стр. 10.

² Там же, стр. 11.

и словени. Седяху бо ту преже словени, и волохове приша землю словеньску. Посем же угри прогнаша вольхи, и наследша землю ту, и седоша с словены, покоривше я под ся, и оттоле прозвася земля Угорьска»³.

Далее в статье вновь говорится о первоначальном единстве славян и о том, что славяне «седяху по Дунаеви, их же приша Угри», рассказывает о деятельности Кирилла и Мефодия, который объявляется преемником апостола Андроника, в свою очередь, поставленного славянским епископом апостолом Павлом: «В Моравы бо ходил и апостол Павел и учил ту; ту бо ест Илюрик, его же доходил апостол Павел, ту бо беша словене первое»⁴. Вот и все, что сообщает наша летопись о дунайских волохах.

Среди исследователей нет единого мнения по вопросу этнической принадлежности волохов. Одни ученые пытались объяснить этноним волохи через скандинавское наименование жителей Нормандии — Valland, другие — видели в них римлян Траяна⁵. Были сторонники признания волохов кельтами, болгарами, гетами, готами и румынами⁶. В настоящее время под влиянием трудов А. А. Шахматова⁷ в нашей литературе наиболее распространено мнение, что в летописных волохах следует усматривать франков. В связи с этим и термин «Волошская земля», употребленный летописцем в историко-этнографическом введении к «Повести временных лет», предлагается считать синонимом Франкской империи, затем Священной Римской империи⁸.

Основанием для такого решения вопроса является следующий ход мыслей: летопись определенно помещает под 898 г. рассказ о завоевании венграми Паннонии; поскольку до прихода венгров можно говорить только о франках как о народе, установившем свою власть над жившими «ту преже» славянами, постольку именно франков и мог иметь в виду летописец, упоминая волохов, напавших на славян, поселившихся среди них и затем изгнанных венграми.

Хотя это объяснение и кажется на первый взгляд самым простым и очевидным, в действительности спорность его сразу же бросается в глаза при более внимательном чтении летописного текста и прежде всего того отрывка, где упоминается Волошская земля. Поскольку ранее соответствующее указание летописца не цитировалось, приведем здесь его полностью и в контексте: «Ляхове же и пруси, чюдь преседять к морю Варяжьскому. По сему же морю седять варязи семо ко вьстоку до предела Симова, по тому же морю седять к западу до земле Агнянски и до Волошьски. Афетово бо и то колено: варязи, свеи, урмане, готе, русь, агняне, галичане, вольхва, римляне, немци, корлязи, веньдици, фрягсве и прочии, ти же приседеть от запада к полуденю и съседаться с племянем хамовым»⁹.

³ Там же, стр. 21.

⁴ Там же, стр. 23.

⁵ ПВЛ, ч. II, М.—Л., 1950. См. комментарий Д. С. Лихачева, стр. 241—243.

⁶ Подробный обзор мнений см. M. G u o n i. Les Volochs des Annales primitives de Kiev. «Études Slaves et Roumaines», vol. 2, f. 2. Budapest, 1949. Сам автор склонялся к тому, чтобы признать их неолатинским населением среднего Подунавья, исчезнувшим в результате венгерского завоевания. Старороманским населением считают волохов молдавские историки. См. «История Молдавской ССР», изд. 2, т. I. Кишинев, 1965, стр. 65.

⁷ А. А. Шахматов. Волохи Древней русской летописи. «Известия Таврической ученой архивной комиссии», № 54, Симферополь, 1918.

⁸ А. Г. Кузьмин. «Варяги» и «Русь» на Балтийском море. «Вопросы истории», 1970, № 10, стр. 31. Д. С. Лихачев, впрочем, не считает вопрос об этнической принадлежности волохов решенным окончательно, оставляя его открытым. ПВЛ, ч. II, стр. 241.

⁹ ПВЛ, ч. I, стр. 10.

В процитированном отрывке четко выделяются две линии летописного изложения: с одной стороны, дается характеристика протяженности Варяжского (Балтийского) моря, которое, по представлениям летописца, огибает Европу с севера на восток и доходит до стран семитических народов и с севера на запад и юг, достигая стран народов хамитского корня, а с другой — перечисляются народы, живущие по его побережью. В числе их действительно есть франки, но упоминаются они под именем корлязей или немцев корлязей¹⁰, а не волохов. Последние помещены отдельно. Поскольку последовательность перечисления народов не вполне ясна в летописи: варяги, шведы, норманы (урмане), готы, русь, агняне (англы), галлы или жители Уэлса (галичане)¹¹, волохи, римляне, немцы, франки (корлязи), венецианцы и генуэзцы, — окончательно судить о местожительстве волохов по самому расположению этнонимов нет возможности. Зато гораздо более показательно замечание летописца о Волошской земле как последнем пункте Варяжского моря на юге по соседству с хамитическими народами. В литературе уже обращалось внимание на то обстоятельство, что взгляд летописца на Балтийское море как на длинную водную полосу, простирающуюся далеко на восток до земель семитических народов, аналогичен представлениям как восточных¹², так и западных современников¹³. Вместе с тем русскому летописцу, очевидно, известна была и возможность путешествия из Прибалтики, огибая Европу, в Средиземноморье, плывя тоже, так сказать, вдоль побережья Балтийского (Варяжского) моря. Об этом он прямо говорит при описании пути из Варяг в Греки: «... бе путь из Варяг в Греки и из Грек по Днепру, и верх Днепра волок до Ловоти, и по Ловоти внити в Илмерь озеро великое, из него же озера потечеть Волхов и вътечет в озеро великое Нево, и того озера внидеть устье в море Варяжское. И по тому морю ити до Рима, а от Рима прити по тому же морю ко Царюгороду, а от Царюгорода прити в Понт море, в не же втечет Днепр река»¹⁴. Несколько ниже, возвращаясь к морскому пути вокруг Европы, летописец еще раз говорит о возможности плавания «по Двине в Варяги, из Варяг до Рима, от Рима же и до племени Хамова»¹⁵.

Сопоставляя этот последний отрывок с процитированным выше описанием Варяжского моря, легко заметить, что, по летописцу, именно Рим в одном случае и Волошская земля — в другом были конечным пунктом, откуда можно было начинать плавание в страны, населенные хамитическими народами. Сопоставление это дает право лишь на один вывод: под Волошской землей летописец мог понимать только Италию, где он, возможно, помещал, наряду с волохами, не только римлян, венецианцев и генуэзцев, но даже и франков. Но отсюда следует, что под волохами он в данном случае не только не понимал франков, но и четко отделял их, волохов, от современных ему римлян, венецианцев и жителей Генуи.

Кто же в таком случае волохи нашей летописи?

Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо проанализировать в совокупности сообщения историко-этнографического введения к «Повести временных лет» о волохах. Но сначала несколько слов о самом введении, его месте и задачах в системе летописных известий.

¹⁰ Там же, ч. II, стр. 212.

¹¹ Там же.

¹² Н. П. Барсов. Очерк русской исторической географии. Варшава, 1885, стр. 15.

¹³ А. Г. Кузьмин. Указ. соч., стр. 31.

¹⁴ ПВЛ, ч. I, стр. 11.

¹⁵ Там же, стр. 12. Об этом же пути в Рим с юга через Русь рассказывается в «Хождении» апостола Андрея, вошедшем в состав русской летописи. Там же.

«Повесть временных лет» является памятником начала XII в. Она была составлена, по-видимому, около 1113 г. в Печерском монастыре. Составителем и редактором этого монументального исторического труда был монах Киево-Печерского монастыря Нестор, которому принадлежит и историко-этнографическое введение к «Повести». Все это в настоящее время достаточно подробно рассмотренные и проаргументированные факты из истории русского летописания¹⁶. Как историк Нестор очень широко понимал свою задачу редактора и составителя общерусского свода. В историко-этнографическом введении в соответствии с христианскими представлениями о единстве человеческого рода он начинает свой рассказ от библейского «всемирного потопа» и распределения земли между сыновьями Ноя. Будучи горячим патриотом и человеком высоких общеславянских чувств, Нестор, опираясь на свои представления о единстве языка и происхождения славянских народов, стремится определить их место среди народов Европы. Признав славян потомками Ноя и Яфета, он тем самым не только связывает историю славян с общеевропейским историческим процессом, но и указывает в нем вполне определенное место Руси, которая понималась им как естественная участница европейской жизни.

В литературе уже отмечалось, что ярко отразившееся на страницах Несторовой летописи общеславянское сознание было результатом сложного синтеза, в котором участвовали не только местные народные представления и предания, реальный политический и культурный опыт Руси X—XI вв., но и элементы византийской образованности, великоморавской кирилло-мефодиевской традиции¹⁷, которая могла проникать на Русь X—XI вв. как из Чехии, так и с Балканского полуострова.

Признание большой точности сведений летописца о славянах, особенно западных, вполне согласуется с тем, что развиваемая Нестором теория дунайской прародины славян была всего лишь чисто ученой комбинацией, сложившейся не без сильного воздействия кирилло-мефодиевской традиции¹⁸. В данном случае, однако, важно не столько подчеркнуть сам по себе чисто ученый, умозрительный характер этой теории, сколько отметить важность ее для Нестора, как звена, связывающего историю славян и Руси с историей общеевропейской.

В самом деле, определяя славянскую прародину на Дунае, «где есть ныне Угорьска земля и Болгарьска», русский летописец связывал историю славян, историю Руси не только с Великоморавской державой и миссией Кирилла и Мефодия. Несколькими строками выше он ведь уже отождествил древних славян с «нарцами»: «От сих 70 и 2 языку бысть язык словенск от племени Афетова, нарци, еже суть словени».

«Нарци» или норрики — население древней римской провинции Норика, впоследствии заселенной славянами. Трудно сказать, опирался ли, отождествляя норриков со славянами, Нестор на какое-либо предание или другого рода источник русского происхождения¹⁹, существенно, однако, что с помощью этого отождествления славяне и Русь оказывались непосредственно связанными с исторической судьбой Римской империи.

В том, что мысль русского летописца работала именно в этом направлении, в том, что он сознательно стремился связать древние судьбы славян

¹⁶ А. А. Шахматов. Повесть временных лет, т. I. Петроград, 1916, стр. I—XII; ср. ПВЛ, ч. II, стр. 107—109.

¹⁷ В. Д. Королук. К вопросу о славянском самосознании в Киевской Руси и у западных славян в X—XII вв. Сб. «История, культура, фольклор и этнография славянских народов». М., 1968, стр. 109—112.

¹⁸ Там же, стр. 110.

¹⁹ Ср. комментарий Д. С. Личачева. ПВЛ, ч. II, стр. 213.

и Руси с державным Римом на страницах своего историко-этнографического введения к «Повести временных лет», полностью убеждает летописная статья 898 г., в которой Моравия прямо отождествляется еще с одной римской провинцией Иллириком, причем подчеркивается, что «ту бо беша словене первое». Очень важно, что сообщение об «Илюрике» как древнейшей прародине славян, а следовательно и Руси, ибо «словеньский язык и русский одно есть, от варяг бо прозвашася Русью, а первое беша словене»²⁰, сопровождается рассказом о проповеди здесь апостола Павла, который оказывается таким образом первым славянским и русским вероучителем («Тем же и словеньску языку учитель есть Павел, от него же языка и мы есмо Русь, тем же и нам Руси учитель есть Павел...»), основателем славянской и русской церковной организации («понеже... поставил есть (Павел.— В. К.) епископа и намесника по себе Андроника словеньску языку»). А это дает право считать в свою очередь и Мефодия «настоятелем Андрониковым».

Типичная для средневекового мышления искусственная научность рассмотренной историографической комбинации не вызывает сомнения, как не может вызывать сомнения и ее источник — великоморавская традиция, в которой происхождение моравского христианства тоже связывалось с деятельностью апостолов Петра и Андроника, а Мефодий рассматривался как преемник Андроника²¹. Постулируемая летописцем связь с Римом действительно является всего лишь чисто средневековой ученой схемой, однако нет основания думать, что это была всего-навсего теоретическая историографическая схема. За ней угадывается четкая политическая и идеологическая линия: доказать связь славян с древней Римской империей, с помощью Рима ввести славян в круг народов, непосредственно воспринявших христианство от апостолов Христа, и тем самым — и это, конечно, главное — превратить Русь из византийской ученицы в носительницу древних христианских начал, именем апостола Павла, а не преемственностью от Константинополя освятить принадлежность Руси к восточному христианству с церковнославянским языком богослужения. Перед нами таким образом учена схема, переработанная в широкую идейно-политическую платформу, отражающую могучее державное и национальное самосознание Древней Руси.

Резкое обострение русско-византийских отношений, приведшее к войне 1116 г., вероятно, поможет разъяснить отчетливо антивизантийский характер развиваемой русской летописью концепции происхождения христианства на Руси²². Только учитывая широкую идейно-политическую платформу летописца, его настойчивый поиск связей первоначального славянства с древней Римской империей, и следует, по-видимому, рассматривать появление волохов в историко-этнографическом введении к «Повести временных лет». Выше уже говорилось, что под Волошской землей летописец мог понимать только Италию — территорию древней Римской империи. Показательно, что русская летопись нигде не пытается точно датировать волошское вторжение на древнеславянские земли. Волошское завоевание не ставится ею ни в какую хронологическую взаимосвязь ни с болгарским, ни с аварским²³. Летописец не датирует точно

²⁰ ПВЛ, ч. I, стр. 23.

²¹ См. «Житие Мефодия». *Magnae Moraviae Fontes Historici*, t. II. Brno, 1967, p. 150, 153; ; ср. «Проложное житие Константина и Мефодия». Там же, стр. 166. Показательно, что связь дела Кирилла и Мефодия с апостолом Павлом подчеркивается в более поздней традиции конца X в. См. «Легенду Кристиана» (там же, стр. 190) и греческое «Житие св. Климента» (там же, стр. 210, 216). Это — продолжение линии, четко намечившейся еще в «Житии Константина» (там же, стр. 111).

²² В. Т. Пашуто. Внешняя политика Древней Руси. М., 1968, стр. 186—187.

²³ Там же, стр. 14.

вторжение волохов, он знает только, что пришли они до венгров и изгнаны были венграми, о чем и сообщает в статье под 898 г.²⁴ Зато он уверенно связывает вторжение волохов на территорию дунайских славян с последующим расселением славян по восточноевропейской равнине, о чем уже говорилось выше. Следуя логике летописца, мы вынуждены были бы в таком случае исключить возможность отнесения им волошского вторжения к периоду, непосредственно предшествовавшему венгерскому завоеванию. Ведь венгры двигались южнорусскими степями. Летописец даже думает, что «идоша угри мимо Киев горою, еже ся зоветь ныне Угорьское», где давным-давно уже жили переселившиеся, по летописцу, с Дунайской поляне, «яже ныне зовомая Русь»²⁵.

В таком случае остается только одно — предположить, что в волохах, которых летописец отличал от современных ему жителей Рима, Венеции и Генуи, он видел древних римлян, в свое время покоривших дунайские славянские племена и принудивших их к переселению из прародины. Думать, что такая картина славянского расселения основывается на каких-либо особых, известных только русскому летописцу источниках, очевидно, нет оснований. Волошское завоевание в изложении летописца, видимо, тоже можно было бы возвести к великоморавской традиции и признать столь же искусственной логической историографической схемой, как повествование о славянской миссии апостола Павла. Более того, можно полагать даже, что схема эта была в глазах летописца очень важным звеном в его поисках связей первоначального славянства с древним Римом. Ведь именно благодаря волохам, древние славяне на какое-то время становились, по летописцу, деятельными участниками римской истории. Но если волохи — римляне, очевидно, это не тот народ, с которым могли бы столкнуться на Дунае венгры. Следовательно, под волохами в «Повести временных лет» понимается два разных народа.

Нам предстоит теперь выяснить, каким образом произошло в русской летописи такое смешение, и решить вопрос о том, почему именно волохи были избраны летописцем в качестве столь важного связующего звена между историей славян и Руси, с одной стороны, древнего Рима — с другой. Опирался ли он только на предшествующую письменную традицию, играло ли здесь роль созвучие «волохи» и «волошская земля» или у летописца могли быть какие-то более конкретные сведения о дунайских волохах. А в связи с этим мы должны переместить центр своего исследования с предисловия к «Повести временных лет» на летописную статью 898 г.

Статья эта, помимо известий о завоевании венграми Паннонии, разгроме Великоморавской державы, содержит еще сказание о деятельности Кирилла и Мефодия в Великой Моравии — переводе на славянский язык богослужебных книг. Особенностью сказания является очевидное влияние на него литературной кирилло-мефодиевской традиции, что, естественно, привлекло к нему внимание большого круга исследователей. Характеризуя состояние вопроса в целом, следует выделить два основных направления в его разработке. Одно из них представлено одинокой фигурой Н. К. Никольского, считавшего сказание остатком древнейшей киевской летописи о Поляно-Руси. Летопись эту он возводил к реконструируемому им сочинению, возникшему в западнославянской среде в кирилло-мефодиевском окружении и содержащему рассказ о Норике, Иллирике, славянской прародине. Впоследствии, по мнению Н. К. Никольского, киевская летопись, основанная на западнославянском ис-

²⁴ Там же, стр. 21.

²⁵ Там же.

точнике, была кардинально переработана редактором-норманистом, сторонником греческой ориентации²⁶.

Концепция Н. К. Никольского, с самого начала встретившей серьезную критику²⁷, противостояла точка зрения А. А. Шахматова, считавшего, что сказание является редакторской вставкой в летопись начала XII в., основанной на источнике особого происхождения²⁸. Назвав этот источник «Сказанием о преложении книг», А. А. Шахматов полагал, что оно состояло из трех частей: рассказа о расселении славянских народов, собственно сказания о переводе богослужебных книг на славянский язык и сообщения о венгерском завоевании, крещении венгров и борьбе пражского епископа Войтеха против богослужения на церковнославянском языке. В «Повести временных лет» «Сказание о преложении книг» вошло не целиком. В ней практически отсутствует вся третья часть реконструируемого А. А. Шахматовым «Сказания». Издавая в 1916 г. восстанавливаемый им текст «Повести временных лет», А. А. Шахматов отметил всюду, и в историко-этнографическом введении к «Повести» и в статье 898 г., те тексты, которые возводились им к «Сказанию о преложении книг»²⁹. В число этих текстов вошли и сообщения летописи о волохах и славяно-волошских отношениях³⁰.

Если трактовку статьи 898 г. как редакторской вставки, основанной на особом источнике, нельзя не признать в высшей мере удачной, то предложенная А. А. Шахматовым реконструкция этого источника — «Сказания о преложении книг» все же не может быть признана полностью бесспорной³¹. Она вызвала в свое время довольно оживленную полемику, в частности полемизировал с Шахматовым Н. К. Никольский. Особенно неудачной представляется реконструкция А. А. Шахматовым «Сказания» в третьей его части, связанной с характеристикой Войтеха Славниковца как противника богослужения на славянском языке. Такая оценка его деятельности настолько явно противоречит материалу других источников, что ни в каком случае не может быть признана ни современной, ни даже сколько-нибудь близкой к его времени³². Впрочем, вопрос о фигуре Войтеха Славниковца и происхождении русских известий о гонениях Войтеха на церковнославянский язык богослужения является вполне самостоятельным.

Почти одновременно с работой А. А. Шахматова вышел труд Й. Пекаржа, отметившего некоторые совпадения между разбираемыми известиями «Повести временных лет» и древнечешской легенды Кристиана³³,

²⁶ Н. К. Никольский. *Повесть временных лет как источник для истории начального периода русской письменности и культуры. К вопросу о древнейшем русском летописании*. Вып. 1. «Сборник по русскому языку и словесности», т. II, вып. 1. Л., 1930.

²⁷ См. рецензию Г. А. Ильинского на труд Н. К. Никольского в «Byzantinoslavica», т. II, sv. 2, Praha, 1930. Ср. В. М. Истрин. Моравская история славян и история Поляно-Руси как предполагаемые источники Начальной русской летописи. «Byzantinoslavica», т. III, sv. 2, Praha, 1931; т. IV, sv. 1, Praha, 1932.

²⁸ А. А. Шахматов. *Сказание о преложении книг на словенский язык*. Jagič-Festschrift, Berlin, 1908.

²⁹ А. А. Шахматов. *Повесть временных лет*, т. I, стр. 5, 6, 11, 25, 26.

³⁰ Там же, стр. 5, 11, 25.

³¹ О. Кралик. *Повесть временных лет и легенда Кристиана о святых Вячеславе и Людмиле*. «Труды отдела древнерусской литературы» (далее — ТОДРЛ), т. XIX, М.—Л., 1963, стр. 179.

³² О. Кралик. *Крещение Борживоя и вопрос о непрерывности старославянской литературы в Чехии*. ТОДРЛ, т. XIX, стр. 158—159; В. Д. Корольюк. *Западные славяне и Киевская Русь X—XI вв.* М., 1964, стр. 164—162.

³³ J. Pekař. *Die Venzels- und Ludmila-Legenden und die Echtheit Christians*. Prag, 1906, S. 184.

датировка которой концом X в., на наш взгляд, может быть признана достаточно доказанной³⁴. Опираясь на сопоставление «Повесть временных лет» — легенда Кристиана, на что обратил уже внимание и Г. А. Ильинский³⁵, попытался развить точку зрения Н. К. Никольского и пересмотреть реконструкцию А. А. Шахматова Р. Якобсон³⁶. Согласно его предположениям, «Повестью временных лет» в виде «Сказания о преложении книг» было непосредственно воспринято старославянское сочинение, возникшее еще в эпоху Моймира II. Оно же, но уже в латинской версии, было использовано Кристианом. На русской почве «Сказание» было отредактировано и дополнено составителем летописного свода. Критический анализ концепции Р. Якобсона привел, впрочем, последнего исследователя этого вопроса О. Кралика к мысли, что параллели между легендой Кристиана и «Повестью временных лет» могут быть объяснены как факт оживленного культурного общения Руси с Чехией XI в.³⁷ Русской летописью была использована особая обработка житий Константина и Мефодия, дополненных трудом Кристиана. Обработка эта возникла в Сазавском монастыре во второй период его деятельности³⁸. О. Кралик не исключает даже возможности прямого личного контакта Нестора с Сазавским монастырем³⁹.

Так обстоит дело с источниками летописной статьи 898 г. и корреспондирующих с ней текстов историко-этнографического введения к «Повести временных лет» в литературе. Как бы ни решился вопрос этот в дальнейшем — в пользу ли великоморавского, что наиболее, пожалуй, вероятно, чешского или даже русского происхождения «Сказания о преложении книг», совершенно очевидно одно: ни один из этих вариантов решения не оставляет места для гипотезы о волохах-франках.

Выше уже было показано, что франки были известны русскому летописцу не под именем волохов, а под другим именем. Невроятно было бы предполагать, что в Великой Моравии или Чехии всем хорошо известные франки могли бы выступать под совершенно чуждым им именем волохов⁴⁰. Более того, можно даже определенно утверждать, что если возводить соответствующие статьи о славяно-волошских отношениях и расселении славян из Дунайской прародины к великоморавской или чешской традиции, то волохами, без всякого сомнения, придется считать древних римлян, и итальянцев, с одной стороны, и, возможно, какое-то местное старое романизированное население, долгое время жившее среди славян, — с другой. Наличие такого населения оправдывало бы появление конструкции о римском завоевании славянской прародины.

В сущности говоря, к аналогичным выводам мы пришли выше, анализируя тексты летописи, взятые сами по себе. Но если летописный рассказ о деятельности Кирилла и Мефодия, о переводе богослужебных книг на церковнославянский язык, наконец, о венгерском погроме Великой Моравии так или иначе действительно вводит нас только в круг тех или

³⁴ О. Кралик. Крещение Борживоя ..., стр. 159—168.

³⁵ Там же, стр. 433—436.

³⁶ R. Jacobson. Minor native sources for the early history of the slavic church. «Harvard Slavic Studies», v. II. Cambridge Mass, 1954.

³⁷ Подробно русско-чешские культурные связи XI в. рассмотрел А. И. Рогов. Жизнеописание первых чешских князей в древнерусской письменности и культуре. «Сказания о начале Чешского государства в древнерусской письменности». М., 1970, стр. 10—30.

³⁸ О. Кралик. Повесть временных лет ..., стр. 200—203.

³⁹ Там же, стр. 203.

⁴⁰ Великоморавская традиция знает франков и под собственным именем и под именем немцев. Термин «Влахи» означает в ней Италию. «Magnaе Moraviae Fontes Historici», t. II, p. 102, 144, 166, 212 et al.

иных кирилло-мефодиевых письменных памятников, предшествовавших «Повести временных лет», то с тою же определенностью сказать это о части текста летописной статьи 898 г. о славянах и волохах и их взаимоотношениях, нельзя. Чтобы убедиться в этом, вернемся к ней вновь.

Она начинается с упоминания о движении венгров через Русь «мимо Киев горою», причем говорится, что гора в связи с этим «ся зоветь ныне Угорьское». Уже в этой фразе чувствуется, что летописец пользовался какими-то местными топонимическими преданиями⁴¹. Несомненно под впечатлением устных рассказов и «припоминаний» характеризует он и образ жизни венгров, сравнивая его с половецким⁴²: «... и пришедше к Днепру стаха вежами, беша бо ходяще аки се половци». Собственные сведения чувствуются у летописца и в рассказе о дальнейшем продвижении венгров на запад: «Пришедше от вѣстока и устремихася черес горы великия, яже прозвашася горы Угорьския...» Выше горы эти — Карпаты — были названы летописцем Кавкаисинскими⁴³. Вместе с тем обращает на себя внимание почти буквальное совпадение части летописной статьи 898 г. о славянах и волохах с соответствующим текстом историко-этнографического введения к «Повести временных лет» и, очевидно, ее письменного источника.

Однако совершенно непонятной оказывается сама датировка рассматриваемой статьи 898 годом. Дата эта не соответствует ни первым сведениям о появлении венгров в Дунайском бассейне (ок. 839 г., а затем в 862 г.), ни времени деятельности в Моравии и Паннонии Кирилла (ум. в 869 г.) и Мефодия (ум. в 885 г.), ни даже времени разгрома Великоморавской державы венграми (начало X в.)⁴⁴.

А. А. Шахматов полагал, правда, что дата эта была взята летописцем из «Сказания о преложении книг», где под 898 г. рассказывалось о завоевании венграми среднего течения Дуная⁴⁵. Неясным остается, однако, почему именно эта дата (а не более тесно связанные с текстом хронологические вехи) была использована летописцем или вообще существовала в первоначальном источнике — «Сказании».

Гораздо более перспективным представляется сопоставление 898 г. с очень близкой ему датой итальянского похода венгров 899 г., когда ими, по показанию источников, была опустошена вся Италия⁴⁶, т. е. «Волошская земля» нашей летописи. Если допустить возможность осведомленности летописца в той или иной форме об итальянском, т. е. волошском походе венгров 899 г., то мы действительно получим возможность понять как смысл датировки рассматриваемой летописной статьи 898 годом, так и ее внутреннюю логику. Если летописец знал о большом волошском походе, то вполне логично, что он начал рассказ о венгерских войнах не со столкновений венгров с болгарами или мораванами, а с борьбы их с волохами, под которыми он мог понимать только потомков римлян или вообще романизованное население: «... и почаша (венгры. — В. К.) воевати на живущая ту волохи и словени... Посем же угри прогнаша волъхи, и наследиха землю ту...». Ведь лишь расправившись с основным противником, можно было начинать борьбу с другими соседями: «и начаша воевати угри на греки, и поплениша землю Фрачьску и Макидоньску даже и до

⁴¹ ПВЛ, ч. II, стр. 256.

⁴² В. П. Шушарин. Русско-венгерские отношения в IX в. В сб. «Международные связи России до XVII в.». М., 1961, стр. 173.

⁴³ ПВЛ, ч. I, стр. 10.

⁴⁴ Н. Ł o w m i a ń s k i. Początki Polski, t. IV. Warszawa, 1970, s. 387—392.

⁴⁵ А. А. Шахматов. «Повесть временных лет» и ее источники. ТОДРЛ, т. IV, Л., 1940, стр. 83.

⁴⁶ Н. Ł o w m i a ń s k i. Ibid., s. 391.

Селуня. И начаша воевати на мораву и на чехи»⁴⁷. Вместе с тем станет и совершенно обоснованным, логически вполне закономерным помещение под 898 г. не только рассказа о Кирилле и Мефодии, но и искусственной конструкции о славянской миссии апостолов Павла и Андроника.

Само собой разумеется, что сделанное нами допущение предполагает какой-то особый, не связанный с кирилло-мефодиевской традицией источник сведений русского летописца. Источник этот мог повествовать как только об одном волошском походе венгров, так и длительном совместном проживании на одной территории славян с волохами (о чем твердо говорит летопись), закончившемся изгнанием волохов венграми и походом венгров в Волошскую землю. В том случае, если бы в источнике этом содержались только сведения об итальянском набеге венгерских кочевников, соответствующее показание летописи о сосуществовании славян с волохами пришлось бы признать всего лишь ученой, умозрительной конструкцией летописца или элементом «Сказания о преложении книг».

Пытаясь определить характер такого источника русской летописи, напомним одно наше наблюдение. Летописец мог датировать изгнание волохов из среднего Подунавья, но у него не было данных ни для того, чтобы определенно хронологизировать волошское завоевание славян, ни даже соотнести его с нашествием болгар и авар. В одном месте в его изложении венгры даже непосредственно следуют за болгарями: «Словенску же языку, яко же рекохом, живуцю на Дунаи, придоша от скуф, рекше от козар, рекомии болгаре и седоша по Дунаеви и населници словенем быша. Посемь придоша угри белии»⁴⁸, и наследипа землю словенску»⁴⁹.

Надо думать, что неясность в хронологии определялась именно характером и составом имевшихся у летописца сведений. Вместе с тем как раз отсутствие у него твердых сведений о последовательности смены населения в среднем Подунавье помогает понять, каким образом в труде Нестора произошла контаминация понятий волохи — древние римляне и волохи — довенгерское население Паннонии. О последнем он имел, очевидно, какие-то особые сведения, не восходящие к кирилло-мефодиевской традиции. Сведения такого рода могли поступать к нему из самых разнообразных источников. В свое время, анализируя летописные известия об аварах и дулебах и сравнивая их с данными хроники Псевдо-Фредегара, нам, думается, удалось показать, что одним из возможных источников летописи была устная западнославянская традиция⁵⁰.

Пользуясь методом сопоставления с другими ранними источниками по истории соседних стран, можно, наверное, попытаться решить и загадку летописной статьи 898 г. Речь идет о сочинении венгерского Анонима — погтария венгерского короля Белы III «Деяния венгров» (*Gesta Hungarum*). Источник этот, правда, довольно поздний. В литературе составление его датируется 1196—1203 гг.⁵¹ Как показал В. П. Шушарин, относиться к его сообщениям приходится с большой осторожностью⁵². Основанное не на письменных источниках, а на переработанных в панегирическом для венгерской знати духе устных преданиях, сочинение погтария короля Белы III дает крайне тенденциозную картину завоевания венграми их новой родины в Центральной Европе. Оно содержит большое

⁴⁷ ПВЛ, ч. I, стр. 21.

⁴⁸ Здесь явная опшка летописца, имеются в виду черные угры — венгры. Там же, ч. II, стр. 224.

⁴⁹ Там же, стр. 14.

⁵⁰ В. Д. К о р о л ю к. Авары (обры) и дулебы русской летописи. «Археографический ежегодник за 1962 г.», М., 1963.

⁵¹ В. П. Ш у ш а р и н. Русско-венгерские отношения в IX в., стр. 132.

⁵² Там же, стр. 137—145 и др.

число передержек, часто фантастических подробностей и вымышленных речей и страдает обычным для средневековых сочинений пороком — актуализацией событий прошлого, т. е. перенесением в прошлое картины современных автору отношений, понятий, даже общей историко-географической обстановки. Актуализация эта имеет в хронике Анонима особенно яркий, назойливый характер.

Подчеркивая все эти специфические черты источника, позволяющие даже характеризовать его как особое эпическое произведение, в определенной мере подчиняющееся не столько законам исторического сочинения, сколько логике произведения художественного, мы все же не вправе полностью игнорировать его показания о ходе венгерского завоевания паннонской низменности. И дело здесь не только в скудости источников по истории раннефеодальной Венгрии, но и в том, что Аноним конца XII — начала XIII в., как это признает и один из последних исследователей вопроса В. П. Шушарин, в определенной мере опирался на более раннее историческое сочинение — «Gesta Ungarorum», являвшееся общим прототипом более поздних венгерских хроник. Этот труд возник либо в 1091—1092 гг., либо даже в середине XI в.⁵³

Среди многочисленных подробностей, приводимых Анонимом 1196—1203 гг. о движении венгров через южнорусские степи и о завоевании ими Паннонии, внимание исследователя летописной статьи 898 г., естественно, должно привлечь сообщение венгерского хрониста о составе населения среднего Подунавья накануне венгерского переселения. Эти земли, по словам Анонима, населяли тогда славяне, болгары и вlahи, т. е. волохи русской летописи (Sclavi, Bulgarii et Blachii), а также пастухи римлян (pastores Romanorum)⁵⁴.

Любопытно, что сведения эти, по Анониму, венгры получили на Руси от русских князей. В дальнейшем Аноним рассказывает о победоносном сражении венгерского вождя Тетеня (Tuhutum) с отрядом вlahов-волохов во главе с Гелу (Geleou)⁵⁵.

Если подробности разгрома волохов Тетенем действительно можно было бы отнести к числу домыслов автора хроники, если в качестве домысла можно даже трактовать его сообщение о том, что сведения о населении Паннонии венгры получили от русских князей еще во время пребывания на Руси, то существенно иначе обстоит дело с указанием Анонима о волохах и славянах как довенгерском населении Паннонии.

Правда, будь это его указание совершенно изолированным в источниках, мы бы тоже, учитывая отсутствие других сколько-нибудь твердых данных о наличии в рассматриваемом регионе романизированного населения, известного впоследствии под именем волохов, имели бы, пожалуй, право отвести сведения Анонима о волохах ввиду актуализации им событий прошлого. Такое решение вопроса исключается, однако, тем, что волохов знает русская летопись, по точному смыслу которой речь должна идти о длительном периоде сосуществования славян и волохов на одной и той же территории.

Думается, что заслуживает также известного внимания сообщение Анонима о болгарах. У него они в качестве будущих противников венгров в Центральной Европе поставлены даже впереди волохов, сразу же за

⁵³ Там же, стр. 144—147.

⁵⁴ «Dicebant enim quod ibi confluerent nobilissimi fontes aquarum, Danubius et Tyscia et alii nobilissimi fontes bonis piscibus habundantes, quam terram habitarent Sclavi, Bulgarii et Blachii ac pastores Romanorum». «Scriptores Rerum Hungaricarum», v. I. Budapestini, 1937, p. 45, ср. p. 66. Есть русский перевод первых глав Анонима — см. В. П. Шушарин. Указ. соч., стр. 135—145.

⁵⁵ Там же, стр. 66—69.

славянами. В летописной статье 898 г. о болгарях вообще не говорится (речь о них идет только в историко-этнографическом вступлении к «Повести временных лет»). Между тем известно, что впервые в Дунайском бассейне венгры появляются около 839 г., когда они совершают нападение на македонских славян, переселенных болгарским ханом Крумом в район устья Дуная и пытавшихся вернуться на родину⁵⁶. Через двадцать пять лет венгры активно действуют уже в Центральной Европе, совершив в 862 г. опустошительный набег на владения Людовика Немецкого. Можно думать, что в данном случае они действовали по соглашению с болгарями⁵⁷. Так или иначе, контакты кочевников-венгров с болгарями возникли еще до окончательного переселения венгров в Дунайскую низменность, которое нет основания датировать временем ранее 892 г.⁵⁸

В свете этих ранних венгерско-болгарских контактов упоминание Анонима о болгарях в Паннонии приобретает логический смысл и заставляет с еще большим вниманием относиться к остальной части его сообщения о населении Паннонии в довенгерский период.

Рассказ Анонима о переселении венгров в Паннонию, его сообщение о том, каким образом кочевники-венгры получили сведения о ней и ее населении (от русских князей), не оставляют сомнений в том, что Аноним в данном случае опирался на какие-то устные предания. Существовали, как это было показано выше, и отразились в летописи устные предания о движении венгров на запад и на Руси. При таких условиях было бы вполне обоснованным полагать, что в летописи, как и у Анонима, сообщение о волохах в Паннонии появилось в результате использования летописцем не только письменной, но и прежде всего устной традиции. Трудно сказать, правда, каким образом эта устная традиция о волохах возникла на Руси. Нет оснований предполагать ее местное происхождение. Скорее всего, она была занесена на Русь извне, причем не исключено, что она могла проникнуть сюда как из собственно венгерской среды, так и от славян, живших в Центральной Европе, и затем в переработанном виде сохраниться в древнерусской литературе в виде летописной статьи 898 г.

Итак, наше исследование летописных текстов о славянах и волохах подошло к концу. Подводя итоги, можно сформулировать его основные положения:

1. Под «Волошской землей» «Повести временных лет» нет оснований понимать Франкскую империю Каролингов или Восточнофранкское королевство. Русский летописец связывал с «Волошской землей» территорию современной ему Италии, а также мог подразумевать под этим термином древнюю Римскую империю.

2. Сведения о волохах в Паннонии были использованы Нестором для развития и обоснования своей искусственной, чисто умозрительной теории происхождения славянских народов и их первоначальной связи с древним Римом. Под волохами русским летописцем понимались как древние римляне, так и местное, неславянское население среднего Подунавья.

3. Теория славянской прародины и древнего волошского завоевания должна была доказать древнеапостольский, независимый от Византии источник возникновения христианства у славян и на Руси. Она отражала необычайно возросшее державное и национальное самосознание Руси в конце XI — начале XII в. при Несторе-летописце.

4. Если предположение о наличии у летописца сведений об итальянском набеге венгров 899 г., чем могла бы объясниться датировка летописной

⁵⁶ Н. Ł o w m i a ń s k i. Ibid., s. 387.

⁵⁷ Ibid., s. 338.

⁵⁸ Ibid.

статья именно 898 годом, пока может претендовать только на роль чисто логической гипотезы, то сопоставление летописной статьи 898 г. с данными венгерского Анонима 1196—1203 г. определенно убеждает в том, что в основе летописных сведений о волохах лежит устная традиция. Эта традиция могла проникнуть на Русь как из венгерской, так и из собственно славянской центральноевропейской среды. Признание устной традиции в свою очередь приводит к выводу о сложном, основанном на двух различных источниках составе летописных статей о волохах. В своем настоящем виде они представляют собой ученую комбинацию сведений о волохах — древних римлянах, основанных на великоморавской традиции, с данными современной летописцу устной традиции о романизированном местном населении среднего Подунавья и его борьбе с венграми.

5. Вместе с тем сопоставление показаний венгерского Анонима с данными русской летописи, знавшей длительный период сосуществования славян и волохов на одной территории, полностью исключает возможность отождествления волохов с франками, известными, кстати говоря, летописцу и его источникам под другим именем. Зато упоминание Анонима о «пастухах римлян» свидетельствует как будто бы даже о пастушеском образе жизни валашского населения. Безусловно, внимания заслуживает и то обстоятельство, что волохи были известны Анониму сразу под двумя именами. Тот факт, что он употребляет эти имена параллельно, даже в одной фразе, дает основание предполагать, что венгерским хронистом они были усвоены из двух различных источников. Определение этих источников (они могли быть как литературного, так и фольклорного характера, как местного, так и иноземного происхождения) заслуживает, однако, совершенно самостоятельного рассмотрения. Отметим только, что написание *Blachii* вместо *Vlachii* указывает на византийскую традицию⁵⁹.

Учитывая все эти обстоятельства, представляется наиболее вероятным считать волохов русской летописи и владов венгерского Анонима каким-то местным романизированным населением Паннонии IX в. Особенности хозяйства и быта пастушеского романизированного населения хорошо освещены более поздними источниками, особенно для стран Юго-Восточной Европы⁶⁰. Иное дело вопрос о происхождении этого населения. При настоящем состоянии источников и исследований проблемы нет возможности ни высказаться в пользу теории их кельтского⁶¹ или фракийского родословия, ни настаивать на непрерывности развития одного и того же романского населения на рассматриваемой территории со II—III вв. н. э.⁶² Но признавая нерешенным вопрос о происхождении волохов и их судьбах на протяжении значительной части эпохи раннего средневековья, нельзя все же не признать, что как венгерский Аноним, так и «Повесть временных лет» являются свидетельствами сложного взаимодействия и сосуществования двух различных этносов: славянского и романского или романизированного — и двух различных культурно-хозяйственных систем: славянской оседлой земледельческой и, по-видимому, романской подвижной пастушеской — в Центральной Европе IX в.

⁵⁹ Пользуюсь случаем поблагодарить Г. Г. Литаврина за это указание.

⁶⁰ См., например: Л. М и л е т и ч, Д. Д. А г у р. Дако-Романите и техната славянска писменност. «Сборник за народни умотворение, наука и книжнина», кн. IX. София, 1893, стр. 20—24 и др.; ср. М. G y ó n i. La transhumance des Vlaques balkaniques au Moyen Âge. «Byzantinoslavica», г. XII. Praha, 1951, s. 29—42.

⁶¹ С. П. Т о л с т о в. «Нарци» и «Волохи» на Дунае. «Советская этнография», 1948, № 2.

⁶² Э. О н д у р а к и, Ж. С т е ф а н. Восточно-романский мир. М., 1970 (XIII Международный конгресс исторических наук. Москва, 16—23 VIII 1970 г.).

ОСНОВНЫЕ ЗАДАЧИ ИЗУЧЕНИЯ
СЛАВЯНСКОГО БАРОККО

1

В последние десятилетия значительно возрос интерес к славянскому барокко. Важной датой был съезд славистов в Москве в 1958 г.¹ С тех пор появилось много новых исследований, сборников текстов, статей и монографий, посвященных проблемам славянского барокко или творчеству отдельных писателей и художников этого периода².

Долгое время представления о барокко зиждились на предвзятых и осудительных характеристиках этого стиля как проявления «дурного вкуса», а позднее как искусства контрреформации и феодальной реакции, для которого характерен отказ от завоеваний Ренессанса и поворот к средневековому мировоззрению. В настоящее время уже редко кто придерживается такой точки зрения. Контрреформация использовала в своих целях барокко, культивируя и развивая отдельные его стороны в храмовом зодчестве, церковной проповеди, школьном театре и отчасти панегирической и духовной поэзии, но не породила его. Барокко получило широкое распространение не только в католических, но и в протестантских странах (Голландия), а затем и в православной среде. Виднейшими поэтами барокко в Германии были протестанты (А. Грифиус, Д. Лоэнштейн). Барокко возникло не в результате усилий контрреформации, а как сложное и противоречивое отражение исторической действительности, создающее своеобразное видение эпохи, в обстановке острого кризиса феодализма, опустошительных войн, первых буржуазных революций и социальных потрясений. Кризис феодализма как социально-экономической и политической системы проходил в Европе неравномерно и в раз-

¹ «IV Международный съезд славистов». Сборник ответов на вопросы по литературоведению. М., 1958, стр. 75—92; «IV Международный съезд славистов». Материалы дискуссии, т. I. М., 1962, стр. 140—152.

² Сводная библиография по славянскому барокко отсутствует. Единственной большой работой, посвященной славянскому барокко в целом, остается книга А. Андьяла: A. A n g u l. Die slavische Barockwelt. Leipzig, 1961. Среди сборников и монографий, появившихся за последнее время, отметим: «O barokní kultuře». Sborník. Red. M. Kopecký. Brno, 1968; R. P o l l a k. Od renesansu do baroku. Warszawa, 1969; «Poeci polskiego baroka». Opracowały I. Sokołowska, K. Zukowska. Vol. 1—2. Warszawa, 1961; I. B ł o s k i. Mikołaj Sep-Szarzyński a początki polskiego baroku. Kraków, 1967 (редакт. Л. Софроновой — «Советское славяноведение», 1969, № 6); R. L a s h m a n n - S c h m o l l. Ignat Dočić. Köln-Graz, 1964; N. P r i b i č. Studien zum literarischen Spätbarock in Binnenkroatien. Adam Aloisius Baričević. München, 1961. В изобразительном искусстве: O. B l a ž i č e k. Barock Kunst in Böhmen. Praha, 1967. J. N e u m a n n. Cesky Barok. Praha, 1969; Z. K a l i s t a. Česká barokní gotika a její žďárské ohnisko. Brno, 1970.

личных странах по-разному, сопровождаясь относительной стабилизацией и частичной рефеодализацией. Кризисные явления в области духовной культуры захватывали страны, где общие экономические и социальные процессы проходили еще замедленно и с опозданием. Это привело к некоторой синхронизации в развитии искусства, волне заимствований художественных форм, приходящих в столкновение со старыми и часто еще очень устойчивыми традициями.

Кризис культуры Ренессанса сопровождался дальнейшим распадом средневекового мировоззрения, усилением тенденций к пантеизму и пансофии, появлением мистико-хилиастических течений, отражавших умственное и социальное брожение. Художественная «гармония» Ренессанса не выдержала напора новых исторических противоречий и не отвечала взбудораженному общественному сознанию, нашедшему свое выражение в антиномичном искусстве и поэзии барокко. Однако вслед за манеристическим смятением начались поиски нового синтеза и новых устойчивых отношений. Для эпохи барокко было характерно стремление к универсализму, единству научного и художественного познания.

Барокко не означало и простого возвращения к средневековым формам искусства и средневековым идеям. Обращаясь к экспрессивным средствам готики, барокко не отказалось от художественных форм, выработанных Ренессансом, а развивало их в сторону напряженной выразительности и динамизма, углубило технику живописной перспективы и раздвинуло живописное пространство. Оно не чуждалось античного наследия, обращаясь к образам греческой и римской трагедии. Наступление контрреформации не остановило движение идей, унаследованных от Ренессанса и получивших новое преломление и выражение в барокко. Вот почему в некоторых славянских странах, где в свое время ренессансные явления были приглушены или слабо развиты, барокко смогло принять на себя функции Ренессанса и продолжать его гуманистические традиции (как, например, в России) ³.

В формах барокко находила выражение антифеодалная оппозиция, отражавшая настроения широких народных масс, выносивших на своих плечах все тяготы европейского кризиса. После поражения крестьянских войн и городских восстаний XVI—начала XVII в. обострилось сознание неразрешимости социальных противоречий, углубились религиозные конфликты и искания. Жаждавшие мира и справедливости задавленные крестьяне, ремесленники, горожане не находили реального практического выхода из своего положения. Идеи социального и национального освобождения принимали утопическое и мистифицированное выражение (в учении Якоба Бёме, поэзии и деятельности Квирина Кульмана и отчасти движении розенкрейцеров). В славянских странах становление барокко происходило на фоне национально-освободительного движения против Габсбургов и османов. Барочное «визигнерство» чешских братьев принимало ярко выраженную политическую направленность, подчеркнутую Яном Амосом Коменским в его знаменитой книге «Свет во тьме» (*Lux in tenebris*), 1657) ⁴.

Барокко такое же широкое культурно-историческое понятие, как готика и ренессанс. Оно захватывает различные области культуры и не сводится к проявлениям причудливого или приукрашенного стиля, отличающегося гипертрофией формы, изысканностью и аффектацией. В ба-

³ Подробнее см. наши статьи: Проблемы европейского барокко. «Вопросы литературы», 1968, № 12; «Маньеризм» и «барокко» как термины литературоведения. «Русская литература», 1966, № 3.

⁴ А. М. П а н ч е н к о. Квирина Кульман и «чешские братья». В кн. Русская литература XI—XVII веков среди славянских литератур. М.—Л., 1962.

роко, как и в Ренессансе, изначально существовали различные идейные и художественные течения, отражающие и воплощающие различные социальные тенденции.

Славянское барокко связано с историей всего европейского барокко как часть общеисторического процесса. Оно не может рассматриваться изолированно, но вместе с тем при его изучении не следует исходить только из тех общих черт и признаков, которые служат для характеристики западноевропейских вариантов этого стиля. Так, в своей работе об украинской портретной живописи XVII—XVIII вв. П. А. Белецкий обедняет историческое своеобразие украинского национального барокко, выводя за его пределы все, что не отвечает «западноевропейскому стандарту». Можно согласиться с тем, что стиль украинской портретной живописи не был «провинциальной репликой западноевропейского барокко», но разве это исключает необходимость поисков оригинальных черт украинского барокко? Вместо этого П. А. Белецкий утверждает, что путь поступательного развития украинского искусства шел в противоположном направлении по отношению к общеевропейскому пути («в зворотнім напрямку» — «від барокко до своєрідної форми ренесансу»), что в дальнейшем получает у этого исследователя наименование «козацкого ренесансу», появившегося на Украине в XVII в. в результате национального освобождения и развития гуманистических идей⁵. С этим невозможно согласиться, так как в этом случае само понятие Ренессанс теряет свою историческую обусловленность, а украинское искусство отрывается от мирового исторического процесса.

Национальное своеобразие искусства возникает не вследствие каких-то «особых» исторических путей развития, не связанных с общеисторическим процессом, а в результате сложного взаимодействия общих тенденций развития стилей со сложившимися традициями. Чем прочнее и устойчивее эта традиция, тем своеобразнее национальные варианты художественного стиля. Украинский национальный вариант барокко силен своими связями с народным искусством, народными мотивами, определяющими его особенности, характер и тональность. В частности, это хорошо показал в книге об украинской декоративной резьбе М. Г. Драган, не отказавшийся от признания барокко, но показавший его плодотворную связь с народными мотивами и традициями⁶.

К числу насущных задач изучения славянского барокко принадлежит выяснение взаимодействия между литературой и другими видами искусства, в особенности изобразительного, поиски стилевых соответствий между ними. Ни один стиль так не стремился к синтезу различных искусств, как барокко, когда в эстетике главенствовало понимание «живописи как немого поэзии, а поэзии как говорящей живописи». В Европе начался расцвет оперы и балета, большую роль стала играть аллегорика и эмблематика. Зримое изображение и метафоризованный умственный образ вступают в сложное взаимодействие, позволяющее говорить об эмблематическом мышлении барокко. Целые архитектурные ансамбли возникают как сложные аллегории. Планировка Версаля подчинена аллегорическому значению «короля-солнца», а при возведении собора св. Бартоломея в Вене предусматривалась даже возможность многократного переосмысления и истолкования его символики⁷. Аллегорика и эмблематика пронизывают живописные изображения, осуществлявшиеся в пла-

⁵ П. Б е л е ц к и й. Український портретний живопис XVII—XVIII ст. Проблеми становлення і розвитку. Київ, 1969, стор. 11.

⁶ М. Г. Д р а г а н. Українська декоративна різьба XVI—XVIII ст. Київ, 1970.

⁷ Н. S e d l m a y r. Allegorie und Architektur. «Retorica e barocco». Atti del 3 Congresso internazionale di studi umanistici. Roma, 1955, p. 197—207.

фонной живописи и убранстве интерьеров согласно предварительно разработанным сложным «концептам»⁸.

Эмблематика широко используется в церковной проповеди и школьном театре, панегирической и любовной поэзии и светской драме⁹. Развиваются специализированные жанры — «гербовые» вирши в украинской и русской литературе XVII в.¹⁰. Сложные эмблематические стихи пишут С. Яворский и Ф. Прокопович¹¹. Большое пристрастие к эмблематике питал Г. Сковорода, что свидетельствует о длительном бытовании этого жанра, почти до конца XVIII в.¹².

Эмблематические сборники не только ввозились в славянские страны с Запада, но и составлялись на месте. Изданный в 1603 г. в Праге сборник эмблем Якоба Типотиуса, с гравюрами Эгидиуса Саделера, использовался в целях изобразительного декора¹³. В Польше собрание эмблем выпустил кармелит Себастьян а Матре Деи¹⁴, но также и протестант, деятель арианских соборов Иозеф Домановский¹⁵. Точно так же Збигнев Морштын, арианин и поэт польского барокко, обращался к сборнику эмблем «божественной и земной любви», выпущенному неким «отцом капуцином», и таким образом пользовался одинаковым реквизитом изображений и литературных мотивов¹⁶. Многие в этой области еще не изучены и не открыты, особенно в области славянских литератур¹⁷.

В XVII в. увлечение эмблематикой проникает на Украину и в Россию. Пристрастие к эмблематике питал Петр I, видевший в ней один из способов наглядного внушения своих идей. В его библиотеке были собраны замечательные для того времени издания по эмблематике (Камерария, Бошия), а также «Иконология» Цезаря Ршы, выдержавшая десятки изданий на разных языках. Петр сам «изобретал» новые «эмблемы», как, например, для вступной гравюры к «Уставу морскому», что было отмечено Феофаном Прокоповичем в слове, произнесенном после Ништадского мира¹⁸.

Тяжеловесное церковно-придворное барокко, доставшееся русской художественной культуре, быстро секуляризовалось и эволюционировало, испытывая прямое воздействие западноевропейского, хлынувшего широкой волной в Россию при Петре и его преемниках. Оно утверждало себя прежде

⁸ G. W. M r a z e k. Ikonologie der barocken Deckenmalerei. Wien, 1953.

⁹ A. S c h ö n e. Emblemantik und Drama im Zeitalter des Barock. 2. Auflage. München, 1968.

¹⁰ N i l s A k e N i l s s o n. Russian Heraldick Virši from the 17th century. Stockholm — Upsala, 1964.

¹¹ И. П. Еремин. К вопросу о стихотворениях Феофана Прокоповича. Тр. отдела древнерусской литературы Ин-та русской литературы АН СССР (Пушкинский дом), т. XVI. М.—Л., 1960, стр. 505—510.

¹² Д. Ч и ж е в с к и й. Філософія Г. Сковороди. Варшава, 1934. Указана связь творчества Г. Сковороды с эмблематическим сборником петровского времени «Символы и эмблемата».

¹³ J a c o b u s T y p o t i u s. Symbola divina et humana Pontificum Imperatorum Regum ... Aeg. Sadeler excudit. Vol. I—III. Prage, 1601—1603. Об использовании мотивов этого собрания эмблем см.: M. L e j s k o v á - M a t y á č o v a. Barocni emblémy v zamku Doudlebech N. Orlicí «Umeni», 1968, № 1, s. 59—68.

¹⁴ S e b a s t i a n a M a t r e D e i (carmelite). Firmamentum symbolicum. Lublin 1652.

¹⁵ J o s e f D o m a n i e w s k i. Emblemata niektóre. Lubez, 1623.

¹⁶ I. P e ł c. Zbigniew Morstyn, Arianin i poeta. Warszawa, 1966. Об этом мотиве и книге «отца капуцина» см. в нашей статье: Кулидоны Ломоносова. К проблеме барокко и рококо в России XVIII века. «Československá rusistika», 1970, № 3.

¹⁷ См. большой свод эмблем: Emblemata Handbuch zur Sinnbildkunst des XVI. und XVII. Jahrhunderts. Herausgegeben von A. Henckel und A. Schöne. Stuttgart, 1967. См. также: D. S u l z e r. Zu einer Geschichte der Emblemtheorien. «Euphoriön», 1970, № 1.

¹⁸ Феофан Прокопович. Сочинения. Под ред. И. П. Еремина. М.—Л., 1961, стр. 115.

всего в архитектуре и дворцовом убранстве. Петровский Петербург еще долго оставался городом позднего барокко. Возникший и построенный в одно время, он целиком принадлежал одному стилю. Мы с полным правом можем говорить о единстве художественной культуры Петербурга первой половины XVIII в., во всех ее проявлениях, — архитектуры дворцов, церквей, Кунсткамеры, живописи, графики, внутреннего убранства, уличных празднеств, фейерверков и иллюминаций, церковной проповеди и панегирической поэзии.

2

Введение понятия барокко связывает в рамках общего стиля отдельные явления, изучавшиеся ранее изолированно, как механический конгломерат разнородных жанров. Однако стилевое разнообразие, «пестрота» и несходство между собой отдельных произведений и жанров, которые в последнее время относят к барокко, все же вызывает у некоторых исследователей сомнение; можно ли их отнести к единому стилю. В ответ на это недоумение Д. Чижевский указывал, что как раз «к особо ценным категориям барокко принадлежит оригинальность» и уже по одному этому «пестрота» проявлений этого стиля вызвана «самими требованиями эстетики барокко». Поэтому Д. Чижевский даже выделил «оригинальность» в число основных «констант» барокко¹⁹. Эти соображения не лишены основания, однако недостаточны для объяснения стилевого и жанрового многообразия барокко. Не «оригинальность» сама по себе, особенно в значении неповторимого индивидуального своеобразия, была основным требованием эстетики барокко, а неожиданность и способность поразить воображение, что далеко не одно и то же. Художники, поэты и проповедники эпохи барокко широко пользовались репертуаром готовых формул и мотивов. Барочный «принцип остроумия» (концептизма) лишь требовал непривычного сочетания идей, образов и представлений, нередко связанного с их дальнейшей метафоризацией или аллегоризацией.

Что касается «пестроты» или, иными словами, стилевого разнообразия, то оно во многом объясняется принципами жанровой стилистики, провозглашенными теоретиками барокко и поддержанными всей его практикой. Восходящая к риторическому наследию эллинизма, теория «трех стилей», предложенная в «Риторике» Николая Коссена (1624) и «Курсе красноречия» Франсуа Помея (1650), стала краеугольным камнем барочной стилистики. Она была хорошо известна в Польше, Киево-Могилянской и Славяно-греко-латинской академиях в Москве, получив новое выражение в трудах Ломоносова применительно к основным стилевым пластам русского книжного и народного языка. Принцип жанровой стилистики, разумеется, не предопределил разделение стилей, а теоретически обосновал уже сложившееся положение, намечая дальнейшее развитие жанров, уже как требование к ним. Он отвечал общей стилевой доминанте и основным тенденциям барокко, подчинявшим себе все разнообразие его проявлений. Поэтому надо говорить не о «пестроте» барокко, а о его различных *стилевых уровнях*, отвечавших поэтике и другим особенностям отдельных жанров в пределах общего стиля эпохи. При этом следует заметить, что понятие стилевого уровня несколько шире понятия «стиля», провозглашенного в риториках барокко, ибо оно не ограничивается языковой стилистикой, а обнимает все художественные средства барокко. Разделение литературы барокко на различные стилевые уровни не только упорядочивает и сводит к общему единству ее жанровое

¹⁹ Д. Чижевский. Барокко в русской литературе. «Československa rusistika», t. 13, 1968, № 1, s. 10; D. Tschizewski. Grundsätzliches zur slavischen Barockdichtung. «Slavistische Studien zum VI. Internationalen Slavistenkongress in Prag. 1968». München, 1968, S. 572.

разнообразие, но и обеспечивает понимание различных жанров, ранее изучавшихся изолированно, в их взаимной связи и взаимодействии.

Различие стиливых уровней до известной степени связано с социальной дифференциацией стиля. Однако между различными его пластами нет непроницаемых перегородок, а существует взаимодействие, своеобразный обмен мотивами и художественными средствами, общее стилистическое поле. «Высокий штиль» барокко, представленный в героической поэме, оде, трагедии, отчасти романе, отмечен риторической приподнятостью, сложной метафорикой, аффектированностью. В «среднем штиле» наблюдается резкое ослабление метафорической напряженности, идиллическое спокойствие и некоторая созерцательность, как в пасторали, элегии, духовной поэзии и отдельных видах любовной лирики.

Переход к «низкому штилю» или, лучше сказать, нижнему стиливому уровню барокко также не лежит через пропасть. Мостом здесь служит комедия и занимательная проза, обращавшаяся к просторечию и фольклору, вбиравшая в себя сказочные и анекдотические мотивы. Гротескная «низовая» литература пользовалась успехом как в городской среде, так и в высшем обществе, куда проникала различными путями, наряду с бытовыми формами народных увеселений. Подчеркнутая грубость придворных «трактиров», где приглашенные и сам «хозяин» изображали «мужланов», гротескные праздники и обычаи²⁰ (в России это петровские «славления» и праздники Бахусу, затейливые процессии, причуды и потехи, Ледяной дом при Анне Иоанновне, обилие шутов и карликов при дворе) — все это прекрасно уживалось с декоративным убранством и поэтическим стилем барокко.

Литература «среднего штиля» отличается необычайным жанровым разнообразием. Некоторые жанры — пастораль, элегия, духовная и светская (любовная) лирика — по своей функции и характеру непосредственно примыкают к высшему слою литературы барокко, отличаясь от него только стиливым уровнем. Одновременно в русле «среднего штиля» формируется и городская «мещанская» литература, которая испытывает воздействие господствующих жанров и усваивает некоторые их формы. Стилистика жанров, развивающихся в этой среде, и присущие им социальные тенденции ограничивали применение художественных средств, в том числе метафорики, характерной для высшего слоя барокко, а демократический характер этой литературы во многом сближал ее с жанрами низшего слоя.

В литературе, относящейся к «среднему штилю», возникает особая форма «чувствительности» — нежногалантный стиль, в котором, в частности, оживают мотивы анакреонтики. Этот жеманный стиль захватывает не только придворную «петиметрскую» среду, но и городское мещанство. В России его представляют повести петровского времени и ранний Тредиаковский, давший первые образцы любовного политеса²¹. В городскую лирику этой разновидности позднего барокко, как в России, так и в других славянских странах, обильно проникает лексика и фразеология галантного стиля, представления о Купидо, Фортуне и пр., иногда причудливо смешиваясь с просторечием²².

²⁰ F. Sieber. Volk und volkstümliche Motive im Festwerk des Barocks. В., 1960; R. Alewyn. Feste des Barocks. In: «Aus der Welt des Barock». Stuttgart, 1957, S. 101—111; R. Alewyn, K. Sülzle. Die grosse Welttheater. Die Epoche der höfischen Feste in Dokumenten und Deutung. Hamburg, 1959.

²¹ См. стилистические наблюдения в статье: R. Lachmann. Pokin', kupido, strely. Bemerkungen zur Topik der russischen Liebesdichtung des 18. Jahrhunderts. «Slavistische Studien zum VI. Internationalen Slavistenkongress in Prag 1968». München, 1968.

²² См. предисловие И. Грабака в кн.: Smutní kavaleři o lásce. Z české milostné poezie 17. století. K vydání připravila Zdeňka Tichá. Praha, 1968.

В период барокко происходит сближение литературных и нелитературных жанров, преимущественно в рамках «среднего штиля». Романы и сборники новелл сопровождаются пухлыми учено-энциклопедическими комментариями, что отвечает пристрастию барокко к экзотике и полигисторству. Описания путешествия в далекие страны включают в себя бродячие повествовательные мотивы. Их подлинные или мнимые авторы приобретают отчетливый характер литературного героя. Скромный паломник, купец, парусный мастер — подвергаются нападению разбойников, томятся в неволе, встречаются с «дикарями» и фантастическими чудовищами, видят «собственными глазами» различные чудеса²³. Реальные приключения переплетаются с вымыслом, подлинны наблюдения с заимствованным книжным материалом. Сенсационные «реляции» XVII в. о вымышленном острове Пинес, где мужчина и три женщины, выброшенные кораблекрушением на необитаемый остров, породили целое племя²⁴, или удалившемся от мира на остров св. Маврикия отшельники Симплициссимусе и другие старинные «робинзоны» подготавливают появление «Робинзона Крузо».

К «среднему штилю» барокко относятся и ученые стихотворные трактаты, в изобилии появившиеся в то время, и различные прозаические сочинения, уснащенные стихами, эмблематическими изображениями и риторическими тирадами. Однако сама тематика, часто очень серьезная и исполненная подлинного научного значения (как, например, труды Кеплера), ограничивает тяготение этих сочинений к высокому риторическому стилю. «Стилистическая система Коменского, — пишет Д. Чижевский, — в целом барочная система. И как таковая она проявляет себя прежде всего в стремлении нагромождать искусственные средства. Расположенная по принципу параллелизма или антитезики, она обнаруживает, как и у всякого типичного барочного поэта, многочисленные ухищрения, тропы и фигуры. Как у всякого типичного барочного поэта текут из-под его пера не только уже принятые, известные, захватанные созвучия слов, метафорические и риторические обороты, но также и новые, свежие, поражающие. Созревший в пору раннего барокко и призванный к умеренности своей религиозной серьезностью, Коменius, естественно, не может служить примером позднебарочной перегруженности и поэтической приукрашенности. Его изобилие еще благорасположено и целесообразно, никакой игры ради самой игры»²⁵. Умеренность в использовании стилистических средств Яном Амосом Коменским объясняется не столько его «религиозной серьезностью», сколько требованиями жанровой стилистики, так как его сочинения входят в систему «среднего штиля» и потому лишены изощренного концептизма.

Особое место занимает барочная церковная проповедь, использующая все средства риторического воздействия и обращающаяся как к высокому стилю с его сложной образностью, метафорикой, гиперболикой и аллегоризмом, так и к повествовательному «среднему» стилю, которым излагались почерпнутые из агиографии и повседневного житейского опыта назидательные «примеры» («exempla»). Барочная проповедь обращается также к фольклору и гротескному нижнему слою барокко. Проповеди и назидательные сочинения венского придворного проповедника Абрагама а Санта Клара (1644—1707), пересыпанные прибаутками, каламбурами, народными

²³ См. нашу статью: Заметки о «Хождении» Василия Гагары. «Československá rusistika», t. 14, 1969, № 4.

²⁴ M. H i p p e. Eine Vor-Defoesche englische Robinsonade. «Englische Studien». Bd. 19. 1894, S. 66—104.

²⁵ D. С y z e w s k y. «Das Labyrinth der Welt und das Paradies des Herzens» des J. A. Comenius. Einige Stilanalysen. «Wiener Slavistisches Jahrbuch». Bd. V. 1956, S. 84. См. также: А. S k a r k a. Baroknost literárního stylu J. A. Komenského ... O barokní kultuře. Brno, 1968, s. 41—52; M. B l e k s t a d. Zur Diskussion über Komenskij's Verhältnis zum Barock. «Scandoslavica», t. XIV. Copenhagen, 1968, S. 59—72.

анекдотами, наряду с виртуозной словесной изобретательностью книжного характера, находили подражателей и переводчиков и в славянских странах²⁶.

Католическая проповедь и агиографическая литература использовали натуралистические детали, чтобы придать видимость достоверности чудесному и спиритуалистическому. Картины истязаний и аскетических подвигов должны были потрясти воображение грандиозностью страдания, вызвать экзальтированную восхищенность. Но все это лишь один из аспектов барочного натурализма. Резко подчеркнутые, даже доведенные до гротеска грубые, натуралистические подробности отвечали взбудораженному и антиномичному сознанию эпохи, проявлявшемуся также в страсти к острым новеллистическим сюжетам, поражающим воображение «неслыханным происшествием», рассказам об ужасающих и необычных злодеяниях, трагических и комических случайностях и роковых совпадениях. Этой жажде невероятного и небывалого, этому сенсационализму барокко отвечали всевозможные компилятивные сборники, вбравшие в себя прошедший маньеристическую переработку новеллистический материал Возрождения, средневековые легенды, эпизоды хроник и описаний путешествий в различные страны и т. д.

Культура живой детали, развивающаяся в различных жанровых и стилевых аспектах, обилие повседневных подробностей, появление словесного пейзажа, интимизация повествования, часто ведущегося от первого лица, «сказовая форма» (с внесением диалектизмов) — все эти черты барокко раздвигали его границы. Вторжение фольклора и народной декоративности, наряду с книжным полигисторством и усвоенным различных, в том числе экзотических, традиций, ломали привычные каноны и жанровые рамки.

Литература и искусство барокко развивались под знаком риторики. Риторический рационализм барокко отвечал накалу общественных страстей, стремлению убеждать, воздействовать на разум и сердце. К риторическим средствам обращались и деятели контрреформации и их противники, церковные проповедники и гражданские риторы. Ими пронизана поэзия и публицистика, ученые и дидактические произведения. И от них не отказываются произведения народной литературы и народного красноречия. Пользуясь готовыми риторическими формулами, они переосмыслили их в соответствии со своими целями и социальными стремлениями. Значение и особенности «низовой» или так называемой демократической литературы XVII в. заключались не в том, что она якобы находилась за пределами барокко, а в том, что она раздвигала его рамки, используя и трансформируя его мотивы и художественные средства. Повествовательная литература низового барокко использует сюжетные схемы и композиционные приемы прециозного романа, метафорику и аллегоричку, как мы это видим на примере «Симплициссимуса» Гриммельсгаузена. Но если в высшем слое барокко тема превратности и тщетности бытия («Vanitas»), вызванная чувством неустойчивости и беспокойства, задевшим и господствующим классам, находит абстрагированное и аллегоризованное выражение, нередко в сочетании с безудержным гедонизмом, то в низшем слое барокко эта тема разрабатывается иначе, отражая реальные перипетии жизни, то вздымающей, то бросающей в бездну человека, который чувствует себя «щепкой» в водовороте жизни, что отвечало судьбам и мироощущению не только «солдат

²⁶ N. P r i b i č. Die Ständesatire «Etwas für Alle» des Abraham a Santa Clara in der kajkavischen Bearbeitung von Štepan Skvore. «Die Welt der Slaven». 1960, H. 3—4. О влиянии Абрама а Санта Клара на чешскую барочную проповедь см.: J. V a š i s a. České literární baroko. Praha, 1938.

Фортуны», ландскнехтов и авантюристов, но и многих бюргеров и особенно крестьян, выбитых из привычной колеи войнами и другими бедствиями²⁷.

Гротескно-комическая народная и полународная литература представлена множеством жанровых разновидностей. Большое место в ней занимает юмористическая пародия, использующая в комических целях готовые формулы богослужебных текстов или юридических документов, связанная с ними стилистически и воспринимаемая на их фоне²⁸. Она складывалась в среде низшего клира, школяров, музыкантов (органистов и канторов), захватывая ремесленную и городскую среду. Не следует преувеличивать сатирическую, в частности антицерковную, направленность этих произведений. Они вышли из той же клерикальной и приказной среды и хотя до известной степени отражают ее недовольство своим социальным положением, но отнюдь не стремятся подорвать основы религиозного мировоззрения или социального уклада. В значительной части они восходят к латинской школярской традиции. Эти юмористические по своей природе пародии, однако, используются и в сатирических целях. Так появляются различные переводные и оригинальные «жалобы крестьян» (*lamentatio rusticana*) и др.²⁹.

Сюда же относятся такие произведения, как «описи приданого», и другие разновидности юмористической бытовой пародии, шуточные вирши, вышедшие из ремесленной среды и отвечающие тенденции времени все зарифмовать, а, может быть, отчасти служившие мнемонической цели, как, например, чешские рецепты изготовления фигурных пряников³⁰. К низовой литературе барокко в большой степени относятся забавные истории для календарей, «сонники», занимательные повести петровского времени, а также литература, получившая в России наименование «лубочной» (в том числе и картинки первой половины XVIII в.). К низовому барокко, по-видимому, относится польская «совисжалская литература», а также различные юмористические и сатирические жанры в других славянских литературах. В своей совокупности они представляют собой не механический конгломерат разнородных явлений, покрываемых недостаточно дифференцированным наименованием «демократическая литература», а сложный комплекс, связанный и объединяемый стилевой доминантой времени, хотя и не всегда подчиняющийся ей всецело.

3

«Пестрота» и разнообразие проявлений барокко в различных странах, особенно славянских, объясняется не только требованиями поэтики, но также интенсивными процессами формирования национальных стилей на различных его фазах, приспособлением его к особенностям и изменениям исторической действительности. Барокко в этом отношении отличалось особой гибкостью, отвечая импульсам и потребностям времени и включая в национальные варианты художественного стиля местную художественную традицию.

²⁷ См. Г. Я. К. Гриммельсгаузен. Симплициссимус. Издание подготовил Александр Морозов. М.—Л., 1967, послесловие.

²⁸ Большое число юмористических жанров, связанных с пародированием книжных текстов и деловых документов, грамот и «универсалов», приведено и описано в книге Д. Махновца. Л. Махновець. Сатира і гумор української прози XVI—XVIII ст. Київ, 1964. Классификацию пародийных жанров см. в нашей статье: «Пародия как литературный жанр. К теории пародии». — «Русская литература», 1960, № 1.

²⁹ Verše bolesti, posměchu i vzdoru. Z časové poesie lidové a pololidové 17. a 18. století. K vydání připravila Zd. Tiohá. Praha, 1958.

³⁰ Verše o perníkařství. K vydání připravila Zd. Tiohá. Uvod napsal Josef Hrabak. Praha, 1964.

В период барокко значительную роль сыграло и приобщение к художественному опыту и традициям других стран. Происходил обмен идейными и эстетическими ценностями, что способствовало преодолению замкнутости национальных культур и их взаимному сближению. Заимствования художественных форм и переводы в период барокко явились конструктивным началом в выработке национального стиля. В России они способствовали обновлению и трансформации древнерусской поэтической системы, сближая развитие стилей в русле общеевропейского барокко.

Проводником западноевропейского барокко «между Мадридом и Москвою»³¹ становится Польша. В 1618 г. появляется польский перевод «Освобожденного Иерусалима» Тассо, выполненный Петром Кохановским и оказавший значительное влияние на развитие поэтической культуры как в самой Польше, так и за ее пределами³². Примеры из этого перевода на польском языке и переложениях с него приводятся в украинских и русских риториках до середины XVIII в.

Стилевая доминанта времени подчиняет себе переводы самых различных жанров. Сильвестр Коссов, переведший на польский язык Киево-Печерский патерик и издавший его, как указывал В. Н. Перетц, с «целью защитить православную церковь» от нареканий как воинствующих католиков, так и кальвинистов, делает «уступку веяниям времени», так что на приемах его обработки заметны приемы «в стиле Скарги», который, по словам того же исследователя, вполне отвечал «господствовавшему в изобразительном искусстве стилю барокко». В частности, В. Н. Перетц отмечает вторжение просторечия, столь характерное для барокко, и то обстоятельство, что Коссов, которого «не удовлетворял суровый стиль проложной памяти», вводит ряд антитез, способных «растрогать» и поразить воображение «и феодала и читателя-горожанина»³³. Это меткое и тонкое замечание, так как церковная проповедь, назидательная и полемическая литература и контрреформации и ее противников не адресовались «порознь» феодалу и мужику.

Существенно важным фактором становится подготовка и развитие рационализма, который вызревал не только в среде шляхетского кальвинизма и социниан в Польше, но и в иезуитских коллегиях под покровом схоластической логики и риторики. Риторическая модель барочной школьной поэтики складывается из различных источников — античной, эллинистической, патристики и гуманистической традиции³⁴. Барочная поэтика становится специфической формой «элоквенции», важнейшим средством риторической «инвенции» (изобретения). Риторическая система барокко рассчитана на эмоциональное напряжение, которое создается обдуманно и искусственно. Один из разделов барочных риторик носит название «О возбуждение страстей» (так и в «Риторике» М. В. Ломоносова). Риторический рационализм барокко подчиняет себе художественные средства выражения. Метафора барокко строится по принципу образования силлогизмов, образующих причудливую цепь сложных переосмыслений.

Само обращение к аристотелизму и знакомство с античной литературой имели немаловажное значение в особенности для Украины и России,

³¹ E. A n g u l. Barok polski między Madrytem i Moskwą. «Literatura, komparatystyka, folklor». Warszawa, 1968.

³² В. Н. П е р е т ц. Исследования и материалы по истории старинной украинской литературы XVI—XVIII веков. Л., 1928; P. L e w i n. Rosyjskie przekłady «Gofreda» w wykładach poetyki z XVIII wieku. «Slavia Orientalis», rocz. XVIII (1969), № 3. (Публикация текстов переводов, в том числе из поэтики Кветницкого, по которой учился М. В. Ломоносов).

³³ В. Н. П е р е т ц. Киево-Печерский патерик в польском и украинском переводе. В кн. Славянская филология. Сборник статей, т. 3. М., 1958, стр. 177, 180—181.

³⁴ J. D u s k. Ticht-Kunst. Deutsche Barockpoetik und rhetorische Tradition. Bad Homburg, 1968.

где новая «светская» культура постепенно вызревала в недрах схоластической школы. Процесс этот совершался медленно и встречал сопротивление православных книжников, опасно и с недоверием воспринимавших все, что шло с католического Запада. «Аще бо силлогизмом веру оставим, погибнет вера наша; не богу бо, но человеку веровати имам» — утверждал Епифаний Славинецкий, полемизируя с Симеоном Полоцким, противопоставляяそばlazнам и гордыне человеческого разума простоту сердца и нищету духа³⁵. Осуждение аристотелизма сочетается с осуждением «авилонской музыки», театра и всей светской культуры.

Культурное общение народов перерастало конфессиональные рамки и преодолевало опасливое отношение ревнителей православия в России и особенно на Украине, где нередко в нем видели угрозу для сохранения национальной независимости. Усвоение барокко отвечало внутренним потребностям культурно-исторического развития. Барокко, пишет украинский литературовед В. И. Кречотень, «ускорило у восточных славян процесс становления «новых» литератур, обогатив их письменность неизвестными раньше темами, сюжетами, способами художественного изображения, привив славянской литературной почве новые роды и виды словесного творчества»³⁶. Большое значение приобретают стилевые особенности, возникающие в местных условиях в результате взаимодействия с местной художественной традицией. Возникает украинский национальный вариант барокко, включающий в себя фольклорные мотивы, навыки песенной культуры и народного декора.

С основанием Киево-Могилянской академии расцветает украинский Геликон, развивается барочная виршевая поэзия. Общение с польской литературной культурой становится теснее. Через посредство Польши в украинских и русских духовных училищах усваивается барочная эстетика, теория и практика школьного театра, силлабическое стихосложение и техника образования метафоры, эмблематика и аллегорика. Начальной книгой каждого школяра становятся «Метаморфозы» Овидия. Риторизированная античность вступает в причудливое сочетание с христианской мифологией и символикой, сплетается с местной историей, питая образность панегирической поэзии, школьного театра и изобразительного искусства.

Риторика и пиитика, принятые в украинской и русской духовной школе, избирают примерами из польских источников, иногда Симеон Полоцкий, Лазарь Баранович, а позднее Стефан Яворский и Феофан Прокопович пишут стихи не только на русском и латинском, но и на польском языке. Феофан Прокопович почти одновременно создает русскую и польскую версии панегирика или «песни триумфальной» в честь Полтавской виктории 1709 года. Русской литературе известен и своеобразный барочный «макаронизм», причем не преследующий комических целей. Таковы, например, двуязычные поздравительные вирши Симеона Полоцкого «На именины боярина Богдана Матвеева», в которых вслед за двустипием на русском языке следует польское³⁷.

Ученые украинцы и белорусы, осевшие в Москве и составившие значительную часть высшего православного духовенства петровской и послепетровской России, не только приносили с собой польскую и украинскую

³⁵ И. Р о г а р. Епифаний Славинецкий, литературный деятель. «Киевская старина», 1900, № 10, стр. 31.

³⁶ В. И. К р е ч о т е н ь. Антоній Радивилівський про ораторське мистецтво. «Радянське літературознавство», 1959, № 5, стр. 39. См. также: І. В. І в а н ь о. Про українське літературне барокко. «Радянське літературознавство», 1970, № 1.

³⁷ R. L u ż n y. Pisarze kręgu Akademii Kijowsko-Mohylańskiej a literatura polska. Kraków, 1966, s. 127; е г о ж е. Stefan Jaworski — poeta nieznaný. «Slavia Orientalis», rocz. XVI (1967), № 4.

литературную образованность, но довольно скоро включались в русскую государственную жизнь и применялись к местным историческим условиям и традициям. Поэтому неправильно представляли поэтическую культуру, складывавшуюся в Москве в последней трети XVII в., как некий «филиал» украинской литературы, как поступает Д. Чижевский³⁸. Уже в творчестве Симеона Полоцкого и Сильвестра Медведева русская виршевая поэзия приобретает новые черты, отвечая потребностям быстро растущего централизованного государства. Встречаясь с византизированными художественными мотивами, Симеон Полоцкий находит в них один из источников образительной пышности и репрезентативности, нашедшей отражение в его словесных панегириках.

Барокко пришло и к ревнителям «древлего благочестия» — русским старообрядцам, которые в далекой олонечкой глуши создали очаг художественной культуры. Основатели Выговского скита братья Андрей и Семен Денисовы оказались чуткими к новым веяниям, причудливо смешивая их со старой традицией. Poleмическая литература старообрядцев использует новые художественные средства и мотивы. Наряду с высоким «штилем» формируется средний во «вспоминательных» виршах, книжных «плачах»³⁹, агиографической литературе, ориентирующейся на дидактику «Повести риторической о срте слона персидского» Андрея Денисова и др.⁴⁰. Бытуют в этой среде и произведения, относящиеся к низшим жанрам барокко, антиниконианские и антипетровские памфлеты (карикатуры и лубочные листы типа «Мыши кота погребают»).

В России развитие новых художественных средств не поспедало за требованиями, выдвинутыми временем. Старые средства русского барокко XVII в., все более секуляризуясь, служат для пропаганды внешней и внутренней политики, разворачиваясь в сложные драматизованные аллегории «триумфов» и «сретений» Петра после побед. «Инвенторами» этих «триумфов» и авторами их пространных панегирических описаний были все те же воспитанники украинской и русской духовной школы. Вместе с тем «петровское барокко» формировалось и развивалось и под непосредственным воздействием западноевропейского барокко, итальянского и отчасти голландского, принесенного многочисленными мастерами, нахлынувшими в Петербург и придавшими ему надолго убранство единственного в мире города одного стиля. Художественные вкусы и симпатии Петра, складывавшиеся в Голландии, а также его окружения (Якоба Брюса, Лефорты и др.) тяготели к протестантским вариантам барокко, по-видимому, находившим понимание и у Феофана Прокоповича. Сложнейшее столкновение художественных традиций приводило в конечном счете к появлению неповторимых исторических черт русского национального варианта барокко.

Бурное развитие русской культуры создало видимость внезапного разрыва с предшествовавшей художественной традицией, особенно в области поэзии. Русская литература барокко, по словам Д. Чижевского, была

³⁸ Д. Чижевский. История украинской литературы від початків до доби реалізму. Нью-Йорк, 1956, стр. 312.

³⁹ См. издание: «Русская силлабическая поэзия XVII—XVIII вв.». Вступительная статья, подготовка текста и примечания А. М. Панченко. Л., 1970 («Библиотека поэта», большая серия). Раздел: Вирши выголексиических старообрядцев.

⁴⁰ Андрей Денисов. Повесть риторическая о срте в Москве слона персидского. Послание Андреево с Москвы в Общебратство. «Русская старина», 1880, кн. 9. Мы не касаемся здесь вопроса о прототипе Аввакуме как виднейшем представителе русского варианта барокко. См. наши статьи: Проблема барокко в русской литературе XVII — начала XVIII века (состояние вопроса и задачи изучения). «Русская литература», 1962, № 3, стр. 29—33; Проблема значительно сложнее ... «Русская литература», 1968, № 4, стр. 150—151.

«разорвана» или «разрезана» на две части языковым переворотом петровского времени (около 1715 г.): этот разрыв был переходом от русско-церковнославянского языка к языку, соединившему эту стихию с западными заимствованиями, «кальками» с западноевропейских образцов и неологизмами⁴¹. Картина эта неверна. Во-первых, изменения литературного языка в петровское время едва ли можно объяснить только наводнением его кальками и другими заимствованиями. Во-вторых — и это главное — не сами по себе изменения в языке (какими бы причинами ни были они вызваны) «разрезали» русское барокко на две неравные части. Решающее значение имела реформа стихосложения, которая в сочетании с новой тематикой и секуляризацией старинной образности и создала эту видимость полного разрыва со старой традицией, с которой якобы сохранила связь только «школьная силлабика», державшаяся почти до конца XVIII в. в духовной школе. Но ни «Умозрительство душевное» Петра Буслаева (1734), ни «Эпипникон» Стефана Витинского (1739) уже не представляли собой новой фазы развития барокко, а были реликтовыми явлениями его предшествующей стадии — силлабического барокко. Итак, барокко в русской поэзии связано с обеими системами стиха.

В русской литературе стилевая доминанта барокко проявила себя на протяжении почти двух столетий. Исторически это распадается на два, на первый взгляд, резко противопоставленных периода, из которых каждый также разделяется по крайней мере на две фазы. К первому начальному периоду барокко, представленному именами Катыврева Ростовского, Ивана Хворостинина и Ивана Наседки, относится и взбудораженное «витийство» так называемого «смутного времени» и первые опыты виршевой поэзии. Вторая фаза — расцвет церковно-придворного панегирического барокко (Симеон Полоцкий, Сильвестр Медведев). В это время, наряду с высоким, насыщенным хитроумными метафорами и аллегориями стилем, развивается, нередко у одних и тех же авторов, и «средний штиль», к которому принадлежит например, «Вертоград Многоцветный» С. Полоцкого, виршованные афоризмы и назидательные «притчи» которого не требовали риторического напряжения. Тогда же развивается и низших слоев — гротескно-комическая и пародийная литература барокко.

Второй период, начало которого условно относится к первым петровским «триумфам» (1703), характеризуется резким нарастанием секуляризации мотивов и образов, при сохранении силлабической системы стиха. Вторая фаза его — силлабо-тоническая — характеризуется дальнейшим углублением секуляризации, развитием оды как новой разновидности риторико-панегирического жанра. В ней по-прежнему главенствует риторика и техника образования метафоры по принципу «сопряжения далековатых идей». Обновленное в своих формах русское барокко все более наполняется идеями Просвещения и достигает художественного совершенства в гениальном творчестве Бартоломео Растрелли и Михаила Ломоносова⁴². И еще один — последний, затухающий этап. Он, уже собственно, не принадлежит барокко, а связан с обращением к его художественным средствам в целях создания живописности или риторической приподнятости (Державин, Бобров и др.). К этим средствам обращается и Пушкин как для создания художественного исторического фона (в «Борисе Годунове»), так и ради динамичности изложения (реминисценции из од Ломоносова в «Полтаве»). Все это свидетельствует о значительности и эстетической ценности художественного наследия барокко в русской национальной культуре, как и в культуре других славянских народов.

⁴¹ Д. Ч и ж е в с к и й. Барокко в русской литературе ..., стр. 11.

⁴² См. нашу статью: Ломоносов и барокко. «Русская литература», 1965, № 2.

Е. К. ЖИГУНОВ

С. М. КРАВЧИНСКИЙ О ПОЛЬСКОМ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОМ ДВИЖЕНИИ 70—80-ГОДОВ XIX ВЕКА

Имя Сергея Михайловича Кравчинского (1851—1895) было, по словам В. И. Засулич, «в революционной подпольной России семидесятых годов одним из самых популярных, самых любимых имен... Оно тесно срослось с самыми первыми шагами революционного движения»¹. Революционная и литературная деятельность С. М. Кравчинского (литературный псевдоним — Степняк) достаточно широко освещена в многочисленных работах советских историков и литературоведов². Большинство его произведений хорошо известно советским читателям³; некоторые из них еще не переведены на русский язык, в частности, написанная в эмиграции и изданная в 1886 г. в Лондоне и Париже работа «Русская грозовая туча»⁴. В ней имеется глава «Молодая Польша и русская революция». Материалы из этой главы без отсылок на источник были использованы в книге Ф. Перля, изданной в 1908 г.⁵ Ниже публикуются в сокращенном виде две части главы в нашем переводе на русский язык.

С. М. Кравчинский был одним из первых видных русских революционеров, побывавших в Польше и познакомившихся с зародившимся там во второй половине 70-х годов XIX в. социалистическим движением. Это движение привлекло внимание не только русских революционеров, но и основоположников научного социализма К. Маркса и Ф. Энгельса⁶.

В начале 70-х годов XIX в. в Королевстве Польском параллельно с формированием промышленного пролетариата, заявившего о себе в 1870—1874 гг. рядом стачек, появляются и первые пропагандистские кружки в среде польской интеллигенции. С. М. Кравчинский в кратком конспекте главы «Молодая Польша и русская революция» отмечает, что уже в 1868 г. в Варшаве был организован первый такой кружок, состоявший из 8—10 человек⁷. В 1871 г. возникают студенческие «саморазвивательные» кружки с целью «просвещения народа» и «действия для народа», аналогичные, по-видимому, русским народническим кружкам начала 70-х годов. Они распространяли среди учителей и крестьян брошюры Л. А. Тихомирова «Сказка о четырех братьях» и М. А. Бакунина «Государственность и анархия» и другие пропагандистские издания⁸. Эти организации, как справедливо указывает С. М. Кравчинский, переродились в патристические и экономические кружки⁹.

¹ В. И. З а с у л и ч. Статьи о русской литературе. М., 1960, стр. 125.

² См., например: Е. Т а р а т у т а. Фридрих Энгельс и С. М. Степняк-Кравчинский. «Наука и жизнь», 1965, № 7—9; Е. А. Т а р а т у т а. На моей книжной полке. «Прометей», 1969, № 7; Т. П. М а е в с к а я. Слово и подвиг. Жизнь и творчество С. М. Степняка-Кравчинского. Киев, 1968.

³ См., например: С. С т е п н я к - К р а в ч и н с к и й. Соч., т. I—II, М., 1958; С т е п н я к - К р а в ч и н с к и й. Россия под властью царей. М., 1965.

⁴ S. S t e r n i a k. The Russian storm-cloud, London, 1886. Некоторые главы из этой работы опубликованы в кн.: С. М. Степняк-Кравчинский в лондонской эмиграции. М., 1968, стр. 6—71.

⁵ Последнее издание: F. P e r l (R e s). Dzieje ruchu socjalistycznego w zaborze rosyjskim (do powstania PPS). Warszawa, 1958.

⁶ См.: К. М а р к с и Ф. Э н г е л ь с. Соч., т. 19, стр. 247—249.

⁷ ЦГАЛИ СССР, ф. 1158, оп. 1, д. 124, л. 32.

⁸ Там же, л. 32 об.

⁹ Там же, л. 32 об., 33.

Первые социалистические кружки рабочих и интеллигенции были организованы студенческой молодежью, обучавшейся в высших учебных заведениях Петербурга, Москвы, Киева, Одессы и других городов России. Из высших учебных заведений России приехали в Королевство Польское будущие видные деятели польского социалистического движения — Л. Варыньский, Я. Гласко, А. Венцковский, Б. Мондшейн и многие другие. Прочная основа для успешного распространения социалистического учения была подготовлена деятельностью в польских землях германских социал-демократов. Существенное значение имели и традиции польского национально-освободительного движения. Характеризуя социалистическое движение 1876—1886 гг., С. М. Кравчинский говорит недостаточно четко об этих трех его главных компонентах. Он правильно указывает, что толчок развитию в Польше социалистического движения дало русское революционное народничество. Как русское рабочее движение 70-х годов¹⁰, так и польское социалистическое движение опиралось на опыт западноевропейского и в первую очередь — немецкого пролетарского движения. Польские социалисты знакомы с социал-демократической литературой, имели контакты с немецкими рабочими-эмигрантами, принимали участие в деятельности местных организаций германской социал-демократической партии, налаживали связи с ними. Вместе с тем они углубляли традиции дружбы, братства и сотрудничества с русскими революционерами в общей борьбе против самодержавия.

С. М. Кравчинский подробно останавливается на деятельности польских социалистов конца 70-х годов. По соображениям конспирации он лишь бегло коснулся деятельности партии «Пролетариат», ее структуры, связей членов партии с представителями русского революционного движения. В его работе ничего не говорится о роли наиболее радикальной части польской революционной эмиграции 60—70-х годов (В. Врублевского и его соратников) в идейной подготовке рабочего движения в Польше.

Сравнивая деятельность русских и польских революционеров, М. С. Кравчинский не понял объективной, классовой основы революционного движения. Все успехи польских социалистов он объясняет существованием в Польше более сильных по сравнению с Россией заговорщических традиций. Однако в отличие от некоторых историков, утверждавших, что русское народничество принесло в Польшу лишь «чистое заговорщичество»¹¹, — он смог определить естественные корни «заговорщичества» польских революционеров, связанного с традициями национально-освободительного движения.

Основное различие между русскими и польскими революционерами 1870-х годов заключалось в их отношении к рабочему классу. Г. В. Плеханов, принимавший участие в народническом движении, писал впоследствии, что русские революционеры 70-х годов не понимали исторического значения формировавшегося в России нового класса — пролетариата¹². Обращение первых польских социалистов к пропаганде в основном в среде рабочего класса определялось более быстрым по сравнению с Россией формированием в Польше пролетариата, соотношением классовых и политических сил в польских землях и их представлениями о перспективах социалистической революции. Главную цель своей деятельности польские социалисты видели в развитии классового самосознания пролетариата, его сплочении в самостоятельную политическую силу для борьбы за освобождение от экономического и социально-политического гнета. Польские социалисты, в отличие от землевольцев и народовольцев, не только смогли выработать революционную теорию, но и сумели «неразрывно связать свое движение с классовой борьбой внутри развивающегося капиталистического общества»¹³. Влияние социал-демократических идей проявилось и в программе Рабочего комитета, стоявшего во главе образовавшейся в 1882 г. первой польской социалистической рабочей партии «Пролетариат».

¹⁰ «История Коммунистической партии Советского Союза», т. I. М., 1964, стр. 81.

¹¹ K. K e l l e s - K r a u s (E. Esse). *Socialistes Polonais et Russes*. Paris, 1899, p. 7.

¹² Г. В. П л е х а н о в. Соч., т. 3. М.—Л., 1923, стр. 139.

¹³ В. И. Л е н и н. Полн. собр. соч., т. 6, стр. 135.

МОЛОДАЯ ПОЛЬША И РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

I

Это было в начале 1879 г. ¹, когда я впервые получил возможность познакомиться с тем, как жили польские революционеры у себя дома. Ранним утром санкт-петербургский поезд остановился в Варшаве у красивого вокзала Северной железной дороги. Меня сопровождал молодой польский революционер, которого я всегда называл Михаилом ². Было ли это имя, данное ему при крещении или нет, я не знаю. В период нашего короткого знакомства он менял его не менее полдюжины раз и, по всей вероятности, сам забыл свое настоящее имя. Поэтому мне было простительно иметь в этом вопросе не больше ясности, чем имел он сам. Что я действительно знал о нем, так это то, что он был одним из инициаторов нового польского революционного движения и одним из активных членов ассоциации молодых революционеров. Теперь мы путешествовали вместе и остановились в Варшаве. Он обещал представить меня своим друзьям в этом городе — это было весьма заманчивое предложение, которое с удовольствием принял бы любой русский революционер, что я и сделал.

В 1879 г. полиция уже свирепствовала во всю, и было бы удивительно, если бы положение в Варшаве оказалось лучше, чем где-либо еще. Едва мы успели войти в свою комнату в отеле, как нас попросили предъявить наши паспорта и подвергли подробнейшему допросу относительно цели нашего путешествия, предполагаемого срока нашего пребывания в городе и многих других деталей. Это показалось бы нескромным мирным гражданам, но, конечно, не нам. Позволив несколько разыграть нашему воображению, мы с легкостью удовлетворили любопытство полиции. Наличие в регистрационной книге, которую нам надлежало заполнить, графы под рубрикой «характер», что по-польски значит «род занятий», а по-русски — «нрав», дало мне возможность распространить свою откровенность до такой степени, что я заявил в ответ, что мы оба добрейшие и смиреннейшие люди. Служитель, не очень сведущий в русском языке, не мог распознать шутку, и регистрационная книга проследовала в контору. Паспорта были у нас отобраны, чтобы незамедлительно быть переданными в полицию для исследования и проверки. Они были, конечно, самодельными, но, пройдя огромное количество проверок, оба были сплошь покрыты полицейскими штампами, что, безусловно, подтверждало несравненное мастерство моего друга Алексея О. ³ и м-ль Александры М. ⁴, которые, в то время возглавляли паспортный отдел нигилистов. Мы ни на минуту не сомневались в том, что наши документы благополучно пройдут это тяжелое испытание и на следующий день рано утром вернутся с добавочными отметками их добротности.

У Михаила было множество дел, одинаково требующих немедленного выполнения. Я знал, что при исполнении каждого, даже мелкого дела, он найдет еще несколько других, вытекающих из него, и будет стараться сделать их тотчас же. Тем не менее он обещал вернуться через два часа и за это время организовать все свидания — дело весьма сложное в России. К моему великому удивлению, он вернулся всего на полтора часа позже условленного времени. Мы тотчас же вышли из дома и пошли по улицам — знаменитым улицам польской столицы, которые на своем веку видели и всю полноту величия и всю глубину горя <...>

Я не буду говорить обо всех, с кем я познакомился в тот день и за три последующих дня, и отчего я не мог отказаться, будучи в этом городе. Я остановлюсь только на одной подробности, которая поразила меня больше всего: социалистическая деятельность среди рабочих была действительно главной целью новой революционной партии. На следующий день после нашего приезда в Варшаву Михаил и другой польский революционер — инженер В. ⁵, с которым я был связан в С.-Петербурге, пришли ко мне в отель и сказали, что они проводят меня на рабочее собрание, которое должно состояться, конечно, тайно в одном из демократических кварталов города.

Побродив некоторое время по узким улочкам, мы вошли в просторный двор, в одном из углов которого стоял большой одноэтажный дом. Груды сырых досок лежали на земле, стояли, прислоненные к стенам. Это была столярная мастерская. Собрание должно было состояться в последней комнате. Когда мы вошли в прихожую, до нас донесся шум голосов. Однако собралось пока несколько человек. Мы пришли слишком рано и могли позволить себе удовольствие принять участие в разговоре, что дало мне возможность узнать получше этих людей. После того как Михаил и В. представили меня как русского революционера, я был принят как друг и брат. В открытой сердечности не было и тени недоверия ко мне, как к русскому. Многие несчастья происходили в прежние времена из-за этого недоверия. Два поколения тому назад оно разделило сроком в пять лет две великие революции, — революцию 1825 г. в С.-Петербурге и революцию 1830 г. в Варшаве ⁶, — единство действий которых было бы решающим. Даже поколением позже, во время восстания 1863 г., Герцен и Бакунин, наши отцы в революции, жаловались, что это недоверие было непреодолимым препятствием на пути к взаимопониманию между русскими и польскими демократами. Я прекрасно знал, что это недоверие уже полностью исчезло в среде образованных революционеров. И я был самым приятным образом удивлен, когда увидел, что то же самое произошло и среди простых рабочих.

Когда все собралось, мы насчитали пятнадцать — восемнадцать человек. Это было собрание делегатов и организаторов, каждый из которых представлял кружок из пятнадцати — двадцати человек. Таким образом, в то время около 150—200 рабочих ⁷ было объединено в одну организацию. Эта цифра по-настоящему удивила меня, ибо я понял, что все это сделано в течение нескольких месяцев, так как знал, что восемнадцать месяцев тому назад среди варшавских рабочих не было ни одного социалистического кружка. Я вспомнил, что когда мы, русские революционеры, начали нашу пропаганду в С.-Петербурге в 1871 г. ⁸, в конце первых двух лет мы с трудом могли внушить идеи социализма дюжине рабочих. Только в 1879 г., в результате девятилетних усилий, была создана первая сильная и серьезная рабочая организация под названием «Северный союз» ⁹. Различие в результатах кажется еще более удивительным, если соответственно сопоставить те силы, которые стимулировали зарождение движения в этих двух странах. В С.-Петербурге число пропагандистов, принадлежащих к «инструктирующему» классу, скажем, к студентам, хотя термин не совсем точен, был намного большим. В первые четыре-пять лет мы можем без преувеличения насчитать по крайней мере трех студентов-пропагандистов, тративших свои силы на то, чтобы обратить к социализму одного рабочего. В Варшаве все было наоборот. Эти объединения в 150—200 социалистов явились результатом работы всего трех агитаторов из среды интеллигенции. Всех их я знал. Это были очень преданные делу, энергичные люди ¹⁰, но они вовсе не превосходили работавших в С.-Петербурге, среди которых было много людей с большим опытом. Их удивительно быстрый успех является свидетельством огромной разницы в материале, над которым им пришлось работать.

Однако быстрый рост не является основной особенностью варшавского социалистического движения. В. и Михаил рассказали мне, что пропагандистская деятельность осуществляется теперь исключительно самими рабочими. У трех инициаторов были кое-какие трудности при организации первого кружка рабочих. Когда они создали маленькую группу из пяти-семи рабочих, последние моментально приобрели бесчисленных приверженцев в среде своих товарищей, организовывали новые кружки и развивали пропаганду дальше уже без какой бы-то ни было помощи со стороны образованных товарищей. Если какой-либо кружок становится слишком большим, он делится на два, и, чтобы поддерживать связь со всей организацией, выбирает делегата в особый кружок высшего порядка, который регулярно проводит свои собрания и осуществляет общее руководство организацией. Делегаты, или «организаторы» проводили небольшие местные собрания в различных частях города, для удовлетворения нужд своего района имели общие фонды, а также индивидуальные средства — небольшие библиотеки, собранные из нелегальных изданий, и так далее. Организация работала, как хорошо сконструированная машина.

Все это, конечно, очень просто. Если попросить пропагандиста начертить схему рабочей организации, то каждый предложит как раз то же самое. Но одно дело — наметить план действия и совсем другое — претворить его в жизнь. Для нас, русских революционеров, величайшей трудностью было организовать наших рабочих. Если нам удавалось привлечь на свою сторону шестьдесят-восемьдесят приверженцев, то перед нами вставала геркулесова задача: выстроить их, так сказать, в один ряд, внести в него порядок; научить рабочих конспирации, что значило заставить понять, что при ограниченности общения сфера деятельности каждой отдельной группы усиливает силу сопротивления и эффективность конспирации. У польского пропагандиста не было такой трудности. Их рабочие, казалось, уже были подготовлены к конспирации, как солдаты вымуштрованы для войны. Рабочих нужно было только призвать к действию. Выстраивание в ряды происходило само собой, и нельзя сказать, чтобы это было благодаря превосходству интеллектуального развития польских рабочих по сравнению с русскими. Вовсе нет. Я говорю не о крестьянах, а о Санкт-петербургских ремесленниках и мастеровых, которые так же умны и повятливы, как и варшавские. Все это происходило благодаря политическому прошлому этой страны, исторической традиции, которую каждый поляк, казалось, унаследовал.

В тот вечер мы расстались очень поздно, и весь город уже спал, когда мы вышли на улицу. Некоторое время Михаил шел вместе со мной. Он был горячим патриотом, хотя и отрицал это, утверждая, что он космополит. Но его пристрастие к полякам проявлялось в его желании доказать, что в любой сфере деятельности его товарищи превосходят нас, русских. Теперь у него действительной была очень благоприятная возможность отстаивать свою правоту в излюбленной им теме. Я с готовностью признал его право гордиться достижениями его партии. «Но, — добавил я, — большей частью ваших успехов вы обязаны не самим себе». — «Кому же тогда?» Я указал на мостовую длинной улицы, расстилавшейся перед нами. Так как никого не было видно, Михаил недоумевал и не мог догадаться, что я имею в виду.

«Этим вы обязаны, мой друг, этой земле, по которой ступают ваши рабочие, этому воздуху, которым они дышат. Вот откуда то вдохновение, которое у вас есть и которого у нас нет».

II

Это была для меня первая, но отнюдь не последняя, возможность познакомиться с тем, что происходило тогда в Польше. Между польскими и русскими революционерами никогда не прекращались самые дружеские отношения. Теперь я расскажу в нескольких словах о том, что мне удалось узнать о позднейшем периоде, и о том, что предшествовало новому польскому революционному движению, о котором мы получили некоторое представление.

Будучи разделенной на три неравные части между тремя империями, Польша имеет две провинции с конституционным режимом и пользуется определенной свободой слова и печати¹¹. Поэтому социалистические идеи имели свободный доступ в эту страну и могли легко проникнуть в русскую Польшу, ибо таможенные власти на границе никогда не препятствовали ввозу нелегальной литературы из-за границы. Но идеи новой революции просочились в Польшу не с той стороны, а с противоположной¹².

Как хорошо известно, широкое социалистическое движение имело место в России в 1871—1873 годах. Оно распространилось по всей стране, имея своими главными центрами высшие школы и университеты. В них поляки учились совместно с русской молодежью, и совершенно естественно, что это сильное течение оказало влияние и на них. Однако поляки оказались гораздо менее восприимчивыми, чем их русские товарищи. Они имели нечто вроде предохранительного средства против революции в интересах класса, испытавшего идеи всеобщей национальной революции. Те несколько человек, такие, как Дробыш-Дробышевский¹³ и другие, которые объединились в космополитической борьбе за социализм, приняли участие в русском движении, занимаясь пропагандой в русских городах. Однако в 1874 г. в С.-Петербурге был основан первый действительно польский кружок, целью которого была объявлена социали-

стическая пропаганда в самой Польше. В этот кружок входили четыре русских революционера. В 1875 г. кружок приобрел много приверженцев среди жителей большой польской колонии в С.-Петербурге, выработал программу и предложил основать газету. С этими целями их эмиссар (г-н Г. ¹⁴) был послан в циркулярную поездку в Москву, Киев, Варшаву и другие русские и польские центры. В Киеве он натолкнулся на смешанный русско-польский самообразовательный научный кружок, руководителем которого были Людвиг В. ¹⁵ и м-ль Пласковицкая ¹⁶, скончавшаяся в Сибири в 1880 году. Санкт-петербургский эмиссар посетил также главные центры эмиграции. Во Львове он встретился с г-ном Лимановским ¹⁷, в Женеве — с г-ном Врублевским ¹⁸, полководцем Парижской Коммуны, — оба старые польские патриоты, и в Лондоне — с г-ном Лавровым ¹⁹, издателем русской революционной периодики. Все обещали свою помощь ²⁰. Таким образом, мы видим русских и поляков, объединенных в тесную братскую ассоциацию как на литературном поприще, так и в области практической организации. Однако издание газеты, за недостатком средств, было на некоторое время отложено, но организация росла численно. Осенью 1876 г. связи с Киевом упрочились, и два делегата были посланы на постоянное жительство в Варшаву ²¹. Здесь Санкт-петербургские делегаты познакомились с Казимиром Гильдтом, молодым и очень талантливым человеком, слишком рано потерявшим свое дело и свою страну. Будучи сначала студентом в Варшаве, Гильдт провел затем несколько лет в Краковском университете. Здесь он был ревностным последователем социал-демократической партии и, возвратясь в Варшаву, стал главным пропагандистом чисто научного социализма, в той форме, в какой он был сформулирован в индустриальных западных странах. Его влияние благодаря его эрудиции и ораторским способностям было очень велико и благотворно в момент создания молодой социалистической партии в Польше. Он нейтрализовал слишком исключительное влияние Санкт-петербургских элементов, воспитанных русской социалистической школой, отразившей в своих теоретических воззрениях скоропреходящее социальное положение России.

Будучи выходцами из состоятельных классов, все эти новые социалисты начали с обращения к себе подобным — студентам и образованным людям вообще. Успех новой партии был очень велик. Со скоростью, характерной для всякого заговорщического движения в Польше, оно росло численно и распространялось, делясь на кружки. Очень скоро одна специальная группа пропагандистов решила направить свои усилия на объединение с рабочими. В своих первых попытках сблизиться с рабочим классом пропагандисты использовали русские методы пропаганды, поступая на фабрики и заводы в качестве простых рабочих. Так сделал Людвиг В. и два его товарища ²². Надо сказать, этот метод не получил широкого распространения в Польше, так как отсутствие недоверия между классами делало его (этот метод. — *Е. Ж.*) бесполезным ²³.

Для рабочих нужны были книги о социализме. Гильдт перевел на польский язык несколько брошюр немецких социал-демократов, такие, как «Капитал и труд» Лассалья, и другие короткие статьи. Они были напечатаны за границей. Для пропаганды среди студентов и образованных людей с большим успехом использовалась русская социалистическая литература. Для того, чтобы получать ее в достаточном количестве варшавский кружок совместно с московским кружком русских пропагандистов организовал ее регулярную контрабандную транспортровку. Рост социалистического движения в Варшаве стимулировал подъем подобного движения в Познани и Галиции. В Галиции в мае 1877 г. состоялся первый суд над польскими социалистами, за которым последовало много других.

С 1877 г. Варшава стала основным центром нового революционного движения. Сюда стягивались все силы польских студентов, находившихся в основных русских городах. Но поляки, невзирая на их общезвестную сангвиничность, высказали немалую прозорливость, воздержанность от концентрации всех находящихся в их распоряжении сил на территории Польши. Сильные организации были оставлены в С.-Петербурге и Киеве с целью вербовки новых членов и создания резерва во избежание возможных случайностей. Эта предосторожность, как мы это вскоре увидим, принесла движению значительную пользу.

8 августа 1878 г. было памятным днем для новой партии: в этот день в Варшаве был произведен первый арест революционеров нового поколения. Полиция обнаружила печатный станок, некоторое количество напечатанных материалов, революционные брошюры и тому подобное. Пестрая толпа, собравшаяся около здания (арест производился днем), была чрезвычайно возбуждена зрелищем, невиданным в течение уже пятнадцати лет. По отношению к новым жертвам была продемонстрирована несомненная симпатия. Когда заговорщики выбросили через окно компрометирующие их бумаги, они были в одну минуту уничтожены людьми, прежде чем жандармы успели появиться на улице и схватить их. Но, как бы то ни было, документы, оставшиеся в руках полиции, являлись более чем достаточным аргументом, чтобы погубить их владельцев и вскрыть нити заговора. Организацию в Варшаве полностью разгромили, а остатки ее эмигрировали в Австрию. Было арестовано около двухсот человек, из которых семьдесят два обвинялись в государственной измене, а двадцать четыре, признанные главными подстрекателями, были подвергнуты суровому наказанию. Правительство не решилось предать их суду: это вызвало бы слишком большое волнение. Все было сделано административным путем — правительство прибегло к помощи давно существовавшей военной комиссии, созданной в 1863 г. Муравьевым-вешателем для расправы с бунтовщиками и не упраздненной до последнего времени. Только четыре члена прежней организации остались в Варшаве²⁴. Будучи вынужденными скрываться от полиции, которая упорно выслеживала их, они были не в состоянии заниматься какой-либо деятельностью в таком сравнительно маленьком городе, как Варшава, которая не представляла тех благоприятных условий для существования вне закона, как С.-Петербург.

И в этот критический для новой ассоциации период резервы, о которых я только что говорил, обнаружили свою пользу²⁵. В то время как организация в Варшаве делала успешные шаги по пути прогресса, организация в Петербурге и Киеве работали с немалым рвением, вербуя в этих городах сторонников среди поляков. Особенно они преуспели в С.-Петербурге. Г.²⁶ и инженер В., ее наиболее активные члены собирали на тайные сходки в частных домах от восьмидесяти до ста человек. Чтобы поддержать и продолжить дело пропаганды, была создана тайная организация из тщательного отобранных людей. Во главе ее стоял центральный орган из шестнадцати членов, имелось также еще два других вспомогательных органа по двадцать человек в каждом. Главной задачей организации была подготовка людей для пропаганды в Польше. Таким образом она была сугубо теоретической. Ее члены, однако, не могли удержаться от того, чтобы не принимать участия в революционном движении их русских товарищей, которое в тот период начало основательно потрясать устои русского общества. В больших митингах и в грандиозных уличных демонстрациях, поразительных для той эпохи, поляки выступали вместе с русскими. И в редакционной коллегии тайно издававшейся газеты под скромным названием «Начало», открывшей собою серию тайных революционных газет, печатавшихся под самым носом у жандармов, среди четырех организаторов этого смелого предприятия мы видим инженера В., которого я только что упоминал как одного из лидеров польской организации²⁷. Было совершенно естественно, что перемена, происшедшая в тот период в русской революционной партии, оказала влияние и на польских товарищей. Годы 1878—1879 знаменуют начало терроризма как практического средства в борьбе с правительством. Но, кроме этого практического изменения, было и другое — теоретическое, известное под названием «народничество», непередаваемое слово, которое можно было бы передать термином «крестьянство» и которое предшествовало современной политической программе. Его наиболее характерной чертой является тенденция базировать революцию на насущных нуждах и устремлениях крестьян, не дожидаясь того времени, когда под воздействием пропаганды эти устремления созреют до чистого социализма. Перенесенное в условия Польши, это базирование революции на насущных нуждах масс могло означать не что иное, как патриотизм, национализм, борьбу за политическую эмансипацию от московского ига. Все это польские социалисты первого периода считали как бы изменой своему делу, которое было близко космополитическому социализму. Они

не видели разницы между национальным правительством и иностранным, так как оба они держались на экономической эксплуатации рабочих масс. Только в 1878—1879 гг. Польская социалистическая партия в Петербурге сделала шаг в направлении объединения социализма с национализмом²⁸. Когда после величайшего бедствия осенью 1878 г. делегаты из С.-Петербурга были призваны занять места их павших товарищей, новые течения начали возникать и в Польше.

Наступил второй период движения, и мы снова видим, как санкт-петербургские элементы находили себе замену и пополнение в лице представителей западной идеологии. Гильдт умер от чахотки в Швейцарии. Но несколько позже в Варшаву приехал делегат из С.-Петербурга П.²⁹, один из наиболее выдающихся участников движения, который, как и многие польские патриоты прежнего поколения, например великий Трауггут³⁰, соединял крайнюю умеренность своих теоретических убеждений с истинной горячностью натуры и удивительной энергичностью действий. П. был совсем «белым»³¹ в своих теоретических взглядах — социал-демократ из фракции самых умеренных. В столице побежденной страны он пытался ввести мирные и почти легальные методы пропаганды, практиковавшейся в западных странах. Благодаря его большим способностям и немецкой точности в работе, а также решительному отмежеванию от русских и польских элементов он сумел обеспечить пропаганде такое широкое пространство, какого она никогда не получала ни прежде, ни потом. Один из приверженцев П. (г-н Б.³²) создал даже смелый проект, согласно которому устаревшие и выродившиеся остатки различных средневековых ремесленнических корпораций, имевшие номинальное право проводить собрания, преобразовывались в общественную социалистическую организацию.

Управление этим широким пропагандистским движением было сосредоточено в руках тайной организации. Она была простой по тем временам: делилась на центральный кружок организаторов, состоящий из семнадцати или восемнадцати человек, и некоторое количество второстепенных кружков, которые посылали своих делегатов в центральный кружок и насчитывали несколько сот человек.

Было ли это из-за слишком широкого распространения пропаганды или по случайной ошибке, но в марте 1880 г., когда организация достигла апогея в своем развитии, ей нанесли ужаснейший удар. В центральном кружке были арестованы все вплоть до последнего человека. С.-Петербург снова послал им в поддержку новые силы, чтобы заполнить брешь, оставленную павшими в борьбе³³. Но в течение двух месяцев делегаты из С.-Петербурга не могли развить никакой деятельности. В июне 1880 г. по инициативе санкт-петербургской организации был проведен съезд всех ассоциаций, существовавших во всех русских городах³⁴, выработан новый план организации, внесено и принято много предложений по улучшению конспирации. Предписывалась еще большая осторожность в методах пропаганды. Организация стала еще более централизованной. Два больших кружка организаторов заменены маленьким центральным кружком, состоявшим из делегатов от пяти районов Варшавы, и добавочным бюро из представителей студенческих кружков. В центральном кружке было введено деление обязанностей — каждый из его членов получал в ведомство определенную область: рабочие, студенты, литература, средства общей безопасности. Возрастающие угрозы провалов вынудили организацию прибегнуть к некоторым суровым мерам против предателей. Большой кружок рабочих разделили на несколько маленьких, общавшихся в иерархическом порядке с центральными кружками, но не друг с другом. Все эти изменения принесли немалый успех, и осенью 1880 г., то есть спустя всего пять месяцев после того великого несчастья, о котором мы только что говорили, организация вновь обрела свою полную силу. В то время она имела ответвления во всех областях Польши, Западной России и Литвы, проникая даже в деревни. В апреле 1881 г. ей пришлось подвергнуться первым испытаниям. Эмигрант³⁵, возвращавшийся из Женевы, при котором находились письма к польским социалистам, попал на границе в руки полиции. Многие адреса заговорщиков нашли в его бумагах. За этим повсюду последовали бесчисленные аресты. Это несчастье усугубилось изменой³⁶. Около пятидесяти человек арестовали в Варшаве и двадцать пять — в С.-Петербурге. Киев, Вильно и Белосток

поплатились двадцатью семью жертвами. Это была тяжелая потеря, но на этот раз организация доказала свою боеспособность тем, что сумела ограничить нанесенный ей вред и предотвратить распространение арестов. Но, тем не менее было решено внести новые изменения в систему организации. В то время русская революционная партия «Народная воля», во главе которой стоял прославленный Исполнительный комитет, обрела неслыханную силу и широкую популярность своей многолетней борьбой не на жизнь, а на смерть против всех сил русской реакции. Варшавские революционеры переняли систему организации «Народной воли» во всех деталях, изменив только в соответствии с местными условиями некоторые частности, как, например, то, что относилось к военным³⁷. Мы воздержимся, конечно, от описания этой организации. Достаточно сказать, что с тех пор Польская социалистическая партия всегда умела оградить себя от какого бы то ни было несчастья. Аресты, случающиеся время от времени, не затрагивают больше жизненно важную часть организации, которая продолжает работу, приобретая сторонников и расширяясь год от года. Внутри ограниченных пределов польской столицы она имеет тайную типографию. Несмотря на все усилия, ее не может обнаружить полиция. Организация печатает тайную газету «Пролетариат»³⁸, распространяемую так же, как и «Народная воля»³⁹. Это было достижение, которое считалось возможным только в таком городе, как С.-Петербург.

29 января 1886 г. молодая Польша получила свое первое кровавое крещение⁴⁰. В декабре прошедшего 1885 г. двадцать девять из ста арестованных⁴¹ были преданы суду военного трибунала в Варшаве — небывалый случай для польской столицы, так как прежде все политические преступники ссылались в Сибирь административным порядком. Большинство — шестнадцать из двадцати девяти подсудимых — принадлежали к рабочему классу, четверо из них были простыми крестьянами. Среди тридцати остальных мы видим мирового судью Варшавы Петра Бардовского⁴², человека сорока лет, наиболее активного и смелого члена заговорщической организации; двух кадровых офицеров, лейтенантов царской армии; военного инженера в чине капитана и полдюжины студентов университета. Численностью подсудимых и их социальным положением, а также той отвагой, с которой они вели себя перед трибуналом, этот судебный процесс остался памятным событием в истории новой польской революции. Смертная казнь (впервые в Польше после 1863 г.), к которой были приговорены четверо главных обвиняемых — мировой судья Бардовский, дворянин Куницкий⁴³, рабочий Петрушский⁴⁴ и Оссовский⁴⁵, — открыла эпоху в истории развития молодой Польши.

Что же касается тенденций организаций, то они ясно видны из требований: «Возрождение Польши должно осуществляться на базе социализма, путем создания федерации самоуправляемых коммун (гмин), владеющих сообща всеми средствами производства, равно как и землей». Я не буду подробно останавливаться на незначительных расхождениях в теоретических взглядах между фракциями польских социалистов. Это не представляет большого интереса для английских читателей. Газеты же такие, как «*Równość*», «*Przedświt*», «*Walka Klas*»⁴⁶, публикуемые за границей и всегда легко достигаемые, могут представить достаточно обильный материал для тех, кто захочет узнать больше по этому вопросу. Я только упомяну о том, что «терроризм» был введен в программу «Пролетариата». Это как раз и является пунктом расхождения между двумя основными фракциями современной польской социалистической партии — «Пролетариат» и «Солидарность»⁴⁷. Но если от теоретических абстракций мы перейдем к практике, то увидим, что польские социалисты совершенно воздерживаются от таких мер. Несколько репрессий против шпионов скорее являются актами защиты, чем терроризма. И если иностранцу позволено будет говорить о чужой для него стране, — я возьму на себя смелость сказать, что я не вижу, какова могла бы быть польза от терроризма в такой стране, как Польша. Для активизации масс, подготовки их к повсеместной деятельности, пробуждения их от летаргии ничего подобного в Польше не нужно. Ибо никакой летаргии нет среди рабочих масс, которые предшествующим периодом истории своей страны лучше обучены и подготовлены, чем любым количеством террористических актов. Более того, многие поляки, принимавшие участие в пропаганде среди рабочих, рассказывают, что организаторы всегда сталкивались с большими трудностями,

состоявшими в том, чтобы сдержать слишком стремительный нрав рабочих и умерить их пылкое желание немедленно броситься в драку. Что касается политического эффекта террористических актов, все знают, что, не причиняя ни малейшего вреда центральной власти, это только послужило бы предлогом подвергнуть страну репрессиям, которые в завоеванной стране могут легко перейти в зверства, что совершенно невозможно в самой России. Пока организация не является достаточно сильной, чтобы ответить на это всеобщим восстанием, такие репрессии могут только увеличить трудности людского движения вообще.

Настоящая задача Польской социалистической партии состоит в том, чтоб подготовить широкий контингент социалистов — представителей, как физического, так и умственного труда, — силу, которой в 1863 г. Польша не обладала. Я попытался на нескольких страницах показать всю энергию и преданность, умение применяться к обстановке и самоконтроль, свойственные молодой Польше, и то, как она проявила себя настоящей и достойной преемницей старой Польши. Что касается эффективных результатов этой продолжительной деятельности, то их нельзя представить как перемежающиеся — развитие и гибель различных тайных организаций, о которых мы говорили. Они являются только штабом, указывающим направление, а не армией социализма. И в организациях, которые вели непрерывную борьбу за новое и лучшее будущее, численно гораздо большие потери были среди офицеров, руководителей, а не среди солдат. Те, кого они ведут, остаются в живых в основной своей массе. Состояние умов и духа в Польше таково, что импульс, полученный рабочим классом, обладающим удивительным воодушевлением и инициативой, редко оказывается упущенным и неиспользованным. Польша — это плодородное поле для выращивания семян конспирации, разрушительных идей. Брошенные в почву, они находят там пищу для будущего роста и редко погибают. Любопытный случай имел место, когда из-за несчастия 1878 г. рабочие кружки потеряли связь со своими центрами и были, как все предполагали, обречены на гибель. Но они не погибли. Они продолжали свою пропагандистскую работу самостоятельно, пока в 1880 г. не были случайно обнаружены некоторыми членами всеобщей организации и не объединены снова в общую семью. За восемь лет непрерывной социалистической пропаганды тысячи рабочих из среды всегда неустойчивого, колеблющегося населения больших индустриальных центров или перешли в ряды социалистической организации, или уже достаточно близки к тому, чтобы быть вовлеченными в движение. И они несли идеи социализма повсюду. С конца 1879 г. колонии пропагандистов начали формироваться в деревнях. Зимой 1880 г. в Келецкой губернии были арестованы гминный староста и несколько крестьян — первых социалистов среди сельского населения. Таким образом, в случае восстания Польша будет иметь устойчивый контингент социалистических элементов в деревне. Чем дальше будет отодвинута дата восстания, тем грандиознее, может быть, оно будет. Но как бы энергично и успешно ни проводилась тайная пропаганда, она никогда не может распространиться за пределы нации. Так как мы не предполагаем, что русское самодержавие будет продолжать свое позорное существование в течение нескольких поколений, — чего мы ни в коем случае не допустим, — приближающаяся катастрофа найдет в Польше социалистический элемент всегда в меньшинстве. Это меньшинство будет, конечно, иметь большое влияние на судьбы страны — влияние, непропорционально большое по отношению к его количественной силе, так как крайние партии объединяют и сплачивают наиболее энергичные и преданные своему делу элементы. Но это влияние едва ли будет обособленным. Очевидно, этим влиянием надо будет поделиться со старыми, чисто политическими партиями, созданными в продолжении целого ряда поколений и не желающими так сразу терять его. Социальный вопрос усложняется в Польше национальным вопросом, как в России — политическим. Громадным преимуществом Польши является то, что в этой стране и те и другие элементы имеют своих представителей. Социалисты могут посвятить себя социалистической деятельности, как они всегда делали; в то время как в России отсутствие какой-либо оформившейся политической партии бросило на плечи социалистов весь тяжелый груз работы одновременно в обоих направлениях (...)

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ С. М. Кравчинский, по-видимому, неточен в датировке своего посещения Варшавы. Вероятно он прибыл туда в конце ноября — начале декабря 1878 г. Косвенное подтверждение этого содержится в письме от 29 декабря 1878 г. одного из руководителей варшавского социалистического подполья Ю. Узембло (И. Бесядовского) к П. Л. Лаврову. ЦГАОР СССР, ф. 1762, оп. 4, д. 47, л. 26.

² Михаил Котурницкий (настоящее имя и фамилия — Эразм Кобылянский) — один из активных участников польских и русских революционных кружков, принадлежал к лагерю так называемых «национальных социалистов», впоследствии отошел от социализма.

³ Оболевеш Алексей Дмитриевич (1854—1881) — член «Земли и Воли». Руководил паспортным бюро организаций.

⁴ Малиновская Александра Николаевна (1849—1891), предоставляла квартиру для конспиративных собраний, рассылала по почте нелегальную литературу.

⁵ Венцовский Александр Иванович (1854—1920) участник польского и русского революционного движения. В 1877 г. окончил Петербургский технологический институт. В середине 1878 г. переехал в Варшаву, где был арестован в апреле 1879 г. по делу о пропаганде среди рабочих (так называемое дело «137-ми»). В 1880 г. сослан на поселение в Восточную Сибирь.

⁶ Имеются в виду переговоры (1824—1825 гг.) между декабристами и членами тайного польского «Патриотического общества», которые не привели к идейному сближению.

⁷ К концу 1878 г. организация варшавских социалистов объединяла около 300 рабочих.

⁸ Имеется в виду деятельность кружка «чайковцев».

⁹ «Северный союз русских рабочих». В декабре 1878 г. один из руководителей «Союза» — В. П. Обнорский посетил Краков и Варшаву и установил связь с польскими социалистическими кружками. Небезынтересна об этом запись С. М. Кравчинского в конспекте главы «Молодая Польша и русская революция» (при упоминании в дальнейшем — конспект): «неудача Ксаверия Вонсовича в организации связи с Северным союзом русских рабочих через В. П. Обнорского и аресты в С.-Петербурге в связи с этим» (ЦГАЛИ СССР, ф. 1158, оп. 1, д. 124, л. 56).

¹⁰ С. М. Кравчинский мог быть знаком с Л. Варыньским, К. Длуским, А. Дробыш-Дробышевским, Б. Мовдшейном. В числе руководителей польского социалистического движения тех лет были также: К. и Ю. Плавинские, Л. Дзянковский, Ю. Узембло, Ст. Мендельсон.

¹¹ Польские земли, входившие в состав Пруссии и Австрии.

¹² Т. е. из России.

¹³ Дробыш-Дробышевский Алексей Алексеевич (1856—1920) вел пропаганду среди рабочих Киева и Петербурга. В 1874 г. был арестован, а в 1877 г. осужден по делу «193-х» (в наказание вменено предварительное заключение). В 1878 г. переехал в Варшаву, где вскоре был арестован и сослан на поселение в Восточную Сибирь.

¹⁴ Гласко Ян (1855—1881) — участник польского и русского революционного движения, в 1876 г. был студентом Медико-хирургической академии.

¹⁵ Варыньский Людвик (1856—1889) — польский социалист. Осенью 1875 г. исключен из Петербургского технологического института за участие в студенческих выступлениях и отправлен под надзор полиции на родину — в Киевскую губернию. Был одним из организаторов польского социалистического кружка в Киеве. Зимой 1880 г. проходил по Краковскому процессу «35-ти» социалистов, был оправдан и выслан в Швейцарию, где принял активное участие в издании польских социалистических журналов «Równość» («Равенство») и «Przedświt» («Рассвет»). В декабре 1881 г. возвратился в Варшаву и приступил к созданию социалистической рабочей партии «Пролетариат». В декабре 1885 г. по процессу «29-ти» приговорен к 16 годам каторги. Умер в Шлиссельбургской крепости.

¹⁶ Пласковицкая Филиппина (1847—1880) — польская социалистка, одна из первых пыталась перенести на польскую почву методы русских революционеров — народников. По делу «137-ми» сослана на поселение в Восточную Сибирь.

¹⁷ Лимаковский Болеслав (1835—1935). За участие в социалистическом движении в 1878 г. выслан австрийским правительством из Галиции, поселился в Швейцарии и вошел в польскую социалистическую группу «Równość» (Женева, 1879—1881 гг.). В 1881 г. основал в Швейцарии группу «Lud polski», положившую начало реформистскому течению в польском рабочем движении.

¹⁸ Врублевский Валерий (1836—1908) — деятель польского и международного революционного движения, Участник восстания 1863—1864 гг., генерал Парижской Коммуны, член Генерального Совета I Интернационала, близкий друг К. Маркса и Ф. Энгельса. В 1872 г. основал в Лондоне польское революционное общество «Lud polski», выступал сторонником русско-польского революционного союза. В 70-х годах установил контакты с русскими революционерами П. Л. Лавровым, П. Н. Ткачевым, а также с группой первых польских социалистов — интернационалистов.

¹⁹ Лавров Петр Лаврович (1823—1900) — русский революционер, философ, публицист, историк. Один из теоретиков русского революционного народничества. С 1870 г. — в эмиграции. Вступил в I Интернационал, был близко знаком с К. Марксом и Ф. Энгельсом. В 1873—1876 гг. издавал журнал и газету «Вперед!». Содействовал сближению первых польских социалистов с польской революционно-демократической эмиграцией, возглавляемой В. Врублевским.

²⁰ В конспекте главы С. М. Кравчинский несколько подробнее освещает деятельность петербургского кружка польских социалистов. ЦГАЛИ СССР, ф. 1158, оп. 1, д. 124, л. 39—42. Я. Гласко вначале посетил В. Врублевского и П. Л. Лаврова, находившихся в Лондоне, и лишь после этого направился во Львов к Б. Лимаковскому. Поездка Гласко состоялась в июне — июле 1876 г. ЦГАОР СССР, ф. 1377, д. 97, л. 95—99, 118, 120, 161.

²¹ Л. Варыньский и Л. Кобылянский.

²² Вместе с Л. Варыньским на один из варшавских заводов поступили работать в качестве рабочих Ст. Мендельсон и К. Длуский.

²³ С. М. Кравчинский имеет в виду отсутствие в Польше ярко выраженных предрасположений у беднейших слоев населения к интеллигенции.

²⁴ Среди избежавших ареста были Л. Варыньский, Ст. Мендельсон, К. Гильдт, К. Длуский, Ш. Дикштейн, Ю. Узембло.

²⁵ Для работы в Варшаве были вызваны: Ю. Плавинский (из Витебской губернии), А. Грабовский, П. Абрамович и Я. Гласко (из Петербурга).

²⁶ По-видимому, С. М. Кравчинский имеет в виду Зыгмунта Геринга (1854—1931). С 1874 по январь 1878 г. он обучался в Петербурге, принимал участие в организации социалистических кружков польской молодежи, пропаганде среди рабочих, распространении нелегальной литературы.

²⁷ Организация А. И. Венцовского, отличавшаяся, как отмечает в конспекте С. М. Кравчинский, «очень высокой централизацией» оформилась в ноябре — декабре 1878 г. В ее программе, наряду с «отречением от лавризма» и утверждением необходимости «агитации на местных интересах» (это положение народнических программ польские социалисты, учитывая особенности своего движения, связывали с организацией стачек, а не бунтов) было выдвинуто требование «политической народной независимости». ЦГАЛИ СССР, ф. 1158, оп. 1, д. 124, л. 50—51.

²⁸ В Польше впервые эти тенденции проявляются в программе организации «Lud polski», созданной З. Познаньским в Варшаве в 1880 г.

²⁹ Познаньский Зыгмунт (1857 — год смерти не установлен) в конце 70-х годов обучался в Петербургском университете, входил в революционный кружок польской молодежи. В 1879 г. — помощник присяжного поверенного Варшавской судебной палаты. Руководил сходками рабочих, снабжал их нелегальной литературой, читал лекции. Арестован в феврале 1880 г., сослан в Восточную Сибирь.

³⁰ Трауггутт Ромуальд (1826—1864) — один из руководителей польского восстания 1863—1864 гг.

³¹ Так называлась в период польского восстания 1863—1864 гг. партия землевладельческой шляхты и буржуазии.

³² Установить кто скрывается за этим пинцалом не удалось. В конспекте С. М. Кравчинского эту фамилию можно прочесть как Божевский или Боровский. Деятельность этого человека, руководившего организацией из 16 человек, Кравчинский определяет как попытку «завести, оторвать социалистов». ЦГАЛИ СССР, ф. 1158, оп. 1, д. 124, л. 52.

³³ В Варшаву выехали члены петербургской гмины польских социалистов Ф. Балицкий, К. Сосновский и З. Балицкий.

³⁴ Съезд представителей польских гмин Варшавы, Киева, Петербурга, Москвы и Вильно состоялся в Варшаве. На съезде обсуждались программные вопросы польского социалистического движения. В резолюции съезда подчеркивалась необходимость борьбы за экономические права рабочих. ЦГАЛИ СССР, ф. 1158, оп. 1, д. 124, л. 54.

³⁵ Им был Николай Александрович Морозов, арестованный при переходе через границу в Сувалкской губернии. При обыске у него обнаружили адреса К. Сосновского, З. Балицкого, М. Кутневского.

³⁶ Организацию предал один из членов варшавской гмины — Александр Родзевич, посетивший в начале 1881 г. петербургскую, московскую, киевскую и вилenskую гмины.

³⁷ В 1882 г. в Варшаве была создана партия «Пролетариат». В отличие от «Народной воли» она имела единый центр, руководивший кружками рабочих и военных. ЦГАЛИ СССР, ф. 1158, оп. 1, д. 124, л. 58.

³⁸ С сентября по декабрь 1883 г. вышло 4 номера.

³⁹ В октябре 1885 г. вышел последний — 11 — 12 номер.

⁴⁰ Четыре члена партии «Пролетариат» были казнены 28 января 1886 г.

⁴¹ На первом процессе по делу «Пролетариата» привлечлось более 190 человек.

⁴² Бардовский Петр Васильевич (1847—1886) — русский, оказывал значительное содействие партии «Пролетариат».

⁴³ Кунцикий Станислав (1861—1886) — польский социалист, деятель польского и русского революционного движения. В 1881 г. участвовал в деятельности петербургских революционных кружков; член «Народной воли» и «Пролетариата». С октября 1883 г., после ареста Л. Варынского, был руководителем партии.

⁴⁴ Петрусиньский Ян (1864—1886), ткач, в мае 1884 г. принимал участие в покушении на Гельшера, заподозренного в предательстве.

⁴⁵ Оссовский Михаил (1863—1886), сапожник, в июле 1884 г. участвовал в казни предателя Скржишчинского.

⁴⁶ Социалистические печатные органы, издававшиеся в 1879—1886 г. в эмиграции.

⁴⁷ Под этим названием в начале 80-х годов действовала входившая ранее в состав партии «Пролетариат» группа польских социалистов во главе с К. Пухевичем. Члены «Солидарности» отказались от политической борьбы с правительством и выдвигали на первый план чисто экономические требования.

Е. ЛЬВОВА, И. КОНЕВ

БОЛГАРСКАЯ ШКОЛА И «СВИШТОВСКИЙ ПЕРИОД» НИКОЛАЯ ПАВЛОВИЧА

В период болгарского Возрождения идет процесс активного преобразования национальной культуры на основе прогрессивных идей, возникших в русле болгарского национально-освободительного движения. Новые веяния коснулись и болгарской школы: она освобождается от религиозно-дидактической ограниченности, приобретает все более определенный светский характер, изменяются формы учебной практики, а цели самого школьного образования определяются теми значительными и актуальными задачами, которые стояли перед болгарским народом в годы его национального подъема.

Современная наука уже определила этапы развития новой болгарской школы, она уточнила вопрос и о ее программе, а также в значительной степени выяснила ту роль в становлении нации, которую сыграла болгарская школа. Отмечено и значение, которое в эпоху болгарского Возрождения приобрела русская прогрессивная общественность, оказавшая активную помощь и поддержку делу болгарского народного образования¹.

Рожденная новыми общественными условиями и идеями школа превращается в фактор культурно-национальной революции. Этот обновительный процесс становится более ощутимым с открытием Априловской гимназии в г. Габрово², и к середине прошлого века он охватывает почти все районы страны, где открываются и действуют школы взаимного обучения и училища; постепенно они превращаются в очаги нового, болгарского, национального просвещения.

Задача данной статьи — обратить внимание на неизвестные доселе страницы из истории учебной практики болгарского училища взаимного обучения в Великом Тырнове и Свиштове, на истоки творческой биографии крупнейшего болгарского художника эпохи Возрождения Николая Павловича, рисунки которого обнаружены в архивах видного русского ученого-слависта В. И. Григоровича, находящихся в Рукописном отделе Государственной библиотеки им. В. И. Ленина в Москве.

В детском рисунке, даже если он выполнен рукой будущего крупного художника, трудно (чаще всего — невозможно) увидеть факт сколько-нибудь важного историко-

¹ Б. П е н е в. История на новата българска литература, т. III. София, 1936; «История на българската литература», изд. на Института за литература при БАН, г. П. София, 1966; Н. Ч а к ъ р о в, Ж. А т а н а с о в. История на образованието и педагогическа мисъл в България. София, 1962.

² Кроме габровской гимназии имелись училища в Свиштове, Шумене, Ломе, Великом Тырнове, Пловдиве, Копривштице, Софии и многих других болгарских городах; по мере того, как разрастаются и укрепляются силы национально-освободительного движения в стране, все устойчивее становится процесс формирования нового болгарского просвещения, культуры и искусства.

культурного значения. Как правило, ученические наброски представляют узкоспециальный интерес, дополняют наши сведения об истоках творческой биографии того или иного мастера, хотя и в этом плане не следует преувеличивать их значения: ведь художник «начинается» все-таки не с них, не с первых робких шагов, не на уроках рисования в школе. И, однако, не случайно, детские опыты болгарского художника Николая Павловича и его соучеников привлекли наше внимание. По времени они совпадают с периодом, когда школа начинает приобретать подрастающее поколение к искусству. Это — весьма сложный, подсудный, лишенный каких-нибудь ярких проявлений процесс, поскольку осуществлялся он главным образом педагогическими усилиями скромных местных учителей, но, главное, он был исторически необходимым и чрезвычайно характерным для той эпохи, когда общество ощутило потребность в новом искусстве как средстве национального самосознания. О том, как в стенах болгарских школ появлялись первые ростки, предвещавшие ряд будущих успехов изобразительного искусства страны, сохранилось немного сведений.

Николай Павлович учился в одной из таких школ, и его рисунки дороги нам как памятник, свидетельствующий об опытах передовой болгарской педагогики, которой немалым обязано передовое болгарское искусство.

Прежде чем говорить об этих рисунках, несколько слов о том, благодаря чему они сохранились и почему попали в Москву. Эта история сама по себе небезынтересна, так как мы имеем дело с эпизодом болгаро-русских культурных связей, не говоря уже о том, что обнаруженные материалы позволяют представить ту атмосферу школы 40-х годов прошлого века, в которой произошла первая встреча Павловича с искусством.

В. И. Григорович, известный ученый-славист и активный поборник освобождения южнославянских народов, приехал в Болгарию с определенной научно-исследовательской задачей, которая имела и более широкий общественно-политический смысл. Его интересовали, в первую очередь, язык и быт болгар, памятники болгарской письменности и литературы (как старой, так и современной), болгарский песенный фольклор. Встреченный повсюду с любовью и уважением к его благородной мысли, Григорович смог осуществить свои основные начинания и задуманные планы благодаря помощи, которую он нашел на месте: обнаружил и собрал десятки рукописей и вновь изданных произведений болгарской литературы, которые своевременно отправил в Россию; записал или взял записи народных песен, сделанных болгарами, установил близкие связи с деятелями болгарского Возрождения, которые впоследствии информировали его о некоторых новых явлениях и тенденциях в национальном развитии болгарского народа. В архивах В. Григоровича сохранились интересные документы, говорящие о целях и результатах его путешествия. Некоторые его исследования опубликованы³.

Следуя программе своего путешествия, 10 июля 1845 г. Григорович прибыл в город Тырново с надеждой продолжить и здесь свою собирательную и исследовательскую деятельность. Однако пожар, который вспыхнул в городе, помешал ему. Григорович с глубоким сочувствием к его жителям сообщил в письме от 24 июля 1845 г. Лобачевскому: «Этот знаменитый в истории город нашел я в бедственном положении. За пять суток до моего приезда он сделался жертвой разорительного пожара. Двести лавок, столько же больших домов, несколько ганов, два греческих училища и множество мелких строений подверглись его разрушительному действию. Самым большим бедствием почтень можно совершенное оскудение новоучрежденного училища болгарского. Воздвигнутое усилием нескольких сострадательных кметов, едва преодолевших всегда для этого полагаемые препятствия, оно близко к своему уничтожению»⁴.

³ В. Григорович. Путешествие по Европейской Турции. Казань, 1847. См. также Ив. Шпшманов В. И. Григорович и неговото пътешествие в Европейска Турция (1844—1845) и неговите отношения към българите; е го же. Избрани съчинения, т. I. Българско възраждане. Студии. Под редакцията на Г. Димов. София, 1965.

⁴ Письмо В. И. Григоровича Николаю Ивановичу Лобачевскому, ректору Казанского университета. Бухарест, 20 X 1845. Рукописный отдел Государственной библиотеки им. В. И. Ленина, ф. № 86, п. III, ед. хр. 31.

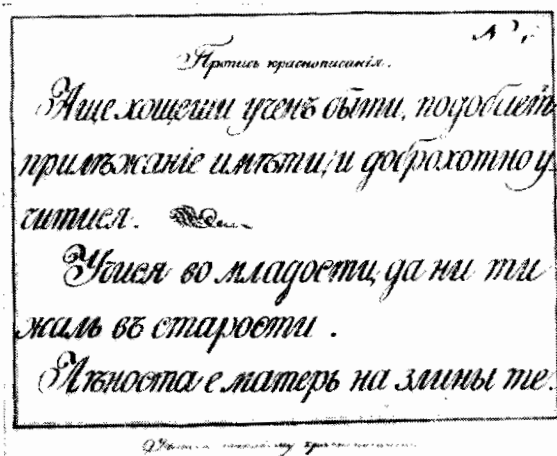

Рис. 1

е член и возраст» (Белград, 1835). Цель подобных упражнений чисто практическая: приучить детей к самостоятельному составлению деловых бумаг и пр.

Вторая группа упражнений имеет скорее общеобразовательный характер: избранные сентенции из сочинений древнегреческих и других философов, народные изречения, которые должны были привить детям любовь к труду, правде, наукам.

Особенно интересно упражнение, озаглавленное «Пропис краснописания» (рис. 1), так как это уже имеет прямое отношение к проблеме эстетического воспитания детей. Несколько слов в этой связи по истории вопроса.

Известно, что в 1837 г. Неофит Рильский издал специальное руководство по чистописанию, а следующее за ним руководство было издано в 1843 г. Петром Беровом. Позднее Емануил Васкидович и Георгий Владыкин, русский учитель в Свиштове, составили новое руководство по чистописанию, а К. Мустаков в 1861 г. напечатал свое «Чистописание». Ни одна из упомянутых книг-руководств по чистописанию не сохранилась до наших дней, и мы ничего не знаем конкретно о их содержании, теоретическом и практическом значении — т. е. о том, как сами авторы оценивали эту дисциплину. Это обстоятельство бесспорно повышает ценность сохранившихся в архивах В. Григоровича упражнений по чистописанию — оно является важной иллюстрацией самой практики учебного процесса в школе Христаки Павловича (см. образец на рис. 2). Собранные В. Григоровичем письменные работы учеников Свиштова и Тырнова имеют несомненно документальное значение для истории обоих училищ. С одной стороны, они обращают внимание на неисследованные или мало известные стороны имевшихся в этих училищах учебных программ, на практику, на роль письменных упражнений в учебном процессе, на преподавание чистописания, на степень овладения учениками новоболгарским языком и правописанием, на систему преподавания учебного материала детям восьми-деяти лет; они свидетельствуют также и о том, что учащиеся занимались логикой, географией, изучали священное писание, болгарскую и всеобщую историю, грамматику и др. С другой стороны, они характеризуют более полно светский характер программ в обоих училищах, особенно в сгоревшем тырновском, о котором даются и конкретные данные иного характера.

Значительный интерес для понимания болгарской художественной культуры эпохи национального Возрождения представляют рисунки болгарских детей, собранные В. Григоровичем в Свиштовском училище в 1845 г. Здесь внимание русского ученого привлекли те первые шаги в области эстетического воспитания и художественного об-

Когда Григорович несколько позже прибыл в Свиштов и встретился с болгарским просветителем, педагогом и книгоиздателем Христаки Павловичем, он проявил интерес к занятиям учеников и учебному процессу и взял с собой оттуда письменные упражнения и рисунки учащихся.

Несколько слов об этих письменных упражнениях. Их тексты, написанные детьми под диктовку, разнохарактерные по содержанию и учебному назначению. Сходные тексты Христаки Павловича поместил в своей книге «Письменный общепользен на секого еднороднаго ми българина от кой и да

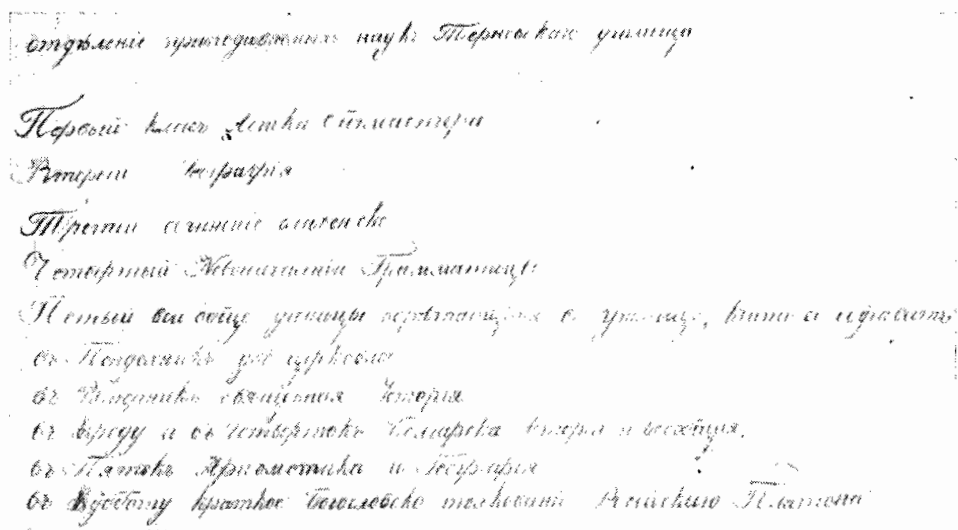

Рис. 2

разования, которые прививались в училище. Следует вспомнить, что в те годы, когда В. Григорович побывал в Болгарии, художников-педагогов в стране практически еще не было. Представители местных художественных школ — иконописцы, резчики по дереву, создатели настенных росписей в церквях и монастырях (а среди них были талантливые мастера-самоучки) из поколения в поколение передавали павыки своего ремесла, основанные на национальных традициях. Оторванное от общего процесса развития европейских художественных школ турецким завоеванием, задержанное в своем развитии, болгарское искусство нового времени лишь вступало на путь своего формирования. В. Григорович увидел первые ростки этого нового, реалистического миропонимания в рисунках тех, кому предстояло окончательно оставить средневековые догмы и каноны и вступить на путь светского искусства. Среди этих-то рисунков и находились рисунки Павловича, будущего классика болгарской живописи⁵.

Будущий художник рос в семье известного просветителя. Как указывает Н. Райнов, «Николай Павлович, родившийся в Свиштове 9 декабря 1835 г., происходил из патристической и культурной болгарской семьи. Его отец, Христати Павлович, который печатал учебники, был одним из образцовых учителей и считался одним из самых просвещенных болгар того времени. Мать Николая, Севаста Цанкова, дочь свиштовского торговца — Илли Цанкова, происходила из видного зажиточного и почитаемого рода. И она была хорошо воспитана и высоко образована для того времени»⁶. Как пишет Н. Д. Павлович, первоначальное образование он получил в училище взаимного обучения своего отца, а затем учился в так называемом Главном училище (с 1845

⁵ Художественное наследие Н. Павловича продолжает привлекать внимание болгарских исследователей. В статье «Неизвестен альбом на Николай Павлович» (опубликован в сб. «Известия на института за изобразителни изкуства», т. XI. София, 1968) В. Динова-Русева публикует Пловдивский альбом рисунков Н. Павловича и дает их анализ. Предположительная датировка рисунков — 1852—1858 гг. Интерес представляет также оценка творческого пути Н. Павловича и детских его лет, данная в своеобразной форме романа-истории жизни художника. См. Д. Тенев. Николай Павлович. София, 1970.

⁶ Н. Райнов. Творчество на Николай Павлович. Сб. «Научна сесия за възрожденския художник Николай Павлович». Изд. Института за изобразителни изкуства БАН. София, 1953, стр. 8.

*Рисованъ Ювеникъ
Алексей Георгиевичъ
Юниа 6^{та} Свищовъ.*

Рис. 3

нили турецкие власти и греки-фанариоты, вопреки существовавшим тогда правилам и канонам средневекового искусства, а также и законам магометанской религии, запрещавшей человеческие изображения, Г. Владыкин учил детей рисовать с натуры, учил рисовать человеческое лицо и обнаженную фигуру, античные головы и т. д. Само по себе подобное начинание было новым и смелым для болгарской школы тех лет ¹⁰.

Сравнительный анализ детских рисунков, их характер и особенности дают возможность предполагать, что они не являются первыми работами болгарских детей, но были одним из звеньев системы художественного обучения, введенного Г. Владыкиным в Свищтовском училище. Вероятно, до рисования фигур и голов (последние — с античных образцов) учитель ставил перед учащимися более простые задачи, постепенно усложняя их в процессе обучения.

Собрав эту коллекцию, В. Григорович сделал к ней замечания, а также кое-где записал имена учащихся. Все рисунки датированы различными месяцами 1845 г. и подписаны самими детьми. Изображения эти нескольких видов: голова юноши в фас (сделанные с натуры рисунки несколько варьируют изображение), обнаженная фигура мужчины, небольшие портретные изображения. Из подписей мы узнаем, что авторами их были: «Учитель сын Алексей Георгиевич» (рис. 3, 4; надпись сделана автором по-русски, очевидно, это сын Георгия Владыкина), «Ученик Георгий Стоянович» (рис. 5),

до 1849 г.) ⁷. Известно, что Павлович, подобно другим ученикам, учил здесь болгарскую грамматику, катехизис, болгарскую историю, географию, славянский и греческий языки, арифметику. Один из учителей — Георгий Владыкин (или Георги Казака, как звали его в Болгарии) ввел в Свищтовском училище «рисовальное искусство, свободные чертежи и человеческие фигуры» ⁸. Н. Мавродинов характеризует Г. Владыкина как «исключительно одаренного русского мастера» ⁹. Г. Владыкин, понав в Болгарию с войсками генерала Дибича и оставшись там постоянно, учительствовал в Свищтове более двадцати лет и многое сделал в деле эстетического воспитания детей в Свищтовском училище. Известно, что он был автором многих работ, созданных в Болгарии, но творчество его еще не изучено и сведения о них весьма случайны. Одно можно в настоящее время утверждать с полным основанием: именно Г. Владыкин был первым учителем рисования Павловича.

Трудностей перед Г. Владыкиным в начатом деле было множество: вопреки тем препятствиям, которые постоянно чи-

⁷ Н. Д. Павлович. Николай Павлович. Монография. София, 1955, стр. 37.

⁸ Ст. Ганчев. Свищтов. Принос за историята му. Свищтов, 1929, стр. 426.

⁹ Н. Мавродинов. Връзките между българското и руското изкуство. София, 1955, стр. 74.

¹⁰ Отметим, что В. Григорович имел возможность ознакомиться с работой других болгарских училищ. Однако именно в Свищтове он собрал коллекцию детских рисунков — возможно, он обратил внимание на преподавание рисования в Свищтовском училище как на новое явление в обучении.

Рис. 4

«Ученик Иоани Дмитриевич», «Ученик Гавриил Георгиевич», «Ученик Дмитрий Хри-
стакиевич» (рис. 6, 7; видимо, старший брат Н. Павловича) и, наконец, «ученик Ни-
кола Христакиевич» — Николай Павлович (рис. 8, 9). Все рисунки выполнены каранда-
шом на листах бумаги, размер которой почти одинаков (за исключением набросков
женских голов, которые выглядят более миниатюрными).

В рисунках со всей очевидностью проявляется индивидуальность юных художни-
ков: она сказывается в графической манере, в светотеневой лепке форм, в интересе
к выражению человеческого лица (ученики Алексей Георгиевич, Георгий Стоянович).
Ученик Георгий Стоянович рисует задрапированную фигуру мужчины с косой, стре-
мясь передать сложный характер движения, складки одежды и их объем; в рисунке
головы, выполненной с натуры учеником Алексеем Стояновичем, передана не только
индивидуальность, но и намечены черты характера, психологии натуры. Лицо юноши
в фас (задание, очевидно, данное всем ученикам одновременно) маленький Н. Павло-
вич рисует, тщательно очерчивая общую форму головы, прорисовывая нос, глаза, под-
бородок, завитки волос. Можно сказать, что он именно строит конструкцию челове-
ческого лица, голову, стремясь соотнести пропорции как можно точнее. При этом он
не пользуется светотенью, объемы не выделены, рисунок остается контурным; этот
линейный рисунок мы найдем и в работах других мастеров болгарского Возрождения —
в ранних работах Захария Зографа или Ст. Доспевского. Указанная работа Н. Павло-
вича подписана: «рисовал ученик Николи Христакив 5 марта Свиштов 1845». В другом
рисунке (подписан: «рисовал ученик Ник Хри юлия 1845 Свиштов») изображены две
мужские обнаженные фигуры. Обе в одном ракурсе; здесь решается задача еще более
сложная — построение человеческого тела с анатомической точностью, пропорциями
и движением. Десятилетний Павлович и здесь стремится к обобщенному силуэту фи-
гуры в первую очередь, но дает одной из фигур своеобразную трактовку — вкладывает

Рисованъ уединенъ Гюльеръ
Степановича въ Парижѣ 1858 г. августъ

Рис. 5

рисованъ уединенъ Гюльеръ Степановича
въ Парижѣ 1858 г. августъ

Рис. 6

рисованъ уединенъ Гюльеръ Степановича

Рис. 7

Рисованъ уединенъ Гюльеръ Степановича
въ Парижѣ 1858 г. августъ

Рис. 8

в руку мужчины тяжелый меч. Эта деталь, по-видимому, должна придать изображению воинственность, а движению поднятой руки — целеустремленность. Этот рисунок заставляет вспомнить о тех исторических картинах и литографиях, которые впоследствии создавал художник (ср. фигуру с мечом из Пловдивского альбома, опубликованного В. Дниовой-Русевой, стр. 109, лист XVI). Быть может, Г. Владыкин не только прививал своим юным ученикам первые навыки рисунка, но и рассказывал им об искусстве в России и на Западе? Не он ли заронил в сознание будущего художника Николая Павловича, получившего художественное образование в Вене и Мюнхене, глубокий интерес к России? Спустя несколько лет молодой живописец, ставший профессионалом, надолго отправится в Одессу, чтобы изучать все необходимое для его будущих исторических произведений на тему «Райна -- княгиня болгарская» русского писателя А. Вельмана. Наконец, представления о необходимости создания национальной художественной школы, которые со страстью художника и гражданина Н. Павлович изложит несколько лет спустя в своей известной брошюре — призыве к согражданам, — не были ли и они впервые навеяны юному художнику в детские годы в Свиштовском училище? Видимо, дальнейшие изыскания помогут более основательно ответить на эти вопросы.

рис. Жен. гилл. Эрн. Сурман
1840. Селширская

Рис. 9

ЛЮДИ, СОБЫТИЯ, ФАКТЫ

Ф. А. МОЛОК

«СОЮЗ ДРУЗЕЙ СССР» В ЧЕХОСЛОВАКИИ

29 апреля 1931 г. в Праге в рабочем районе Карлине состоялся учредительный съезд новой организации¹ друзей страны Советов — «Союза друзей СССР». На съезде было выбрано центральное руководство Союза, утвержден его устав и выдвинута задача направить все усилия новой организации на создание сети местных отделений по всей территории Чехословакии.

Председателем Союза был избран рабочий Войта Линка, исключенный из национально-социалистической партии за участие в поездке в Советский Союз в составе рабочей делегации и многократные выступления с правдивой информацией о жизни советских людей на рабочих собраниях в различных районах страны. Заместителем председателя стал рабочий Антонин Вавра, являвшийся членом национально-социалистической партии, также побывавший в Советском Союзе с рабочей делегацией в 1930 г. (позже он ушел из движения друзей СССР), секретарем — коммунист юрист Иван Секанина, который до этого в течение года возглавлял подготовительный комитет Союза.

В уставе организации подчеркивалось, что она не является политической и ставит перед собой задачу знакомить народы Чехословакии с хозяйственной и культурной жизнью Советского Союза путем проведения докладов, выставок, кинопросмотров, концертов, издания периодической печати, брошюр и книг². Предполагались также взаимный обмен изданиями, а также организация поездок активистов в Советский Союз³.

Союз принял участие в проведении антивоенного дня 1 августа, в ходе подготовки к которому в ряды Союза только за две недели вступило 1065 человек. Организация Союза участвовала в «Неделе защиты СССР» (1—8 ноября 1931 г.), приуроченной к празднованию 14-й годовщины Октября. 6 ноября 1931 г. в Праге, на Славянском острове, состоялся многоядный митинг, организованный Союзом совместно с «Обществом экономического и культурного сближения с СССР». На этом митинге выступили: от Союза В. Линка и от Общества Зд. Неудлы⁴. В день праздника Октября, 7 ноября 1931 г., по всей Чехословакии в ряды Союза вступило 437 человек. В те же дни в Москве гостила третья делегация Союза, в состав которой по предложению советских профсоюзов вошли рабочие — члены различных политических партий, выбранные на крупнейших заводах страны. Эта делегация побывала у М. И. Калининна, на шахтах Донбасса, на киевском заводе «Большевик»⁵.

20 января 1932 г. в состав руководства Союза вошел Б. Шмераль, председателем Союза вместо заболевшего В. Линки стал А. Вавра, заместителем — рабочий Ф. По-

¹ С 1925 г. в Чехословакии существовало «Общество экономического и культурного сближения с СССР». Подробнее о его деятельности см. Е. Д. Воробьева. Общество экономического и культурного сближения с новой Россией. 1925—1927 гг. «Советское славяноведение», 1968, № 2.

² J. Sedláček, J. Váňa. Pro zemi milovanou. Praha, 1960, s. 385.

³ Ibid.

⁴ Ibid., s. 145.

⁵ «Prátele nejevernejši». Praha, 1957, s. 41.

корный, член делегации, побывавшей в СССР, секретарем оставался И. Секаншна. Большим событием в жизни Союза стал I съезд, открывшийся в Праге 17 июля 1932 г. в Народном доме на Смшхове. В работе съезда участвовало 106 делегатов, представлявших 260 местных организаций, объединявших 14 800 человек⁶. На съезде с сообщением о деятельности Союза выступил Ф. Покорный; Б. Шмераль познакомил делегатов с международной обстановкой. Деятельность Союза подверглась всестороннему обсуждению. Союз критиковали за недостаточно энергичную работу среди отдельных групп рабочего класса, в частности, среди рабочих социал-демократов, национальных социалистов и беспартийных. Отмечалась необходимость разнообразить формы деятельности Союза: шире использовать коллективное чтение газет и книг о Советском Союзе, организовывать систематическое прослушивание передач Московского радио на чешском и словацком языках, создавать кружки по изучению русского языка, советской песни и музыки⁷. Съезд тепло приветствовали представители многих прогрессивных организаций, поэт Галас, литературный критик Зденек Штолл, коммунист-публицист Курт Конрад и другие⁸.

Атмосфера, царившая на съезде, единство рабочего класса, ярко прозвучавшее в выступлениях ораторов, принадлежавших к разным политическим партиям, — нашла свое отражение в статье Б. Шмералья⁹.

Союз вместе с «Обществом экономического и культурного сближения с СССР» и другими прогрессивными организациями развернул работу по подготовке празднования 15-й годовщины Октября в Чехословакии.

К концу 1932 г. политическая обстановка в стране обострилась. С еще большим ожесточением полиция стала преследовать прогрессивные организации. Деятельность Союза с 12 октября 1932 г. была запрещена на территории Чехии, а несколько дней спустя — и Словакии. Это вызвало мощную волну протеста. В адрес чехословацкого правительства поступали сотни телеграмм от рабочих коллективов, на ряде заводов были проведены кратковременные забастовки протеста, коммунисты — депутаты в парламенте обратились с запросами к правительству¹⁰.

Деятельность Союза возобновилась после установления дипломатических отношений между Чехословакией и СССР.

14 октября 1934 г. в Праге в кафе «Меркур» состоялось собрание представителей организаций Союза, на нем было выбрано новое руководство Союза во главе с известным деятелем рабочего движения коммунистом Богуславом Врбенским. Создавались местные организации Союза. Секретарь Союза инженер И. Котятко писал: «„Союз друзей СССР“ в Чехословакии быстро идет вперед. Мы уже приняли пять тысяч человек и создаем вторую сотню первичных групп Союза. В состав пражской организации Союза входило больше двух тысяч человек, в промышленных центрах: Брно, Моравская Острава, Братислава в организациях Союза состояло больше 200 человек»¹¹. Союз проводил публичные собрания с докладами: «Сущность советской государственной политики», «Жизнь советской молодежи», «Советский театр», «Положение женщин в Советском Союзе», разъяснял населению важность договора между Чехословакией и Советским Союзом о взаимопомощи для сохранения независимости Чехословакии и мира в Европе.

С большим успехом прошел II съезд Союза, открывшийся в Праге 27 октября 1935 г. На нем присутствовало 170 делегатов, представлявших 217 первичных организаций с 20 000 индивидуальных членов, 71 коллективную организацию — членов Союза; всего в Союз входило 200 000 человек¹². В связи с 18-й годовщиной Октября

⁶ J. Sedláček, J. Vávra. Ibid., s. 173.

⁷ Ibid., s. 173.

⁸ Ibid.

⁹ «Rudé právo», 17 VII 1932.

¹⁰ «Ruku v Ruce», Praha—Bratislava, 1967, s. 62; J. Sedláček, J. Vávra. Ibid., s. 196—198.

¹¹ J. Sedláček, J. Vávra. Ibid., s. 231.

¹² Ibid., s. 233.

ской революции с 26 октября по 3 ноября была проведена неделя чехословацко-советской дружбы, которая закончилась конгрессом дружбы с Советским Союзом. В рамках этого важнейшего мероприятия проводились вечера, посвященные советской культуре, организовывались выставки и просмотры советских кинофильмов, в концертных залах исполнялись произведения советской музыки¹³.

Наибольшего подъема деятельность Союза достигла ко времени III съезда, к концу ноября 1936 г. За период между II и III съездами Союза было проведено 3500 мероприятий, в которых участвовало более 300 000 человек.

На III съезде «Союза друзей СССР» с докладами выступили Б. Врбенский, П. Котятко, В. Давид, И. Галек и другие, всего 30 человек¹⁴. Вместе с «Обществом экономического и культурного сближения с СССР» Союз с самого начала 1937 г. проводил большую работу по подготовке празднования 20-летия Октябрьской социалистической революции. 20 января 1937 г. обе организации устроили в Праге выставку «Советский Союз живет и строит», которая затем демонстрировалась и в ряде других городов Чехословакии¹⁵.

Одним из значительных проявлений дружбы народов Чехословакии к СССР явилась кампания по сбору подписей в «Золотой книге», в ходе которой было собрано 250 000 подписей различных организаций и отдельных лиц; эта книга 7 ноября 1937 г. была вручена чехословацкой рабочей делегацией М. И. Калинину в Кремле.

В марте 1939 г. видным деятелем Союза В. Бореком был издан сборник «Документы об отношении СССР к Чехословакии». В этот сборник вошли речи М. М. Литвинова на заседаниях Лиги Наций 21 и 22 сентября 1938 г., в которых Советское правительство предлагало принять действенные меры, чтобы не допустить гитлеровской агрессии.

После оккупации Чехии и Моравии гитлеровскими захватчиками власти протектората запретили деятельность Союза. В годы второй мировой войны многие активисты Союза сражались за освобождение Чехословакии в подполье на родине и в Советском Союзе.

С освобождением Чехословакии от гитлеровских захватчиков деятельность Союза приобрела истинно огромный размах. Символично, что в февральские дни 1948 г., когда трудящиеся Чехословакии нанесли удар реакционным силам, обе организации друзей Советского Союза — «Общество экономического и культурного сближения с СССР» и «Союз друзей СССР», по предложению компартии, объединились в единую массовую организацию «Союз чехословацко-советской дружбы». Союз играет важную роль в развитии и укреплении дружбы между братскими народами. «Союз чехословацко-советской дружбы» стал верным помощником коммунистической партии в строительстве социализма.

В настоящее время «Союз чехословацко-советской дружбы» проводит большую работу по укреплению дружбы между чехословацким и советским народами, помня слова первого рабочего-президента Чехословакии К. Готвальда «С Советским Союзом на вечные времена».

¹³ Ibid., s. 242—243.

¹⁴ Ibid., s. 257.

¹⁵ Ibid., s. 263.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

СОСТОЯНИЕ ИССЛЕДОВАНИЙ ПО ИСТОРИИ ТЕКСТИЛЬНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ В ПОЛЬШЕ

История польской текстильной промышленности — это, главным образом, история Лодзинского промышленного округа. Текстильное производство развивалось на территории Великой Польши, Любушской земли, Нижней Силезии, в районе Бельско-Бялой и Андрыхова, однако главным центром стала Лодзь с ее окрестностями, сохранившая до настоящего времени ведущее положение. По этой причине внимание значительной части исследователей было сосредоточено именно на Лодзинском округе в ущерб изучению других центров. Как историков, так и экономистов интересовали темпы развития текстильной промышленности в округе, присущая только ему эволюция форм производства, сложный процесс формирования рабочего класса. Слабее всего изучены текстильные районы, входившие в период разделов в состав Австрии и Пруссии, так как они не играли существенной роли в экономике этих государств.

Исследования по экономике и истории Лодзинского промышленного округа нередко служили обоснованием различных политических направлений. Большой интерес к истории этого округа проявили немецкие буржуазные историки. Почти все они преувеличивали значение немецкого элемента, приписывая ему решающую роль в создании капиталистической промышленности в Королевстве Польском¹.

Подобную точку зрения разделяли многие буржуазные польские и русские

историкки. Накануне и в период второй мировой войны к этой точке зрения обратились, развивая ее в духе немецкого национализма, историки, часто непосредственно связанные с гитлеровским движением. Тенденциозно оперируя фактами, они подготавливали обоснование нападения гитлеровской Германии на Польшу².

Первые польские работы по истории промышленности, в том числе и текстильной, появились на рубеже XIX—XX вв., и авторами их были экономисты, а не историки. История промышленного производства рассматривалась в них с позиций буржуазного объективизма; сказывалось и влияние немецкой историографии. Даже С. Копутский, близкий к рабочему движению, собрав огромный фактографический материал, не сумел противостоять концепциям, выдвинутым буржуазной историографией³.

Много внимания истории текстильной промышленности уделял экономист Г. Радзишевский, рассматривавший ее с позиций националистического консерватизма⁴. Положения Радзишевского и

¹ G. Schmoller. Die Entwicklung und Krisis der Deutschen Weberei in 19 Jahrhundert, Berlin, 1873; A. Scholz. Die Baumwollindustrie des Lodzer Industrierayons 1813—1903, München, 1904; K. Schweikert. Die Baumwoll-Industrie Russische Polens. Ihre Entwicklung zum Grossbetrieb und die Lage der Arbeiter, Zürich-Leipzig, 1913; См. так же Jubiläumschrift der Lodzer Zeitung 1863—1913, Łódź, 1913; F. Bielschowsky. Die Textilindustrie des Lodzer Rayons. Ihre Werden und ihre Bedeutung, Leipzig, 1912.

² A. Breuer. Deutsche Tuchmachereiwanderung in den Ostmitteleuropäische Raum von 1550 bis 1830. Ostdeutsche Forschungen, Leipzig, 1941; E. O. Kossmann. Die deutschrechtliche Siedlung in Polen, Leipzig, 1937; E. Kunitzer. Der Vater der Stadt Pabianitz. Gottlieb Krusche und seine Nachfolger. Deutsche Gestalter und Ordner im Osten, Leipzig, 1942; E. Küss. Pabianitz. Geschichte des Deutschtums einer mittel polnischen Stadt und ihrer Umgebung, Poznań, 1939.

³ S. Koszutski. Rozwój ekonomiczny Królestwa Polskiego w ostatnim trzydziestoleciu (1870—1900), Warszawa, 1905.

⁴ H. Radziszewski. Zarys rozwoju przemysłu w Królestwie Polskim, «W naszych sprawach», t. II, Warszawa, 1900; его же. Bank Polski, Warszawa, 1905.

других менее значительных исследователей о «чужеродности промышленности» в Королевстве Польском неожиданно были довольно быстро восприняты и использованы польской буржуазией.

Этим вопросом занималась и Р. Люксембург. В ее работе были использованы статистические публикации и очень еще немногочисленные и довольно поверхностные работы по истории промышленности в Польше. Ошибочная методология и недостаточная исследовательская база привели Р. Люксембург к утверждению, что «мануфактура в Польше, так же как ранее городское ремесло, в своей окончательной форме были чуждым, привнесенным извне образованием, не являющимся чем-то самобытным в экономическом развитии Польши ни в технической, ни в общественных областях. Собственно единственным положительным фактором в развитии мануфактуры была инициатива правительства»⁵. Достоинство работы Люксембург состояло в том, что в ней впервые исследовалась не только технико-экономическая сторона развития промышленности, но и общественно-политическая проблематика.

Большое внимание на последующие исследования по истории текстильной промышленности в Королевстве Польском оказала работа русского экономиста И. И. Янжула⁶. Несмотря на видимость объективности, которую старался придать ей автор, эта работа была тенденциозной; она была написана с явной целью принести пользу российским промышленникам, для которых очень невыгодна была конкуренция промышленности Королевства Польского. Подобные взгляды развивал Б. Ф. Брандт и К. Г. Вобльи⁷. Концепция И. И. Янжула и Р. Люксембург вызвала возражения со стороны Л. Яновича, члена Великого Пролетариата. В работе, которая была опубликована после его трагической смерти⁸, он очень убедительно доказал, что в Польше промышленные традиции существовали еще до разделов страны,

что значение российского рынка для нее не было столь большим, каким его представляли И. И. Янжул и Р. Люксембург.

В 1907 г. появилась работа С. Смольки о деятельности Ф. К. Любецкого на посту министра финансов. Эта работа представляет собой апологию деятельности Любецкого как инициатора и организатора начинаний по индустриализации Королевства Польского, и одновременно восхваляет протекционистскую политику правительства⁹.

После восстановления независимости Польши появились работы Н. Гонсёровской-Грабовской. Первая часть ее исследования по истории промышленности в Королевстве Польском, опубликованная еще в годы войны, посвящена истории фабричных секций в 1824—1835 гг. В ней на фоне политических, экономических и общественных изменений дается анализ организации и деятельности такого института как фабричные секции, выступающие в качестве инициатора и покровителя возникающей промышленности. Во второй части Н. Гонсёровская-Грабовская проанализировала колониационную политику правительства Королевства Польского, протекционизм властей и развитие промышленности в частновладельческих городах. Довольно широко проблемы текстильной промышленности были рассмотрены в работе «Польша в переломный период экономического развития (1764—1830 гг.)»¹⁰.

Создание в 1926 г. Архива древних актов в Лодзи, в 1927 г.— Лодзинского отделения Польского исторического общества и в 1928 г.— Польского народного университета в Лодзи способствовало развитию местных исследований по истории текстильной промышленности. Эта проблематика изучалась в семинаре экономической истории Народного университета, которым руководила профессор Н. Гонсёровская-Грабовская¹¹,

⁹ St. Smolka. *Polityka Lubeckiego przed powstaniem listopadowym*, Kraków, 1907.

¹⁰ N. Gąsiorowska-Grabowska. *Z dziejów przemysłu w Królestwie Kongresowym. 1. Sekcje fabryczne 1824—1835*. «*Ekonomista*», R. 16, t. 1—2, s. 185—250, Warszawa, 1916; е е ж е. *Z dziejów przemysłu w Królestwie Polskim. 2. Osadnictwo fabryczne*, «*Ekonomista*», R. 22, t. 1—2, s. 1—40, 111—151; е е ж е. *Polska na przełomie życia gospodarczego (1764—1830)*, Warszawa, 1922.

¹¹ В этом семинаре были написаны в числе других следующие работы: А. Рунковска. *Przemysł lniany w Łodzi w dobie Królestwa Kongresowego (1824—1832)*. «*Rocznik Oddziału Łódzkiego Polskiego Towarzystwa Historycznego*», t. III, 1929, s. 65—107; J.

⁵ R. Luksenburg. *Rozwój przemysłu w Polsce*, Warszawa, 1957, s. 13, впервые опубликована в 1898 г. в Лейпциге: «*Die industrielle Entwicklung Polens*».

⁶ И. И. Янжул. *Очерк исторического развития фабрично-заводской промышленности в Царстве Польском*, М., 1887.

⁷ Б. Ф. Брандт. *Иностранные капиталы, их влияние на экономическое развитие страны*, т. I—III, СПб, 1898—1901; К. Г. Вобльи. *Очерки по истории польской фабричной промышленности*, т. I, Киев, 1909.

⁸ L. Janowicz. *Zarys rozwoju przemysłu w Królestwie Polskim*, Warszawa, 1907.

а также архивистами и учеными других научных центров¹². В этой разнородной в политическом отношении среде преобладали буржуазно-демократические взгляды¹³.

Значительный интерес к истории текстильной промышленности проявили сотрудники Высшей торговой школы в Варшаве. В семинарах общественной политики, руководимых профессорами Л. Кшивицким и К. Кречковским, писались магистерские и докторские работы на эту тему. Некоторые из этих исследований были опубликованы в специальном издании¹⁴. Из них следует отметить работы В. Шпелелецкого, Т. Чайковского и Курочиньского, посвященные различным аспектам домашнего производства.

В межвоенный период появилась также небольшая работа И. Жулгашека «Кустарная ткацкая промышленность в Лодзинском округе»¹⁵. Экономист С. А. Кемпнер в синеетическом труде по экономической истории Польши не избежал ошибок своих предшественников¹⁶. Но в оценке роли восточных рынков и протекционистской политики Кемпнер при-

держивался взглядов Яновича. М. Айзен опубликовал монографию, в которой развитие промышленности в Королевстве Польском рассматривал в контексте оценки экономической политики Любецкого¹⁷.

В польской историографии этого периода, несмотря на значительно возросшее по сравнению с предыдущим периодом количество публикаций, не удается отметить ни новых методологических концепций, ни новых положений. Почти все работы только развивают концепции предшественников или обогащают их новыми фактами. Новым в этот период является растущая заинтересованность историей рабочего движения и общественными проблемами. Деятели ППС Э. Айненкель опубликовал статью «Первый бунт лодзинских рабочих»¹⁸. А. Прухник, тоже деятель ППС, публикует в 1932 г., довольно большую работу «Лодзинский бунт 1892 года». Проблематикой рабочего и забастовочного движения занимается М. Мелох, один из немногих численных тогда в Польше! знатоков марксистской историографии, руководитель варшавского кружка историков марксизма, сочувствующий КПП. Мелох рассматривает общественные движения в тесной связи с национально-освободительным движением, не отказываясь от полемики с часто встречающимся и в исторических работах утверждением о национальной солидарности¹⁹.

К работам, посвященным рабочему вопросу, которые до настоящего времени сохранили большую ценность, следует отнести труд Э. Босса «Рабочий вопрос в Королевстве Польском в период правления Паскевича 1831—1855» (Варшава, 1931). К работам, не имеющим большой научной ценности, относится лишенная научного аппарата работа А. Вуйцицкого²⁰.

В Советском Союзе вышли работы Б. Будкевич²¹ и Э. Пишбышевского,

¹⁷ М. А j z e n. Polityka gospodarcza Lubeckiego (1821—1830), Warszawa, 1932.

¹⁸ Е. А j n e n k i e l. Pierwszy bunt robotników łódzkich w roku 1861, «Rocznik Łódzki», t. II, 1931, s. 367—387.

¹⁹ М. М e l o c h. Strajk w Warszawie w 1824 r., «Przegląd Historyczny», 1935, t. XXXIII; Z dziejów ruchu robotniczego w połowie w. XIX w Królestwie Polskim, «Roczniki Dziejów Społecznych i Gospodarczych», 1939, t. VIII, z. 1; Ruch strajkowy w Królestwie Polskim w latach 1870—1886, «Przegląd Socjologiczny», 1937, t. V.

²⁰ А. W ó j c i c k i. Dziej robotników przemysłowych w Polsce, Warszawa, 1929.

²¹ В. Б u d k i e w i c z o w a. Ruch robotniczy w Królestwie Polskim w latach 1870—1890, Mińsk, 1934.

S t a r z e w s k i. Początki przemysłu lnianego w Łodzi — przyczynek do rozwoju miasta. «Rocznik Łódzki», t. II, 1931, s. 261—277.

¹² А. В a c h u l s k i. Pierwsza przędzalnia bawełny w Łodzi Chrystiana Fryderyka Wednisha. «Rocznik Łódzki», t. II, 1931, s. 279—291; М. К о м а r. Powstanie i rozwój zakładów przemysłowych Ludwika Geyera 1828—1847. «Rocznik Łódzki», t. III, 1933, s. 187—268.

¹³ В работах Ф. Фридмана (Zydy w łódzkim przemyśle w pierwszych stadiach jego rozwoju. «Rocznik Łódzki», t. II, 1931, s. 319—365; Dzieje Żydów w Łodzi od początków osadnictwa Żydów do 1863 r. Stosunki ludnościowe, życie gospodarcze, stosunki społeczne, Łódź, 1935; Rola Żydów w rozwoju łódzkiego przemysłu włókienniczego, «Miesięcznik Żydowski», Warszawa, 1931) проследивается точка зрения еврейского национализма, когда вопреки очевидным фактам на первый план выдвигаются элементы еврейского солидаризма, нивелирующего разделение на классы, когда, с другой стороны, подчеркиваются исключительные, по мнению автора, черты характера евреев, способствующие успехам их деятельности в области экономики.

¹⁴ «Drobny przemysł i chałupnictwo», t. I—II, Warszawa, 1931.

¹⁵ J. Z ó ł t a s z e k. Chałupniczy przemysł tkacki w okręgu łódzkim, «Ekonomista», 1928, № 1, s. 105—140.

¹⁶ S. А. К e m p n e r. Dziej gospodarcze Polski porozbiorowej w zarysie, Warszawa, 1920; ег о ж е. Dziej gospodarcze Polski od rozbiorów do niepodległości, Warszawa, 1924.

писавшего под псевдонимом Ч. Яспньский²², в которых сложная проблематика рабочего и национального движения в Королевстве Польском рассматривалась с марксистской точки зрения. Накануне второй мировой войны по-новому осветил проблематику так называемой войны промышленников Лодзи и Москвы советский историк У. А. Шустер²³.

Вторая мировая война прервала начинавшиеся плановые исследования по истории польской текстильной промышленности²⁴. Некоторые уже почти готовые научные работы большой важности были опубликованы лишь через несколько лет после окончания войны. Например, работа А. Ружаньского, молодого историка-экономиста, убитого гитлеровцами, о количестве немецких иммигрантов, приезжающих в Королевство Польское²⁵, А. Рынковской об экономической деятельности властей в Королевстве Польском²⁶.

В народной Польше исследования по истории промышленности и рабочего класса получили широкое развитие. Этому особенно благоприятствовал тот факт, что хозяйственная документация промышленных предприятий в результате национализации была передана в ведение государственных архивов и стала доступна исследователям. Развитию исследований по истории текстильной промышленности способствовало открытие именно в Лодзи — главного центра этой промышленности — Университета и создание в нем кафедры всемирной и польской общественно-политической ис-

тории. Руководителем кафедры стала профессор Н. Гонсёровская-Грабовская. По ее инициативе были сделаны первые шаги в области практического применения марксистской методологии и организации широко задуманных комплексных и плановых коллективных исследований. В 1953 г. на научной конференции историков во время Всепольского съезда Польского исторического общества в Сталинограде (Катовицах) с программными докладами выступили Н. Гонсёровская-Грабовская и Г. Миссалова. Гонсёровская-Грабовская говорила о методологических принципах, а Г. Миссалова — о состоянии и проблематике исследований²⁷. Позже Миссалова еще не раз высказывалась по вопросу о методе и программе исследований²⁸.

С 1955 г. появилась серия монографических исследований и документальных публикаций по истории текстильной промышленности. Прежде всего здесь следует назвать четырехтомную публикацию документов «Материалы по истории городов, промышленности и рабочего класса Лодзинского округа»²⁹.

²² N. Gąsiorowska-Grabowska. Założenia metodologiczne badań nad początkami dziejów przemysłu kapitalistycznego i klasy robotniczej na terenie Łodzi i okręgu łódzkiego w latach 1820—1864. «Przegląd Nauk Historycznych i Społecznych», t. V, Łódź, 1955, s. 9—42; G. M i s s a l o w a. Stan i problematyka badań w zakresie kształtowania się układu kapitalistycznego oraz klasy robotniczej w przemyśle włókienniczym okręgu łódzkiego. Ibid., s. 43—98.

²³ G. M i s s a l o w a. Przewrót przemysłowy w przemyśle włókienniczym Królestwa Polskiego. Pamiętnik VIII Powszechnego Zjazdu Historyków Polskich w Krakowie. Referaty, cz. 2, Warszawa, 1958, s. 451—465; е е ж е. Powstanie okręgu przemysłowego łódzkiego i klasy robotniczej Łodzi w świetle najnowszych badań historycznych. Łódź jako przedmiot badań naukowych, Łódź, 1964, s. 47—74; е е ж е. Zakłady przemysłowe w Polsce XIX i XX wieku. «Studia i Materiały», Warszawa, 1967, s. 84—97. Проблемой промышленного переворота в текстильной промышленности занялся также: J. Ł u k a s z e w i c z. Przewrót techniczny w przemyśle Królestwa Polskiego 1852—1886, Warszawa, 1963.

²⁴ Materiały do historii miast przemysłu i klasy robotniczej w okręgu łódzkim. Red. N. Gąsiorowska-Grabowska. T. I—IV, Warszawa, 1957—1960. Рецензию см. В. К. Я ц у н с к и й. Материалы по истории городов, промышленности и рабочего класса Лодзинского округа. «Исторический архив», 1958, № 2, стр. 229—232. Под ред. Н. Гонсёровской-Грабовской изданы также: Źródła do

²² Cz. J a s i ń s k i. Ruch narodowy i robotniczy w 1860 r., Moskwa, 1931.

²³ У. А. Ш у с т е р. Экономическая борьба Москвы с Лодью. «Исторические записки», т. 5, Москва, 1939.

²⁴ Z. L o r e n t z. Łódź i okręg łódzki jako przedmiot badań historycznych. «Rocznik Oddziału Łódzkiego Polskiego Towarzystwa Historycznego», t. III, Łódź, 1939, s. 14—15; е г о ж е. Trzy raporty Rajmunda Rembielińskiego, prezesa Komisji województwa mazowieckiego z objazdu obwodu łęczyckiego w roku 1820. Ibid., t. I, 1928, s. 43—48; е г о ж е. Raport prezesa Komisji wojewódzkiej mazowieckiej o stanie przemysłu włókienniczego w roku 1828. Ibid., t. II, 1929—1930, s. 173—189 + aneksy; K. K o n a r s k i. Stanisław Staszic w Łodzi w roku 1825. «Rocznik Łódzki», t. I, 1928, s. 179—189.

²⁵ A. R ó ż a ń s k i. Próba określenia liczby imigrantów niemieckich na teren Królestwa Polskiego. «Roczniki Dziejów Społecznych i Gospodarczych», t. X, Łódź, 1948, s. 185—201.

²⁶ A. R y n k o w s k a. Działalność gospodarcza władz Królestwa Polskiego na terenie Łodzi przemysłowej w l. 1824—1831, Łódź, 1951.

Результатом многочисленных исследований явился синтетический трехтомный труд по истории текстильной промышленности Г. Миссалоу³⁰. В первом томе, имеющем подзаголовок «Промышленность», автор конкретизировала выраженную ранее в отдельных статьях оценку буржуазной и немецкой фашистской историографии и роли иностранного элемента; она впервые в польской историографии осуществила анализ развития капиталистической промышленности, руководствуясь марксистско-ленинской теорией, отчетливо выделяя три стадии развития капитализма: мелкотоварное производство, мануфактуры и фабрики. Обращение к материалам различных архивов в Польше и за границей (ГДР, Чехословакия и СССР), привлечение богатого статистического материала (более 130 таблиц) позволили Г. Миссалоу обосновать документально все ее выводы.

При написании второго тома «Рабочий класс» — были использованы акты гражданского состояния, книги переписи населения, описания городов, списки фабричных работников и другой статистический материал, позволивший автору пересмотреть устоявшееся мнение о происхождении и составе рабочего класса Лодзинского промышленного округа. В работе осуществлен также анализ структуры лодзинского пролетариата по профессиональному, национальному и религиозному признакам. В результате исследования автор пришла к выводу, что эксплуатация пролетариата в рассматриваемое время была доведена до уровня, угрожающего биологическим основам его существования. Третий том — «Буржуазия и капитал» — находится в печати.

Интересные работы, затрагивающие вопросы текстильной промышленности, опубликовал И. Игнатович. В статье о роли иностранного капитала он высказал любопытное соображение, что «отсутствие следов интенсивной деятельности иностранного капитала на территории Лодзи в те годы (1860—1880 гг.) несомненно было следствием того, что этот капитал совсем не был заинтересован в подчинении себе лодзинского капитала», что внутренние связи были слишком слабы и немногочисленны и одновременно «быстрый темп накопления представлял в изобилии собственные денежные средства и не давал возможности иностранному кредиту играть важную роль»³¹. Вторая работа

dziejów rewolucji 1905—1907 w okręgu łódzkim, t. I—II, Warszawa, 1957—1964.

³⁰ G. Missalowa. Studia nad powstaniem łódzkiego okręgu przemysłowego 1815—1830, t. I, Łódź, 1964, t. II, 1967.

³¹ I. Ichnatowicz. Z badań nad kapitałem obcym w przemyśle łódzkim

Игнатовича посвящена возникновению и развитию фабричных контор. Это первая попытка рассмотреть роль и значение фабричных контор в организующем и уже функционирующем капиталистическом предприятии. Автор приходит к выводу, что возникновение и существование фабричных контор фабрикант признавал необходимым лишь постольку, поскольку это позволяло обеспечить или увеличить прибыль предприятия. Определяющим фактором направления развития промышленной конторы Игнатович считал связи данного предприятия с рынком и его экономическую структуру, а не техническое состояние. Организованы были конторы по иностранным образцам³². Игнатович предпринял также попытку синтетического рассмотрения лодзинской промышленности в период развитого капитализма и начала империализма³³.

Экономист З. Й. Малецкий в двух монографиях³⁴ попытался рассмотреть протекционистскую политику правительства Королевства Польского и источники капитала в лодзинской текстильной промышленности. Ограниченная документальная база и обращение в основном к устаревшей литературе были причиной того, что автор не сумел пересмотреть укоренившуюся точку зрения об искусственном развитии Лодзинского округа. Экономический интервенционизм государства в текстильной промышленности стал объектом исследования Р. Гавиньского. Оценивая последствия интервенционизма, автор различает последствия

w latach 1860—1880, «Kwartalnik Historyczny», 1956, № 4—5, s. 245—254; e r o ж е. Z badań nad kapitałem łódzkim na Kaukazie na przełomie XIX i XX wieku. «Przegląd Historyczny», 1963, № 4, s. 592—610. Проблемы иностранного капитала в текстильной промышленности касался также W. Michowicz. Afera żyrdardowska z 1934 r. Przyczynę do działalności kapitału francuskiego w Polsce. «Zeszyty Naukowe Uniwersytetu Łódzkiego», S. 1, z. 21, 1961, s. 155—170.

³² I. Ichnatowicz. Historia kancelarii przemysłowej w okręgu łódzkim, Wrocław, 1967. Интересную рецензию на эту работу написал В. Pełka. «Rocznik Łódzki», t. XIV, 1970, s. 406—408.

³³ I. Ichnatowicz. Przemysł łódzki w latach 1860—1900, Wrocław, 1965.

³⁴ Z. J. Małeckie. Metody i formy pomocy finansowej władz Królestwa Polskiego dla powstającego przemysłu łódzkiego. Lata 1820—1870, Zeszyty Naukowe Wyższej Szkoły Ekonomicznej w Łodzi. Monografie i opracowania, 2. Łódź, 1960; e r o ж е. Studia nad zagadnieniem kapitałów w łódzkim przemyśle włókienniczym, Łódź, 1963.

предусмотренные (восстановление и развитие промышленности, создание отечественной сырьевой базы, рационализация сбыта и производства, частичное увеличение экономической независимости страны в обеспечении промышленности сырьем) и непреходящие, среди которых главным считает развитие эта-тизма³⁵.

В области синтетической истории текстильной промышленности историков опередил экономист. В 1958 г. появилась работа К. Байера³⁶. Автор не учел новых взглядов на генезис Лодзинского промышленного округа, и, опираясь в основном на устаревшую литературу, осуществил эклектический и устаревший уже в самый момент создания синтез. Положительным в работе является обращение автора, кроме Лодзи, к таким центрам, как Бельско-Бяла, Андрыхов и Белосток. По Белостокскому центру в последнее время опубликованы монографические исследования; этот центр принадлежит к числу наиболее изученных, после Лодзинского округа, в масштабе ПНР³⁷.

Менее значительным районам текстильной промышленности не было до сих пор уделено достаточного внимания. О текстильной промышленности в Бельском районе писал Ф. Терневский, в Нижней Силезии — В. Русиньский. А. Галос, Б. Радляк, в Поморье — А. Велёпольский, в Ченстохове — Б. Пучиньский³⁸. Историей текстильной про-

³⁵ R. G a w i ń s k i. Interwencjonizm gospodarczy w polskim przemyśle włókienniczym 1918—1939, Łódź, 1966.

³⁶ K. B a j e r. Przemysł włókienniczy na ziemiach polskich od początku XIX w. do 1939 r. Zarys ekonomiczno-historyczny, Łódź, 1958.

³⁷ A. W e r w i c k i. Białoostocki okręg przemysłu włókienniczego do 1945 r. Czynniki rozwoju i zagadnienia lokalizacyjne, Warszawa, 1957; S. K a l a b i ń s k i. Statystyka przemysłu okręgu białoostockiego w latach 1807—1914, Warszawa, 1968; освещались также вопросы истории революционного движения в этом округе.

³⁸ F. C i e r n i e w s k i. Bielski okręg przemysłu wełnianego. Rocznik Akademii Handlowej, Poznań, 1946—1947, s. 60—180; Wł. R u s i ń s k i. Taktwo Iniane na Śląsku do 1850 roku. Poznań, «Przegląd Zachodni», 1949, № 11/12; A. G a l o s. Przemysł tekstylny w rejonie kłodzkim na tle przemysłu Śląska (1849—1914). Studia i materiały z dziejów Śląska, Wrocław, 1960, t. 3, s. 151—264; B. R a d l a k. Rozwój przemysłu tkackiego na Śląsku i powstanie tkaczy w 1844 roku.— Szkice z dziejów Śląska, t. 2, Warszawa, 1956, s. 73—102; A. W i e l o p o l s k i. Sukiennictwo na Pomorzu Zachodnim w XIX wieku. «Roczniki Dziejów Spo-

myślności в Нижней Силезии занимались и занимаются также немецкие историки, определенную заинтересованность проявляют и чехословацкие ученые³⁹. О положении и классовой борьбе силезских ткачей писал советский историк С. Б. Кан⁴⁰.

Следует подчеркнуть, что в популяризации результатов исследований по истории текстильной промышленности и рабочего класса в текстильных центрах особую роль играет восстановленный в 1958 г. «Rocznik Łódzki». Почти каждый его том содержит статьи по этим проблемам. Некоторые тома, как, например XII (XV), в котором опубликованы материалы всепольской исторической конференции по истории текстильной промышленности, состоявшейся в марте 1966 в Лодзи, представляют особую ценность⁴¹. Таким же ценным является V том «Przeglądu Nauk Historycznych i Społecznych», вышедший в 1954 г.⁴².

cznych i Gospodarczych», t. 17, 1955 (druk.) 1956, s. 111—162; е г о ж е. Gospodarka Pomorza Zachodniego w latach 1800—1918, Szczecin, 1959; B. P u c z y ń s k i. «Częstochowianka». Gospodarka kapitału francuskiego oraz hitlerowskiego zarządu powierniczego w latach 1900—1944.

³⁹ Из новых статей можно назвать: H. L e w a l d. Die Entwicklung der ländlichen Textilindustrie im Rheinland und in Schlesien.— Zeitschrift für Ostforschung, 1961, № 10; H. K i s c h. The Textile Industrie in Silesia and the Rhineland: A Comparative Study in Industrialization.— Journal of Economic History, 1959, № 19. Из новых работ чехословацких историков следует назвать следующие: B. I n d r a. K rocátkum průmyslové výroby ve Slezsku (Slezský sborník, 49/1951); M. F. M a i n u š. Vlnarství a bavlnarství na Morave a ve Slezsku v 18 století, Praha, 1960.

⁴⁰ С. Б. К а н. Два восстания силезских ткачей (1793—1844). Москва — Ленинград, 1948.

⁴¹ «Rocznik Łódzki», t. XII (XV), Łódź, 1967. Среди опубликованных материалов: В. P e ł k a. Kapitał krajowy i obcy oraz pierwsze spółki akcyjne w przemyśle włókienniczym Królestwa Polskiego w latach 1878—1886; J. F i j a ł e k. Przemysł włókienniczy Królestwa Polskiego w latach 1885—1894 w świetle materiałów inspekcji fabrycznej; A. N a h l i k. Zagadnienia techniki włókienniczej w okresie przewrotu przemysłowego w I połowie XIX wieku; J. K u l p i ń s k a. Socjologiczne aspekty rozwoju przedsiębiorstw wielkokapitalistycznych.

⁴² «Przegląd Nauk Historycznych i Społecznych», t. V, 1954, Łódź, 1955. Кроме названных статей: N. G a s i o r o w s k a - G r a b o w s k a. Założenia metodologiczne..., G. M i s s a l o w a. Stan i problematyka badań ... смотри статьи:

Широко представлена тематика текстильной промышленности на страницах «Zeszytów Naukowych Uniwersytetu Łódzkiego»⁴³.

Заслуживают внимания последние коллективные работы. К ним относится большая, из 36 статей и очерков, монография «Лодзинские текстильщики». Она делится на три раздела: история Общества текстильщиков, социально-экономические вопросы в их историческом и современном аспекте, вопросы культурной жизни. Это единственная в своем роде комплексная и многопроблемная монография по истории одной из самых больших профессиональных групп рабочего класса в Польше⁴⁴.

Несколько другой характер имеет коллективная монография в городе Пабянице⁴⁵, содержащая главным образом статьи по истории промышленности и рабочего класса.

В ряде работ рассматривается патристическая и революционная активность текстильщиков. Подготовка специалистов и приведение в порядок различных архивных комплексов, главным образом фабричных архивов, способствовали развитию монографических и синтетических исследований. Это нашло свое выражение в частности в докладе Я. Фиялека

и Г. Миссаловой «Стадии и динамика развития текстильной промышленности на польских землях в 1815—1839 гг.»⁴⁶, значительный на X съезде польских историков в Люблине, и в работе «Индустриализация польских земель в 1815—1965 гг.—Текстильное производство»⁴⁷.

Изучению истории текстильной промышленности способствует подготовка кадров историков, занимающихся промышленной проблематикой, и объединение всех индивидуальных исследований в рамках единого плана научно-исследовательской работы Института истории ПАН. С этой целью в июне 1965 г. была создана Секция истории текстильного производства при Комиссии координации изучения истории промышленности в Польше, входящей в Комитет исторических наук ПАН. Руководителем Секции со времени ее образования является профессор Г. Миссалова.

Поскольку период до 1870 г. довольно основательно изучен, центральное место в монографическом исследовании занял XX век и, прежде всего, межвоенный период и период народной Польши. В настоящее время в соответствии с планами Секции продолжают работы над следующими первоочередными проблемами, до сих пор недостаточно изученными: изменения в структуре отдельных отраслей текстильного производства, структурно-организационная модель капиталистических текстильных предприятий на польских землях, осуществление в период капитализма фабрик и больших комбинатов с первоначальными формами кустарной промышленности. Продолжаются и даже возрастают исследования роли иностранного капитала в текстильной промышленности и проблемы сырьевых рынков.

К важнейшим следует отнести также недавно начатые исследования кризисов, возникающих вследствие конкуренции, и их влияния на отдельные отрасли в экономическом, общественном и политическом отношениях. Широким фронтом ведутся также исследования других проблем, важных для истории текстильного производства и пролетариата, занятого в этой отрасли промышленности.

Юзеф Смяловский

J. König-Jażdżyńska. Geneza rozwoju miasta kapitalistycznego w łódzkim okręgu przemysłowym; R. Gawiński. Studia nad dziejami manufaktury i fabryki Wilhelma Fryderyka Zacherta w Zgierzu (1825—1885); R. Kaszmarek. «Bunty» czeladzi miast fabrycznych w okręgu łódzkim do 1830 r.; I. Hnatowicz i P. Korzec. Kryzys surowcowy 1861—1865 (głód bawełniany) w przemyśle łódzkim; J. Fijałek. Wpływ rozwoju Łodzi na jej stan sanitarny i zagadnienia zdrowotne ludzi pracy w pierwszej połowie XIX w.; B. Lenartowicz. Sprawa robotnika nieletniego w latach 1870—1890 w fabrykach Zgierza.

⁴³ См. в частности: A. Bąrszczyńska. Emigracja gospodarza z okręgu łódzkiego w latach 1830—1840, ser. I, z. 15; G. Missalowa. Z badań nad formami policyjnego ucisku proletariatu okręgu łódzkiego (1848—1863), ser. I, z. 5; J. Śmiałowski. Położenie tkaczy sukienników w okręgu łódzkim w świetle umów o nakład z lat 1826—1833, ser. I, z. 5.

⁴⁴ Włókniarze łódzcy. Monografia. Red. nac. E. Rosset. Redaktorzy działów G. Missalowa, W. Szubert, A. Kamiński, Łódź, 1966.

⁴⁵ Dzieje Pabianic, Łódź, 1968. В печати находится монография Ю. Смяловского о втором городском центре текстильной промышленности — Здуньской Воле, являющейся как бы городом-спутником Лодзи.

⁴⁶ J. Fijałek, G. Missalowa. Fazy i dynamika rozwoju przemysłu włókienniczego na ziemiach polskich w latach 1815—1939.—Pamiętnik X Powszechnego Zjazdu Historyków Polskich w Lublinie 17—21 września 1968 r. Referaty I, sekcje I—V. Warszawa, 1968, s. 366—378.

⁴⁷ J. Fijałek, G. Missalowa, B. Pełka, W. Puś. Uprzemysłowienie ziem polskich w latach 1815—1965. Włókiennictwo. Warszawa, 1970.

M. RÓZYCKA-GLASSOWA. Organizacja i wydajność pracy w rolnictwie wielkiej własności przed uwłaszczeniem w Królestwie Polskim. Wrocław—Warszawa—Kraków, 1970, 307 s.

М. РУЖИЦКАЯ-ГЛАСОВА. Организация и производительность труда в крупных помещичьих хозяйствах в Королевстве Польском накануне реформы

Книга Марии Ружицкой-Гласовой посвящена организации и производительности труда в крупных помещичьих имениях Королевства Польского накануне аграрной реформы 1864 г. В центре исследования — два владения польского магната Августа Потоцкого, активного члена Земледельческого общества — Вилановские и Мендзыжецкие имения.

Работа основана на обширных, весьма ценных и трудоемких источниках. Автором были учтены и проанализированы прежде всего так называемые рабочизны, т. е. еженедельные рапорты экономов об использовании барщинных дней. По Мендзыжецким имениям были изучены рапорты из 9 фольварков за 41 год, по Вилановским — из 5 фольварков за 33 года. Второй комплекс источников — планы предполагаемых работ на ближайшую неделю — был неполным, но зато эта категория документов анализировалась впервые. И, наконец, были рассмотрены инвентари, рапорты, регистры, люстрации, хозяйственная корреспонденция администрации фольварков и т. п.

Автор ставит перед собой задачу изучить физическую (труд, деленный на затраченное время) и экономическую (полученная продукция, деленная на количество затраченной рабочей силы) производительность труда в Мендзыжецких имениях в 1844—1855 гг. и в Вилановских имениях в 1847—1861 гг. Такое детальное конкретное исследование экономической производительности труда проводится впервые. При изучении физической производительности труда автор основывалась на точных подсчетах результатов сельскохозяйственных работ (и в этом ее заслуга), тогда как обычно за основу изучения брались нормы производительности труда, устанавливаемые инструктажами в XVIII и XIX вв.¹ Определенный интерес представляет и та часть работы, которая посвящена организации земледелия и скотоводства в имениях А. Потоцкого. Книга состоит из 9 глав и 90 таблиц, в которых представлен богатый цифровой материал.

В первой главе дана характеристика имений. Вилановские имения расположены недалеко от Варшавы и были рези-

денцией самих владельцев. Некоторые из фольварков, в частности Служев, считались Земледельческим обществом образцовыми хозяйствами. В них применялись более современные орудия труда, работники были более образованными, продукты выставлялись на выставке. Но все это было рассчитано скорее на внешний эффект, так как основой хозяйствования оставалась барщинная система. Барщинным было хозяйство и в Мендзыжецких имениях, расположенных на болотистых почвах. Это хозяйство находилось в заброшенном состоянии. Автор рассматривает систему и структуру земледелия в имениях и приходит к выводу, что на фоне Королевства Польского в целом они развивались весьма медленно. На 60—70% земли применялось трехполье, новые сельскохозяйственные орудия труда были редки, в большинстве случаев использовались примитивные, крестьянские. Отсталость Мендзыжеца не была исключительной, а Вилановские имения нельзя отнести к числу передовых. Оба хозяйства могут служить иллюстрацией ведения земледелия в крупных имениях, основанных на барщинном труде.

Во второй главе освещаются вопросы организации труда в отдельных фольварках, в частности, говорится об управленческом аппарате и о видах барщины. Анализ таблиц свидетельствует о значительном преобладании барщинного труда над наемным в Мендзыжецких имениях (в 40-х гг. — 90%, в 50-х — около 70%); в Вилановских — барщинный труд играл меньшую роль (при различных видах работ от 20 до 75%).

Рассматривая в третьей главе способы обработки земли и сева, автор приходит к выводу, что техника обработки, несмотря на наличие нового инвентаря, немногим отличалась от той, что была во второй половине XVIII в. По-прежнему преобладали соха, плуг, борона. Сеяли вручную, хотя уже в первой половине XIX. в Польше появились сеялки, а в 40-х годах их производство в стране возросло. Анализ многочисленных данных о различных видах обработки земли позволяет автору сделать вывод о том, что производительность труда зависела исключительно от традиционно установленных норм. На повышение производительности труда sporadически влияло лишь качество земли. Нормы не всегда учитывали максимальные возможности крестьян.

¹ Ср. Е. Д. Сташевский. История докапиталистической ренты на Правобережной Украине в XVIII — первой половине XIX в. М., 1968.

Об этом свидетельствует хотя бы тот факт, что при всех видах работ, кроме боронования, производительность труда была одинаковой как для барщинных, так и для наемных рабочих. В таблицах, помещенных в главе, детально отражены такие моменты, как сроки сельскохозяйственных работ и распределение рабочей силы по различным операциям.

В четвертой и пятой главах рассмотрены такие сельскохозяйственные работы, как удобрение полей и уход за посадками. Проанализированные автором данные показывают, что по качеству и количеству применяемых удобрений оба имения недалеко ушли от уровня второй половины XVIII в. (некоторый прогресс наблюдался в Виланове в связи с экспериментами по применению новых видов удобрений — химических и зеленых). К подобному заключению приходит автор и в шестой главе, посвященной уборке урожая. Производительность труда при жатве зависела от ряда факторов: густоты посевов, качества хлебов (порчены ветром, дождем и градом или стоят прямо) и рабочих рук (крепостные или наемные). В Мендзыжецке применялся исключительно барщинный труд, в Виланове на жатву нанималось до 80% работников. Но в обоих имениях пользовались в основном серпом, и значительной разницы в уровне производительности труда не было. Автор подсчитала, что в Мендзыжецких имениях затрачивали от 5,8 до 9,3 рабочих дня на уборку 1 га хлебов, в Вилановских имениях — от 4,7 до 16,8. На сенокосе преобладали косы и деревянные грабли, т. е. техника, равно как и организация и производительность труда при уборке урожая и на сенокосах, в середине XIX в. и в середине XVIII в. те же самые. Сравнительно раньше других механизировались обмолот и очистка зерна (глава седьмая).

В восьмой главе — «Затраты труда и их структура» — подробно рассматривается вопрос о распределении барщинных дней по различным видам работ в земледелии и животноводстве. Результаты подсчетов выглядят следующим образом: затраты труда на 1 га обрабатываемой земли в зависимости от величины урожая и структуры обработки колебались от 25 до 40 рабочих дней, причем 30% из них были тяглые, 70% — пешие.

В заключительной главе подводятся общий итог. Результаты исследования и сравнение экономической производительности труда в Виланове и Мендзыжеце в определенном смысле подтверждают уже сделанный автором вывод о том, что несмотря на различия в организации работ между Мендзыжецем, где преобладал барщинный труд, и Вилановом, где при некоторых видах работ наемный труд преобладал над барщинным, общий стиль работы в имениях оставался одинаковым. И в Вилановских имениях общие темпы и характер труда определяли барщинные крестьяне. Попытки введения в этих имениях технических усовершенствований, либо вовсе не вели к повышению производительности труда, либо улучшение было крайне незначительным. При господстве барщинных отношений значительное повышение производительности труда было невозможным. Это же явление было характерно и для России в канун отмены крепостного права, когда прогресс техники и технологии сельскохозяйственного производства не являлся решающим в процессе повышения производительности труда².

Подсчитав общие затраты труда на сельскохозяйственную продукцию в рассматриваемых имениях, автор увидела, что результаты не оправдывают приложенных усилий. Правда, в действительности дело обстоит несколько иначе, потому что часть затраченного труда была даровой. Однако полученные данные свидетельствуют о том, что оба имения не были в должной мере подготовлены к реформе. Замена барщинного труда исключительно наемным при том же уровне техники, организации и производительности труда с экономической точки зрения была убыточной.

Рецензируемая книга М. Ружицкой-Глассовой несомненно запечатлела не только историка предреформенной поры, но и исследователей, изучающих последующий период.

Л. Обушкова

² И. Д. К о в а л ь ч е н к о. Русское крепостное крестьянство в первой половине XIX в. М., 1967, стр. 14.

К ИСТОРИОГРАФИИ МЕЖСЛАВЯНСКИХ КУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЕЙ

О ТРУДАХ ЯРОСЛАВА ПРОХАЗКИ

В настоящем обзоре речь пойдет о работах и публикациях Ярослава Прохазки (род. в 1918 г.), многолетняя и разносторонняя деятельность которого, несомненно, заслуживает признания, — прежде всего со стороны ученых, зани-

мающихся проблемами межславянских культурных связей XIX—XX столетий

Руководя на протяжении многих лет издательским отделом Национального театра в Праге, Прохазка заинтересовался чешско-русскими связями в области

театрального искусства и, в частности, показал на собранном материале, какое значение для этих связей имело краткое пребывание Гоголя в Чехии¹, где писатель, как известно, дважды был проездом и задержался в Грэфенберге (ныне Лазне Йесеник) в 1845 г. Вслед за этой ценной и хорошо документированной публикацией Прохазка, не прекращая работы над изучением процесса восприятия Гоголя в Чехии², обратился к сфере музыкально-сценического искусства.

Первым итогом этого была статья «П. И. Чайковский и пражская оперная драматургия», опубликованная осенью 1953 г. в журнале «Национальный театр»³. Как обычно, Прохазка обобщил содержание работ исследователей, уже затрагивавших эту тему, и вместе с тем ввел в обиход ряд новых материалов, почерпнутых им из архивных фондов. Столь же строго документированными и привносящими в науку новые интересные сведения явились работы Прохазки о связях с Чехией Глинки и Шопена.

В дни 150-летия со дня рождения Глинки журнал «Советская музыка» (1954, № 10) опубликовал найденный Прохазкой и снабженный им тщательными комментариями неизвестный портрет Глинки работы Иржи Кордика (1818—1886). То был художник, происходивший, как полагает Прохазка, «из польско-чешской семьи» и поселившийся в Карловых Варах (тогдашнем Карлсбаде), куда приезжали лечиться многие знатные и состоятельные люди, охотно заказывавшие талантливому художнику свои портреты и платившие за них немалые деньги. Кордика, по счастью, не постигла судьба гоголевского Черткова, ибо, несмотря на то, что карловарский мастер писал маслом и вставлял в золоченые рамы портреты именитых людей, он неизменно находил время для работы над одухотворенными набросками обликов людей, привлекавших его вниманием не знатностью или богатством, а гением, умом и высоким строем чувств.

Так возникли портреты Листа⁴, Лауба

¹ J. Procházka. N. V. Gogol a počátky českoro-ruských vztahů divadelních. «Terpracooviště», II, 2, 4, 7. Praha, 1952.

² Отрывки из чешского перевода «Ревизора» (Вацлав Ченек Бенцл), переизданные в 1965 г., вышли со вступительной статьей Прохазки. Напомним, что впервые на чешский язык «Ревизор» был переведен Юлией Шафарик в 1838 г.

³ J. Procházka. P. I. Sajkovskij a pražská operní dramaturgie. Casopis «Národní divadlo», XXIX, I. Praha, 1953.

⁴ Этот набросок, крайне своеобразный, но примечательный портретным сходством, засвидетельствованным самим Листом, воспроизведен в кн.: A. Buchner. Franz Liszt in Böhmen. Praha, «Artia». 1962, s. 166.

(«скрипача-титана», как называл его Чайковский) и Глинки, выполненные карандашом на одинаковой бумаге и в сходной манере, характеризующей многочисленными наброски Кордика: тщательно отработанная голова и эскизно намеченный абрис туловища. Публикуя впервые портрет Глинки⁵, Прохазка подчеркивает значение карлсбадских встреч в истории межславянских культурных связей. Найденный портрет Глинки Прохазка датирует предположительно 1852—1853 гг., но указывает, что Глинка мог встречаться с Кордиком и в другое время, и даже не в Карловых Варах, а в России, куда художник часто приезжал (осенью 1842 г., например, в Петербурге состоялась выставка портретов его работы). Годы 1845—1850 и 1855—1856 Кордик жил в нашей стране.

Работы Прохазки привлекают не только содержащимися в них биографическими данными о деятелях культуры славянских стран (хотя и эти данные, конечно, имеют неоспоримую ценность), но и прежде всего тем, что в них дано убедительное обоснование традиционности той кровной, если можно так выразиться, связи между этими деятелями, которая и обусловила их стремление к общению друг с другом, к творческому взаимодействию, проявившемуся с давнего времени и сыгравшему столь значительную роль в процессе становления и развития национальных культур всех славянских народов. Изучая этот процесс, Прохазка, естественно, пришел к проблеме восприятия пушкинского наследия в западнославянских странах.

Наиболее серьезные работы о польском аспекте этого восприятия создал, как известно, Марьян Топоровский⁶, о словаке — Эма Панова⁷. В своей статье об опере Мехуры, написанной на сюжет пушкинского «Бахчисарайского фонтана» (статья эта⁸ вошла в тот же сборник, что и статья о чешских встречах

⁵ Помимо фрагмента, опубликованного в 1954 г. в «Советской музыке», другой отрывок работы Прохазки был помещен в брошюре, выпущенной Национальным театром в Праге к торжественному представлению «Руслана и Людмилы», приуроченному к столетию со дня смерти Глинки. Полностью работа Прохазки «Neznámé styky Michaila Ivanoviče Glinky s Čechami» появилась в сб. «Příspěvky k dějinám česko-ruských kulturních styků», I. Praha, 1965.

⁶ M. Toporowski. Puškin w Polsce. Warszawa, 1950; его же. Geniusz i caryzm. Warszawa, 1967.

⁷ E. Panová. Puškin v slovenskej poezii do roku 1918. Bratislava, 1966.

⁸ J. Procházka. Puškinova «Bačičisarská fontana» jako česká poobrozenská opera.

Глинки), Прохазка подчеркивает: «А. С. Пушкин был первым из классиков русской литературы, с произведениями которого чешские будители (obrozenci) познакомились уже в середине двадцатых годов прошлого столетия»⁹. Приводя данные, свидетельствующие о том, что с именем и произведениями величайшего русского поэта чешская общественность была знакома еще при его жизни¹⁰, Прохазка особое внимание уделяет первому чешскому переводу «Бахчисарайского фонтана», послужившего драматургической основой первой чешской оперы, написанной на сюжет, почерпнутый из русской литературы.

Автором перевода был Вацлав Ченек Бендл (1832—1870), определивший свое отношение к Пушкину словами, которые содержатся в письме к Божене Немцовой: «Не могу жить без него». Прохазка приводит эти слова и говорит далее об опере «Мария Потоцкая», которую Эуген Леопольд Мехура (1805—1870) создал в 1869 г. на либретто известного слависта Йозефа Коларжа (1830—1910), изданное в Праге еще в 1865 г. «Мария Потоцкая» была впервые поставлена в пражском Временном театре лишь в 1871 г. под управлением Бедриха Сметаны. В статье говорится также о той роли, которую сыграл во включении оперы Мехуры в репертуар театра друг Дворжака, композитор Карел Бендл, являвшийся тогда, в качестве главного хормейстера прославленного «Глагола Пражского», одной из центральных фигур чешской музыкальной жизни.

В статье Прохазки повествование о работе Мехуры над его последней оперой, об оценке и судьбе этой оперы, переплетается с данными о чешских переводах Пушкина и Мицкевича («польская тема» возникает в статье в связи с героиней пушкинской поэмы, именем которой названа опера). Особо отмечается роль Элишки Красногорской в работе над переводами «Бахчисарайского фонтана» и других произведений Пушкина, а также «Пана Тадеуша» Мицкевича. (Думается, что следовало бы сказать также о той оvationи, которой были встречены имена обоих великих славянских поэтов, включенные в латинский текст речи промотора, произнесенной на торжественной церемонии присвоения чешской писательнице степеней почетного доктора Пражского университета.)¹¹ Переводческая

деятельность Красногорской, послужившая одним из оснований для беспрецедентного в истории древнейшего университета Центральной Европы решения его сената, в работе Прохазки проследживается достаточно отчетливо,— и имена Пушкина, Мицкевича и Сметаны оказываются, таким образом, рядом с именами Глинки и Чайковского, о которых речь шла в других статьях автора. В последнем разделе работы приводятся сведения об операх, созданных чешскими композиторами на сюжеты русской литературы.

Особое место в кругу научных интересов Прохазки занимают жизнь и творчество Шопена, его приезды в Чехию и встречи с деятелями чешской культуры. Если вспомнить, какую роль сыграл Шопен в формировании творческого облика Сметаны, то обращение чешского исследователя к шопеновской тематике делается еще более понятным. Заметим, что, помимо научно-исследовательской и популяризаторской работы, должна быть отмечена и общественная деятельность Прохазки, который в 1959 г. основал в Марианских Лазнях Общество имени Фридерика Шопена, поныне организующее фестивали и научные конференции, а также начал редактировать периодически выходящие (с 1960 г.) бюллетени «Chopiniana Bohemica et Slovaca».

Следует сказать о Прохазке как о переводчице книги, которую по праву можно назвать этапным достижением русского шопеноведения,— «Шопен и польская народная музыка» доктора искусствоведения Вячеслава Викторовича Пасхалова (1873—1951). Работа эта трижды (1916, 1941, 1949) издавалась в нашей стране, в Польше (в переводе коллектива авторов)¹², а в Чехословакии

в честь Элишки Красногорской, с ее барельефом на лицевой стороне и с надписью: «В 1897 г. открыла женщинам врата Карлова университета» — на обратной (писательница была первой женщиной, которой присвоили эту степень).

¹² Заслуживает внимание оформление польского издания, выполненное под руководством проф. Тадеуша Охлевского, который, как бы полемизируя с приверженцами «космополитической» версии формирования творческого облика Шопена (а версия эта вольто до нашего времени дает себя знать в Польше, хотя и не поддерживается компетентными музыкантами), написал: «Среди многих проектов оформления этой книги мы выбрали тот, который наиболее выразительным образом может подчеркнуть связь творчества Шопена с его родной землей. Между страницами этого исследования мы поместили репродукции произведений наших выдающихся художников, показывающих нам пейзажи польского села».

⁹ Ibid..., s. 149.

¹⁰ О масштабах чешской пушкинианы можно судить на основании материалов, вошедших в сборник, выпущенный в ознаменование 150-летия со дня рождения Пушкина: «Puškin u nas — 1799—1949». Praha, 1949.

¹¹ На протяжении последних лет славистам, удостоенным этой степени, вручается помимо диплома медаль, выбитая

в переводе Ярослава Прохазки на чешский язык, вышла в 1955 г. Это, пятое по счету, издание книги Пасхалова¹³ оказалось во многих отношениях примечательным.

Прохазка не только полностью перевел книгу Пасхалова, но и предположил чешскому изданию вступительную статью, существенно дополнил библиографический указатель и снабдил книгу обширными комментариями, сосредоточив их преимущественно в конце работы. Дополнения Прохазки, увеличившие едва ли не в полтора раза объем книги, сведены к следующему. Прежде всего вслед за указателем литературы, имеющимся в последнем русском издании, Прохазка поместил краткую библиографию чешских работ и публикаций о Шопене. Затем, как во вступительной статье, так и в комментариях на стр. 120—131. Прохазка дал обзор шопеновских работ, появившихся уже после выхода в свет третьего русского издания книги Пасхалова, т. е. после шопеновского (1949) года, ознаменовавшегося публикацией многих работ, включая книги и статьи советских шопеноведов.

Не будет преувеличением назвать чешское издание книги Пасхалова образцовым, ибо Прохазка не только чрезвычайно бережно отнесся к авторскому тексту книги, но и обогатил ее содержание ценными дополнениями, выдвинув на первый план идею межславянских культурных связей, в развитии которых шопеновское творчество сыграло поистине неординарную роль. Значение этих связей в истории развития музыкальной культуры славянских стран подчеркивалось выдающимися представителями старшего поколения советских шопеноведов — С. А. Семеновским и В. В. Пасхаловым. Пражское издание книги Пасхалова заставляет задуматься о том, не настало ли время поставить вопрос о новом ее издании в обновленной и дополненной редакции, т. е. с учетом тех дополнений, которые внес Ярослав Прохазка. Вспомним еще раз, что работа Пасхалова на протяжении сорока лет пять раз издавалась в трех славянских странах и давно уже прочно вошла в научный обиход международного шопеноведения.

Развитие художественной культуры без прочной опоры на народную основу и национальные традиции, как показала многовековая история культуры, немислимо. Но каждый мастер изучает, разумеется, и опыт, накопленный в других странах,— вспомним хотя бы в этой связи «ориентальные» страницы русской музыки. Что же касается близости шопеновской, глинкавской и сметановской традиций, то она неоспорима, так

же как неоспоримо и то, что близость эта возникла и утвердилась именно вследствие братской общности культур славянских народов. Такая мысль последовательно проводится и в работах Прохазки о связи чешской литературы и музыки с творчеством Пушкина, Глинки, Гоголя, Чайковского и других русских мастеров, и в его недавно вышедшей книге «Шопен и Чехия»¹⁴, явившейся результатом двадцатилетнего труда и поисков источников.

Первая книга Прохазки, посвященная этой теме, появилась еще в 1961 г.¹⁵ в качестве, как было указано на титуле, одной из глав задуманной большой работы, а именно главы о третьем пребывании композитора в Чехии, где он в последний раз встретился со своими родителями, также приехавшими в Карловы Вары. Прохазка и в этой работе подчеркивает важность изучения культурных, в частности музыкальных, связей, возникавших на знаменитом курорте, о чем говорится в специальной (второй) главе. Последующие две главы посвящены чешско-польским культурным, в частности музыкальным, связям, в истории которых четыре приезда Шопена в Чехию, его личное общение с деятелями чешской культуры (особо выделяется дружба композитора с Йозефом Славиком) и воспоминания о нем сыграли большую роль. Как всегда, Прохазка обильно цитирует найденные им архивные материалы, сведения, почерпнутые из периодической прессы, и вводит в научный обиход документы, представляющие несомненную ценность.

Книга, вне всякого сомнения, представляет значительную ценность, так как дает отчетливое представление о приездах Шопена в Чехию, о маршрутах его путешествия, о встречах со многими людьми и о последнем этапе «поисков Беатриче». Особенный интерес представляют страницы книги, содержащие сведения о памятных местах, связанных в Чехии с приездами Шопена, о сооруженных ему памятниках, мемориальных досках, установленных на нескольких домах Карловых Вар и Марианских Лазен. Роскошно изданная книга, написанная компетентнейшим чехословацким шопеноведом, читается с захватывающим интересом. Но, к сожалению, в нее вошли далеко не все материалы, собранные Прохазкой, как это явствует хотя бы из сравнения данного издания с уже упо-

¹⁴ J. Procházka. Chopin und Böhmen. Praha, «Artia», 1968.

¹⁵ J. Procházka. Fryderyk Chopin v Karlových Varech. Karlovy Vary, 1951. Для обложки этого издания Карел Сволinsky выполнил новый портрет Шопена, найдя своеобразную и убедительную трактовку черт его образа.

¹³ V. V. Paschalov. Chopin a polská lidová hudba. Praha, 1955.

минавшей книгой, выпущенной в 1951 г.

Можно пожелать поэтому, чтобы за книгой «Шопен и Чехия» последовала книга, написанная на ту же тему, но содержащая весь тот обширный материал,

которым, судя по предыдущим публикациям, располагает автор. Появление такой работы Прохазки было бы, разумеется, ценным вкладом в изучение культуры славянских народов.

Игорь Балза

ZDENEK URBAN. *Pozapomenutá tvář Boženy Němcové*. Praha, 1970, 144 s.

ЗДЕНЕК УРБАН. *Малоизвестные черты облика Боžены Немцовой*

Литература о чешской писательнице Божене Немцовой пополнилась еще одной книгой. Специальное внимание ее автора привлекло отношение Немцовой к идее славянской взаимности и культурному наследию славянских народов. Обширный историко-литературный материал по этой теме собран и систематизирован в названной работе впервые. Она состоит из трех глав, в которых рассмотрены следующие вопросы: отношение Боžены Немцовой к идее славянской взаимности; творческий интерес писательницы к славянам, ее отношение к славянским литературам и фольклору; переводы писательницы со славянских языков.

Из первой главы следует, что в идее славянской взаимности Немцова видела одно из средств для укрепления и усиления национального самосознания чешского народа. С нею связывала Немцова свои мечты о свободном и счастливом будущем своего народа. При этом писательница не избежала некоторых заблуждений, но важно, что в целом ее понимание идеи славянской взаимности не исключало признания необходимости активной борьбы угнетенных славянских народов за свои национальные и социальные права. Как отмечено в книге, особенно отчетливо это проявилось во второй половине 50-х годов.

Во второй главе для литературоведов особый интерес представляет раздел «Немцова и славянские литературы». Из русских писателей наиболее близкими Немцовой были Пушкин и Гоголь, особенно последний. Чешская писательница хорошо знала и высоко ценила, как художественный памятник, «Слово о полку Игореве». О целенаправленном интересе Немцовой к русской литературе говорят ее выписки, содержащие более тридцати имен русских писателей XVII—XIX вв. Все это обстоятельно документируется в работе. Однако стремление автора к предельной точности освещения фактов в отдельных случаях обращается в свою противоположность. Знакомство со «Словом о полку Игореве», как сказано в книге, произошло по «причине более или менее случайной» (имеется в виду дружба писательницы с переводчиком «Слова...» Мартином Гатталой, см. стр. 94). Нечто подобное сказано далее и о

Пушкине. «Широта знакомства писательницы с творчеством Александра Сергеевича Пушкина, а оно было довольно значительным, также до известной меры была мотивирована причиной в сущности случайной — личной многолетней дружбой писательницы с восторженным переводчиком Пушкина Вацлавом Ченекем Бендлом», — читаем на той же 94 странице.

Пути соприкосновения чешских писателей с творчеством русских писателей были разнообразны, порой здесь, может быть, и играл какую-то роль случай, но не случайным был устойчивый избирательный интерес к тем или иным явлениям русской литературы, о чем, кстати, в книге упоминается. Поэтому замечание о «случайности» знакомства Немцовой с Пушкиным кажется необязательным.

Говоря о сложности раскрытия влияния Пушкина-художника на Немцову, автор книги замечает: «Прежде всего следует подчеркнуть, что Немцова не имела никакой склонности к бесплодному эпигонству и что решающее значение для характера литературного творчества писательницы имело ее собственное художественное видение, ее переживания, познание жизни и опыт» (стр. 91). Все это, конечно, так. Собственное видение мира необходимо для каждого подлинно национального писателя, равно как и собственный жизненный опыт. Однако это не только не исключает возможности самых различных форм творческого взаимодействия между писателями разных народов, но, как правило, стимулирует его. Выявление результатов творческих влияний в литературе, в том числе и Пушкина на Немцову, действительно очень сложно. Однако усугублять эту сложность применительно к Немцовой, пусть даже косвенно, сообщением об отсутствии у нее склонности к эпигонству, вряд ли стоило.

Существенно отметить, что, обратившись к вопросу о творческом влиянии Гоголя на Немцову, автор книги указал на «ряд художественных признаков» («сплетение фантастических и реальных элементов», «включение устной народной словесности в оригинальные прозаические произведения» и др.), которые, как он полагает, она нашла у Гоголя (см.

стр. 100). Как видно из этого примера, в принципе конкретизация творческого влияния возможна.

Во второй главе книги отмечается большой интерес чешской писательницы к творчеству В. С. Караджича и Г. С. Раковского.

Последняя, третья глава книги посвящена рассмотрению переводов Немцовой со славянских языков (словацкого, словенского, сербо-хорватского, болгарского), анализу их особенностей. С русского Немцова пыталась переводить П. Вяземского, о чем свидетельствует

сохранившийся в ее рукописях подстрочный чешский текст отрывка из его «Матросской песни».

Высказанные выше замечания не умаляют значения новой работы о Немцовой. Она войдет в библиографию, посвященную чешской писательнице, и будет использоваться исследователями ее творчества в научных целях. Книга имеет резюме на русском языке, указатель имен и сопровождается иллюстрациями.

Л. К.

О ПРОДОЛЖЕНИИ НУЖНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

«Страницы литературных связей»¹ — так озаглавил коллектив славистов Института литературы имени Я. Купалы АН БССР свой новый труд. Он является продолжением разработки той же проблематики, какой был посвящен сборник «Содружество литератур» (1968)².

История литературных связей, как и типологические сопоставления, привлекает к себе в последнее время все большее внимание. Повышение интереса к литературоведческой методологии проявилось, по крайней мере, два положения.

Во-первых, упорные попытки раскрыть внутренние закономерности литературного процесса неизбежно приводят к признанию того, впрочем давно уже известного, факта, что национальные литературы развиваются не изолированно, а в постоянном взаимодействии, которое существенно сказывается на внутренней жизни каждой из них и в особенности тех, которые по тем или иным историческим причинам либо отставали от общего уровня, либо вообще недавно возникли. Все более ясной становится та простая истина, что внутреннее нельзя понять без внешнего и поэтому неправомерна методологическая установка на изучение только так называемых внутренних тенденций, или «закономерностей», оторванных от истории «внешних», межлитературных отношений. Отсюда — то, отчасти даже стихийно нарастающее стремление к изучению международных связей, которое с конца 50-х годов XX в. можно наблюдать во всех славянских странах.

Во-вторых, приобщение возродившихся или вновь возникших литератур к мировому, общелитературному процессу ставит перед их исследователями с особой остротой именно проблему литературных связей. Для них она имеет не меньшее значение, чем проблема традиций для

изучающих «старые», классические литературы. Ведь новейшие литературы — будь это литературы с богатыми древними традициями или только сложившиеся — тем-то и отличаются от прежних, что быстрый темп их развития и выравнивание уровней обеспечиваются расширением сферы международных сношений. Такое расширение создаст для них возможность усвоения, перенимания открытий иноязычных художественных культур, которая освобождает писателей одной страны от необходимости бессмысленно расходовать свои силы на повторное изобретение уже найденного и позволяет сосредоточиваться на разработке еще непочатого. У исследователей, изучающих совсем молодые или недавно возродившиеся литературы (а белорусская как раз и относится к таковым), есть то преимущество, что внешние связи, литературные контакты как бы сконденсированы на небольшом отрезке времени, они сравнительно легко обозримы. Поэтому материал таких литератур является весьма благодарным объектом специального изучения, которое может привести к открытиям чрезвычайно важного, методологического порядка.

В этом плане известный интерес представляют сборники белорусских славистов, пока еще значительно уступающие по своим результатам исследованиям иного рода, но тем не менее заслуживающие пристального внимания и поддержки. От радио отметить, что авторы сборника, созданного под редакцией Н. С. Перкина, подошли к делу с ясным сознанием его важности и сложности и, намечая конечную цель подобных исследований, поняли ее «как задачу проникновения в философию литературы, выявления ее национальных особенностей у того или иного народа и одновременно раскрытия коренных закономерностей развития, общих для разных литератур» (стр. 3).

Сборник открывается содержательной статьей В. И. Гаповой «Максим Танк — переводчик славянских поэтов», где речь идет о переводах на белорусский язык

¹ «Старонкі літаратурных сувязей», Мінск, Выдавецтва «Навука і тэхніка», 1970, 213 стар.

² См. рец.: И. К. Горский. «Советское славяноведение», 1969, № 4.

из Пушкина, Мицкевича, Маяковского, Броневского и др. Главная мысль автора сводится к доказательству того, что быстро росту белорусской литературы способствовали ее контакты с мировым поэтическим искусством. Самобытность белорусской литературы рождалась и становилась все более выразительной не вследствие ее самозамыкания, самоотстранения от достижений других литератур, а как раз наоборот — именно в результате их интенсивного творческого усвоения. В этом процессе, утверждает исследовательница, исключительная роль принадлежит переводу как одной из наиболее прочных форм литературного взаимодействия между народами» (стр. 5). Все эти положения доказаны автором с большой убедительностью — тем более, что их удачно иллюстрируют образцы высокого переводческого искусства М. Танка.

Статья А. И. Мальдиса «Творческие взаимосвязи белорусской и литовской литератур в советское время» основана на новом фактическом материале, частью архивном. Здесь, в частности, освещена деятельность литовской секции писательской организации Белоруссии в 20—30-е годы. Некоторые из приводимых здесь фактов могут оказаться небезынтересными даже для историков. Но наибольший интерес исследование Мальдиса представляет, конечно, для специалистов по сравнительному литературоведению и в особенности для тех, кто изучает процесс становления пролетарской литературы. В этом смысле Литва (как, впрочем, и Польша, но только столетием раньше, в эпоху расцвета романтизма) представляет собой любопытное явление: как показывает Мальдис, наиболее интенсивное развитие ее литературы совершалось одно время в эмиграции.

В. М. Казберук в статье «Плодотворные контакты» вновь возвращается к ставшей уже для белорусов традиционной теме — к оценке значения белорусско-польских политических, культурных и иных связей для возрождения белорусского словесного искусства в XIX в. В центре его внимания — контакты белорусских и польских революционных демократов накануне восстания 1863 г. и роль их влияния на дальнейшее развитие белорусско-польских литературных отношений. Попутно Казберук высказывает предположение, которое, возможно, покажется небезынтересным историкам, а именно: не был ли К. Калиновский одним из издателей белорусского периодического издания в стихах под названием «Гутарка двух соседаў»? (стр. 143). На мой взгляд, нельзя признать вполне обоснованными те настоящие параллели, какие проводит автор между патриотизмом К. Либельта и патриотизмом Ф. Богусевича (стр. 145 и сл.). Зато решительной поддержки заслуживает полемика автора с Р. Берез-

киным, ограничивающим возможности белорусской литературы условиями, так сказать, ее самоизолированного прогресса. «То, что белорусская литература, — замечает по этому поводу Казберук, — вырастада из потребностей самой жизни, что она опиралась на национальный фольклор, еще не значит, что она развивалась независимо от других литератур» (стр. 153). Действительно, никак нельзя усматривать самостоятельность и самобытность литературы в мнимом отсутствии у нее развитых связей с другими литературами.

Э. М. Мартынова, которая в предыдущем сборнике поместила превосходную статью о художественном переводе, на этот раз выступила с типологическим исследованием «Некоторые черты сходства и своеобразия развития белорусской и украинской литератур в XX в.». В этом исследовании также чувствуется отличное знание материала, и оно по уровню литературоведческой культуры не уступает многим другим работам того же рода, но самый род этот, к сожалению, не лишен недостатков, которых не удалось избежать и Мартыновой. Главное — это отсутствие методики, при помощи которой можно было бы отличать, где мы имеем дело с литературными связями (прямым или опосредственным влиянием, сознательным или безотчетным заимствованием и т. д.), а где с явлениями типологического порядка (т. е. со «случайными» совпадениями образов, мотивов, фразеологических элементов и пр.). Так, например, Мартынова ставит под сомнение выводы своих предшественников, которые, наблюдая много сходного между «Катериной» Шевченко и поэмой Купалы «Зимою», толковали о влиянии украинского поэта на белорусского. «Говорить о влиянии „Катерины“ на поэму „Зимою“ нет оснований, хотя, — добавляет тут же автор, — расширенный шевченковский мотив трагической судьбы женщины-труженицы мог привлечь внимание Купалы к той же теме...» (стр. 174). Таким образом получается, что у Мартыновой не больше оснований отрицать возможность влияния, чем у ее оппонентов утверждать противоположное. Словом, при той методике, какой пользуется Мартынова и ее оппоненты, невозможно доказать ни того, ни другого, а значит и спор на эту тему становится совершенно беспредметным. При таком положении вещей могла бы несколько поправить дело конкретизация целевой установки. Но, как и в большинстве случаев, здесь мы ее не находим. В результате создается впечатление, что главная цель таких типологических сопоставлений — в доказательстве возможности появления сходных образов, мотивов и пр. независимо друг от друга, т. е. только вследствие отражения сходных условий жизни. Но ведь это доказано еще антропологической школой (или — иначе — теорией самозарождения), и с тех пор успело

уже сделаться общим местом и едва ли есть смысл бесконечно иллюстрировать его новым материалом. В работе есть и другие, на мой взгляд, в высшей степени спорные суждения.

В целом же сборник белорусских славистов оставляет благоприятное впечатление. Кратко его достоинство можно

было бы подытожить в следующих словах: дух интернационализма, который всегда и везде сопутствует прогрессу, и здесь, в области изучения литературных связей, помог выбрать авторам правильный путь.

И. К. Горский

«*Studia poświęcone stosunkom literackim polsko-czeskim i polsko-słowackim*». Wrocław, «Ossolineum», 1969, 202 s.

«*Исследования, посвященные польско-чешским и польско-словацким литературным связям*»

В литературоведческой науке уже давно признана продуктивность сравнительного метода исследования литератур. Одним из наиболее важных достоинств этого метода является возможность определения специфики, оригинальности, собственного творческого потенциала каждой отдельно взятой литературы в контексте близких ей литератур или на фоне общего (европейского, мирового) литературного процесса. Что касается сравнительного изучения славянских литератур, то в этом плане уже можно говорить о существовании целой традиции, с которой связана деятельность таких ученых, как Веселовский, Пыпин, Жирмуновский, Вольман, Богатырев и др.

Польский ученый Г. Маркевич выступил недавно с теоретической статьей¹, выделяющей и рассматривающей пять основных аспектов сравнительного анализа литератур. Подобное теоретическое осмысление метода стало возможным на основе достаточно большого количества накопленной (по пока не систематизированной) информации. Польско-чешские литературные связи как раз и находятся на той стадии изучения, когда происходит интенсивное накопление материалов, которые в будущем дадут возможность создания некоторого синтеза. Необходимо отметить, что интерес к польско-чешским связям существует давно и в Польше (Брюкнер, Будзык, Вртель-Верчиньский, Магнушевский, Слизицкий) и в Чехословакии (Вольман, Крейчи, Грабак, Прохазка, Бартош). Из совместных польско-чешских трудов в этой области можно назвать, например, «Чешско-польский сборник научных работ»² и книгу «Франку Вольману к 70-летию»³.

¹ H. M a r k i e w i c z. Zakres i podział literaturoznawstwa porównawczego. «Ruch Literacki», 1969, z. 2 (53); См. также «Badania porównawcze w literaturoznawstwie polskim», «Przekroje i zbliżenia», Warszawa, 1967.

² «Cesko-polský sborník vědeckých prací», Praha, 1955.

³ «Fr. Wollmanovi k 70-nem», Praha, 1958.

Новый совместный сборник возник в результате сотрудничества Сектора Западнославянских литератур Института Славяноведения ПАН с центрами славистики в Праге, Брно, Оломоуце и Братиславе. По своему аналитическому характеру он продолжает традицию предыдущих сборников: в него вошли работы самого различного характера — и историко-литературные (И. Бечка), и теоретические (И. Грабак), и описательные (Б. Янковская), и библиографические (С. Былина, Б. Ярошевич-Кляйдиенет).

«Общая задача сборника, — говорится в предисловии, — заключается в публикации работ, анализирующих контакты между литературами соседних народов, как в области истории, так и в области типологической компаративистики».

Сборник в целом, свидетельствуя о разнообразии интересов представленных в нем исследователей, посвящен проблематике литературных, а отчасти и культурных, и научных связей между польским, чешским и словацким народами.

Расположение статей в сборнике подчинено хронологическому принципу: первые статьи посвящены наиболее раннему периоду развития литератур; заключает сборник статья, касающаяся современного периода. Таким образом временной диапазон книги максимально широк.

Большой интерес привлекает работа Йозефа Грабака «Дивергентные тенденции в развитии чешского и польского стиха», рассматривающая период раннего Ренессанса. Давая характеристику классического польского и чешского стиха, автор обращается и к средневековым стихотворным системам, поскольку основной проблемный узел его работы — отношение дивергентного развития к просодической системе. Грабак отстаивает точку зрения, согласно которой главной причиной дивергентного развития являются не только изменяющиеся просодические особенности языка, но прежде всего структура самой литературной жизни, контекст и функциональная роль отдельных стихотворных видов. Принципиальным достоинством статьи, по моему,

является именно это рассмотрение расходящихся, различных тенденций польского и чешского стиха не в узком стиховедческом плане, а в широком общелитературном масштабе. Примечательна и мысль автора о том, что дивергентное развитие польского и чешского стиха в период Ренессанса — не более, как «оптический обман».

Очень тщательно подготовлена статья Антонина Шкарки, посвященная воззванию Я. А. Коменского к Польше, приютившей его в годы эмигрантских скитаний, в его последнем произведении «Slavoges Eliae». Автор дает подробный анализ этого произведения в сравнении с другими воззваниями Коменского и подчеркивает, что мысли о двух братских народах — чешском и польском — не оставляли великого ученого до последних дней его жизни.

Обширный обзор польской историографии (за 1958—1967 гг.) по проблемам польско-чешских литературных связей до XVIII в. представил в сборнике сотрудник Института славяноведения ИАН Ст. Былина, дополнив таким образом уже имеющийся подобный обзор по проблеме истории.

И. Бечка выступил со статьей о чешско-польских литературных взаимосвязях в конце XIX — начале XX века, в которой он сделал удачную попытку рассмотреть проблематику в широком историко-культурном аспекте, отрицая возможность имманентного развития литературного процесса. Комплексная разработка проблематики чешско-польских литературных связей этого периода позволяет автору остановиться и на общественных, политических, идеологических сторонах вопроса, осветить специфику культурной атмосферы каждой из стран и довольно объективно оценить возможность взаимных влияний, в первую очередь — польских влияний на чешскую литературу в конце XIX — начале XX века.

Вообще польско-чешские культурные отношения, если рассматривать их в длительном временном протяжении, в разные исторические периоды складывались неодинаково. «Дающая» и «берущая» стороны часто менялись местами под влиянием исторических и связанных с ними культурных факторов. Помимо этого, страна, играющая активную роль в одной из областей культуры, могла быть относительно пассивной в других областях. Так, например, работа Р. Пенгерской-Петровской о контактах Варшавского Общества друзей наук (1800—1831) с чешскими учеными убедительно иллюстрирует влияние более высоко развитой чешской славистики на славистику польскую.

Хронологически этому же периоду посвящена статья Х. Еховой (Оломоуцкй университет), в которой произведены весьма интересные сравнительные ис-

следования мотива отражения в воде как одного из центральных мотивов в творчестве двух великих романтиков — Махи и Словацкого. Автор тонко анализирует типы творческой личности чешского и польского поэтов на примере этого ведущего мотива, и в результате этого анализа, раскрывая метафору, заключает, что Маха, основываясь на концепции независимого от человека внешнего мира, пытается найти его отзвуки в человеческой судьбе, Словацкий же исходит в своей поэзии прежде всего из анализа человеческой личности и соотносит ее с образом окружающего мира.

Обзорно-библиографический характер носит большая по объему работа Б. Ярошевич-Кляйдиенст «Чешская литература и ее связи с польской литературой на страницах польских славистических журналов периода межвоенного двадцатилетия», в которой автор, отмечая несомненные заслуги рассматриваемых печатных органов в деле укрепления польско-чешских связей, однако, не замалчивает и их недостатков — отсутствия концепции, определенной информационной программы и т. д.

Проблематику польско-словацких связей освещают статьи И. Хвщца (Братислава) «Тип романтической исторической повести у Чайковского и Калининского»; Я. Руссоцкой «Словацкая проблематика на страницах „Камены“ и З. Галиньской «Словацкая литература на страницах „Вспулчествености“ (1956—1967 гг.)».

В небольшой рецензии трудно представить обзор всего сборника, содержащего 14 статей, особенно учитывая разнообразие его проблематики. Кроме перечисленных работ в него вошли статья К. Горалека «Иржи Поливка о польских сказках», Б. Янковской «Польско-чешские театральные контакты в период дирекции Ф. А. Шуберта и Й. Квапила в Национальном Театре в Праге (1883—1914 гг.)», Е. Слизицкого о восприятии творчества Отокара Бржезинны в Польше, очерк Э. Маданого о публицисте и знаменитом переводчике Гашека и Чапека на польский язык — «Павел Гулька-Лясковский, переводчик и популяризатор чешской литературы в Польше».

В целом сборник представляет несомненный интерес для широкого круга славистов и демонстрирует богатое разнообразие проблем в области польско-чешских и польско-словацких литературных связей, изучение которых еще чрезвычайно далеко от завершения. Хотелось надеяться, что в области сравнительного изучения славянских литератур очередную инициативу Института славяноведения Польской академии наук поддержат и другие центры славистики в разных странах.

В. Мочалова

ЭНЦИКЛОПЕДИЯ ХОРВАТСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ТЕАТРА

В Загребе вышло солидное энциклопедическое издание — «Хорватский национальный театр. 1895—1969»¹, подготовленное большим коллективом авторов в течение двух лет.

Охватывая 75 лет деятельности театра, эти две даты (1895—1969) выделяют определенный период его истории. Первая дата совпадает с важными преобразованиями в хорватском театре конца прошлого века. С 1895 г. развернулась активная реформаторская деятельность тогдашнего директора и художественного руководителя Хорватского национального театра С. Милетича, обогатившего хорватский театр новыми приемами режиссуры, репертуаром (прежде всего реалистическим) и новой техникой, приближившего театр к лучшим достижениям европейского театрального искусства того времени. Принципы, разработанные С. Милетичем в период деятельности в Хорватском национальном театре (1894—1898), в значительной степени определили путь хорватского театра в течение последующих десятилетий XX в.

От предыдущего юбилейного сборника статей «Хорватский национальный театр. 1860—1960»² новая книга отличается и большим объемом и характером изложения. Она состоит из двух частей. Вторая — и главная — подготовлена в виде энциклопедии. Ей предшествует историческое введение, в котором излагается вся история хорватского театра.

Соответственно основным этапам развития хорватского театра введение состоит из четырех глав: от средневековья до создания первого постоянного профессионального театра на народном языке — Хорватского национального театра в Загребе (1860), первые полвека его существования до первой мировой войны и межвоенное двадцатилетие (в одной главе), партизанский театр и наконец — с 1945 г. до наших дней.

Наиболее обширно дан первый период — «Тернистый путь к самостоятельности». Это объясняется не только желанием редакции полнее представить во вводной части период, который не найдет себе отражения в энциклопедии, но и, вероятно, большей готовностью материала. Автор главы — загребский театровед П. Циндрич, опубликовавший в течение мнувшего десятилетия несколько монографий по хорватскому театру. Ему же принадлежит и единственная до сих пор общая работа в этой области³.

В театральной жизни северной Хорватии и ее исконного центра Загреба за долгие столетия, предшествовавшие появлению Хорватского национального театра, решающую роль сыграли два фактора: так называемый (школьный театр) и, впоследствии, немецкий театр.

Школьные представления, с их своеобразной манерой исполнения и особым репертуаром, были единственной формой театрального искусства в северной Хорватии на протяжении XVII и почти всего XVIII в. В своей главе Циндрич освещает театральную деятельность Иезуитской и Капюльнской гимназий и Дворянского лицея в Загребе. По сравнению со своей книгой он вводит здесь ряд новых фактов, подкрепленных ссылками на источники, уточняет некоторые даты и детали.

Для развития театрального искусства в стране национально угнетаемой, где народный язык подвергался двойному вытеснению — со стороны официальной латыни, а затем со стороны немецкого языка, — особое значение имеют факты утверждения на сцене родной речи. Поэтому заслуживает всякой поддержки стремление автора найти и представить все материалы, относящиеся к спектаклям на диалекте, будь то переводы чужих текстов (первый из них датирован 1766 г.) или относящиеся уже к началу XIX в. постановки оригинальной кайковской драматургии и прежде всего комедий Т. Брезовачкогo. Это тем более важно, что в статье, в соответствии с главной целью издания, не нашла отражения богатая национальная театральная традиция Далмации и Дубровника того времени.

С учетом национальной проблемы истории театрального искусства Хорватии автор определяет и двойственный характер деятельности немецких передвижных трупп, ежегодно посещавших Загреб в период с 90-х годов XVIII в. до 1860 г. Отмечая антинародный характер культурной политики Габсбургов в Хорватии, Циндрич вместе с тем подчеркивает положительную роль, которую сыграли для развития хорватского театра немецкие труппы, поскольку они были носителями профессионального и публичного искусства в отличие от любительских и закрытых школьных спектаклей. Циндрич перечисляет наиболее заметных антрепренеров, описывает в общих чертах репертуар, а также временные и постоянные сцены Загреба того времени⁴.

teatar. Zagreb, 1960. См. также: его же. 80 godina školovanja glumaca u Zagrebu (1881—1961). Zagreb, 1963; его же. Kronika obnove zgrade HNK. Zagreb, 1969.

⁴ Деятельность немецких трупп с полным реестром постановок освещена в обстоятельной работе Н. Батушича. N. В а

¹ «Hrvatsko narodno kazalište. 1895—1969». Enciklopedijsko izdanje. Zagreb, 1969, 721 s.

² «Hrvatsko narodno kazalište. 1860—1960». Zbornik o stogodišnjici, Zagreb, 1960.

³ P. Cindrić. Hrvatski i srpski

Среди мероприятий, направленных на создание постоянного хорватского театра, важное место занимают гастроли Передвижного любительского театра из Нового Сада в 1840—1841 гг. Новосадская труппа, показав целую серию спектаклей на народном языке — на штокавском диалекте, который должен был стать основой единого хорватского литературного языка, доказала своим существованием возможность и необходимость организации в Хорватии Национального театра. Этот яркий пример культурного сотрудничества уже привлекал внимание исследователей⁵. В рецензируемом же издании приведены Новые архивные данные, благодаря которым мы получаем более точное представление об этом важном историко-культурном событии.

Итак, в статье П. Циндрича содержится много интересных сведений. Вместе с тем остались в стороне многие специфические вопросы театрального искусства, в частности анализ драматургии, господствовавшей в ту или иную эпоху, и приемы постановок.

Эти вопросы с особой остротой возникают при переходе к следующему периоду, который начинается с момента создания постоянного профессионального национального театра. С. Батушич, автор статьи «Собственными силами (1860—1941)», хотя и оговаривает в самом начале невозможность объективной оценки актерского исполнения и режиссерских решений, вынужден все же делать те или иные обобщения.

Большой период с 1860 г. до начала второй мировой войны насыщен разнообразными событиями, которые фиксируются, благодаря относительной близости времени, намного детальнее, чем период, измеряемый в предыдущей статье веками. Более детально предстают этапы работы Хорватского национального театра: смена директоров и художественных руководителей, влияющая часто на весь стиль театра, изменения репертуара, связанные, как правило, с утверждением новых течений в литературе, наконец, по-

явление режиссеров и актеров новых направлений.

Автор рассматривает важную для развития хорватского театра литературно-критическую деятельность А. Шеноа, писателя-реалиста, неустанно борющегося в 60—80-е годы за утверждение реализма в хорватской литературе и театре. Центральное место в анализе 90-х годов занимает деятельность С. Милетича. Важным событием в жизни театра, начиная с 70-х годов, было формирование оперной труппы, работа которой вместе с краткой характеристикой национального оперного и балетного репертуара находят место в статье.

Очень удачно освещено в статье С. Батушича межвоенное двадцатилетие, которое до сих пор принадлежит к числу наименее изученных периодов в истории хорватского театра⁶. Неоценимую помощь в этом исследовании оказало автору личное участие в жизни Хорватского национального театра, где С. Батушич работал без перерыва с 1921 по 1940 г. — в качестве режиссера, заведующего литературной частью и секретаря дирекции. С большой теплотой к людям, которых он знал, с глубоким знанием событий тех лет пишет С. Батушич о подъеме хорватского театра в 20-е годы. Центральное место занимает в этом разделе творчество известного хорватского режиссера Б. Гавеллы — тогдашнего учителя С. Батушича по режиссуре⁷.

В анализе театральной жизни 30-х годов (как и в других работах по этому периоду) на первый план выдвигаются общественно-политические условия, в которых существовал театр в те годы. Печальным и частым событием в жизни Хорватского национального театра были запрещения пьес и спектаклей. На основе некоторых новых материалов о деятельности цензуры С. Батушич дополняет список пьес⁸, не допущенных к постановке за последнее десятилетие перед второй мировой войной.

Наконец, в статье Батушича отмечены контакты хорватского театра с русским. Автор подчеркивает значение русской реалистической драмы и опыта Московского Художественного театра для утверждения в хорватском театре 10—20-х годов метода сценического реализма, неоднократно указывает на роль русской оперной и

tu šić. Uloga njemačkog kazališta u Zagrebu u hrvatskom kulturnom životu od 1840 do 1860. Rad JAZU, knj. 353. Zagreb, 1968, s. 395—582.

⁵ См. L. Dotlić. Novosadsko pozorište i zagrebačko kazalište u prvoj deceniji zajedničke egzistencije. В сб. «Hrvatsko narodno kazalište. 1860—1960»; С. Батушич и Ђ. Сурадња Загреб и Новог Сада у првом деценију делатности њихових професионално организираних казалишта.— Споменаца Српског Народног позоришта у Новом Саду. 1861—1961. Нови Сад, 1961; П. Циндрич. Новосадско летеће дилетантско позориште у Загребу (1840—1842). Зборник прилога историји југословенских позоришта. Нови Сад, 1961.

⁶ Очень кратко этот период отражен в цитированной уже книге П. Циндрича, а также в передовой статье юбилейного сборника: D. Roksandić. Uloga i značenje Hrvatskog narodnog kazališta u društvenom i kulturnom životu naših naroda. В сб. «Hrvatsko narodno kazalište. 1860—1960».

⁷ См. очерк «Бранко Гавелла» в кн.: N. Bатушич. Pet stoljeća hrvatske književnosti, knj. 112. Zagreb, 1963.

⁸ Ср.: D. Roksandić. Op. cit.

балетной классики для развития хорватского музыкального театра.

Вторая мировая война почти прервала работу Хорватского национального театра, но в недрах народно-освободительного движения возникла новая форма искусства — партизанский театр, ставший ядром нового хорватского театра после освобождения. Статья Й. Кавура⁹ «И во тьме свет светит» дает основные сведения о театральной деятельности на освобожденной территории Югославии: образование и состав двух главных трупп, которые были организованы артистами Хорватского национального театра, покинувшими оккупированный Загреб, репертуар и главные спектакли. В статье использованы ценные свидетельства руководителя Театра народного освобождения (Югославия) В. Африча¹⁰ и одного из организаторов второй труппы (впоследствии — Центральная театральная труппа при ZAVNOH) Й. Грегорины¹¹.

Четвертая глава — «На пороге новой эпохи» принадлежит перу А. Рейхинга¹². Автору удалось не только сказать о наиболее выдающихся творческих личностях, работавших в Хорватском национальном театре, о репертуаре театра и утверждении его на зарубежных сценах (особенно оперного ансамбля), но и отметить основные вехи развития хорватского театрального искусства после 1945 г., хотя и на примере только загребской театральной жизни.

В энциклопедической части книги охвачено, по сообщению редакции, около пяти тысяч позиций, характеризующих главных деятелей Хорватского национального театра с 1895 по 1969 г. — актеров, режиссеров, художников, солистов оперы и балета, драматургов и композиторов, критиков и руководителей театра. В результате статьи Энциклопедии Хорватского национального театра отличаются завидной полнотой.

Большой заслугой организаторов этого издания следует признать привлечение к работе наиболее известных специалистов по истории хорватского театра. Благодаря небольшому количеству авторов книга обладает известным единством стиля.

⁹ Й. Кавур — солист балета Хорватского национального театра в 1938—1947 гг. В последующие годы занимал ряд административных постов в дирекции ХНТ. В настоящее время — заместитель директора театра.

¹⁰ См. V. A f r i ć. Sjećanje na Kazalište narodnog oslobođenja. В сб. «Hrvatsko narodno kazalište. 1860—1960».

¹¹ J. G r e g o r i n. O kazališnoj aktivnosti na oslobođenom području. Ibid.

¹² А. Рейхинг — драматург, переводчик, театральный критик. В настоящее время работает в Хорватском национальном театре руководителем драматургической части оперы.

Почти все статьи об актерах, режиссерах и театральных художниках написаны С. Батушичем. Работы С. Батушича в этом издании, в отличие от его же статей в Энциклопедии Югославии или в Энциклопедии изобразительных искусств, выполнены с большой детализацией и точностью в смысле профессиональной характеристики. Статьи о крупнейших хорватских актерах и актрисах Д. Дуйшине, М. и М. Дмитриевичах, М. Ружичке Строчиц, о таких режиссерах, как Б. Гавелла, И. Раич и Й. Бах, о театральных художниках Л. Бабиче и В. И. Жедринском по своей полноте и высокому литературному уровню представляют собой превосходные очерки их жизни и деятельности.

Статьи о хорватских драматургах написаны Б. Хечимовичем, автором, который в последние годы интенсивно работает в области изучения хорватской драмы, особенно XX в. Большинство из его статей обширны и дают полное представление о литературной деятельности того или иного писателя. Б. Хечимович стремится определить вклад каждого драматурга в историю хорватского театра. В ряде случаев он пересматривает установившиеся взгляды на место отдельных писателей в общем историко-культурном процессе.

Удачно решена в этом издании проблема отражения мировой драматургии. Произведения мировой драматургии, естественно, занимали на хорватской сцене значительное место и иной раз численно преобладали над отечественными. В Энциклопедии есть небольшие статьи (написанные в основном А. Рейхингом) о мировых классиках и о крупнейших современных зарубежных драматургах, включая русских и советских, а каждое произведение, поставленное на сцене Хорватского национального театра, названо отдельно с датами отечественной, югославской и хорватской премьеры, а также с указанием имен режиссера, художника и исполнителей.

Подобным образом распределен и материал, касающийся развития оперного и балетного искусства. Главное внимание уделено отечественному оперному творчеству. Статьи о хорватских композиторах Я. Готовце, В. Лисинском, И. Зайце, а также о лучших солистах хорватской оперы, получивших мировую известность, — М. Тринине, З. Кунц-Миланове, М. Чагалоиче и др. (автор — К. Ковачевич, композитор и музыкальный педагог), не уступают статьям о крупнейших оперных композиторах мира.

Важной особенностью Энциклопедии является большое число общих статей, охватывающих наиболее крупные проблемы и события, например, такие как «Драма», «Опера» и «Балет» в Хорватском национальном театре. Поскольку история Хорватского национального те-

атра излагалась во введении, эти статьи представляют собой как бы краткий справочный обзор изложенного ранее материала. К сожалению, нет специальной статьи о драматургии, а в статье о драме прослеживается лишь репертуар (автор — Б. Хечимович), и таким образом в Энциклопедии нет анализа направлений национальной драматургии. История театра дается отдельно от развития драматургии. Драма по-прежнему остается в компетенции специальных литературоведческих работ, хотя бы того же Б. Хечимовича¹³. Единственный цельный обзор развития хорватской драматургии имеется до сих пор в Энциклопедии Югославии¹⁴.

¹³ См. раздел о драме межвоенного периода в коллективном труде «Панорама хорватской литературы XX в.» («Panorama hrvatske književnosti XX stoljeća. Zagreb, 1965) и соответствующую статью в кн.: Rad JAZU, knj. 353.

¹⁴ См. «Dramska književnost kod Hrvata». Enciklopedija Jugoslavije, knj. 3.

В отдельных статьях отражена также история оркестра Хорватского национального театра и оформительно-декоративного искусства, описан архив и музей театра. Достаточно внимания уделяется истории театрального образования в Хорватии. Наряду с общей статьей «Актерские школы при ХНТ» есть пять специальных статей о каждой из школ и об Академии театрального искусства.

Книга богато иллюстрирована и снабжена наглядными таблицами. Принимая во внимание, что многие материалы по истории хорватского театра мало доступны, это издание представляет исключительную ценность для историка хорватского театра, тем более, что это единственное издание такого рода в Югославии.

А. В. Каллош

Zagreb, 1958. (Автор — драматург и литературовед М. Маткович).

НОВЫЙ ТРУД БОЛГАРСКОГО УЧЕНОГО О ВЛАДИСЛАВЕ ГРАММАТИКЕ

Издательство Болгарской академии наук недавно выпустило в свет книгу доцента Тырновского Высшего педагогического института им. Кирилла и Мефодия Г. Данчева «Владислав Грамматик — ученый и писатель¹». Видный представитель славянской литературы XV в., Владислав Грамматик давно привлекал к себе внимание ученых России, Болгарии и Югославии. Многие важные вопросы, связанные с изучением его жизни и творчества, являются спорными: происхождение писателя (болгарское или сербское), пребывание Владислава в Рильском монастыре, связи его с Константином Костенчским, Димитрием Кантакузином, Димитрием Кратовским, Мардарием и др., участие Владислава в создании повести о восстановлении Рильского монастыря и перенесении мощей Ивана Рильского из Тырнова в Рилу, участие Владислава в создании Рильского панегирика и др. И после выхода в свет настоящей монографии многие из этих вопросов не нашли еще своего решения.

Перу Владислава Грамматика, несомненно, принадлежат четыре объемах сборника, хранящиеся ныне в библиотеках Одессы, Загреба и Рильского монастыря. Эти сборники насчитывают

4300 страниц и содержат более 260 произведений около 50 византийских и славянских писателей. Комплексное изучение состава этих рукописей, оригинальных приписок, комментариев и дополнений к переписанным сочинениям помогло бы полнее раскрыть творческий образ Владислава Грамматика, его широкую культуру и эрудицию. Полное научное изучение сборников Владислава Грамматика — вот та центральная задача, которая стоит перед каждым исследователем, который берет на себя нелегкий труд нового изучения всего комплекса вопросов, связанных с Владиславом Грамматиком. Именно эту задачу впервые и пытается решить в своей монографии Г. Данчев.

Во введении (стр. 5—8) дается краткий обзор истории изучения вопроса и определяются круг нерешенных проблем. В главе «Владислав Грамматик и его время» (стр. 9—31) освещается эпоха конца XIV — первой половины XV в., время турецкого завоевания Балкан; автор подробно останавливается на приписке в сборнике 1456 г., в которой дьяк Владислав упоминает «Ново Брьдо» близ Призрена. Многие исследователи полагали, что Владислав будто бы родился в Новом Брьде, центре горнодобывающей промышленности и торговли на Балканах. Однако никаких доказательств для подкрепления этой гипотезы нет. Среди жителей Нового Брьда было немало пришельцев из других мест — греков, болгар, итальянцев и др. Г. Данчеву посчастливилось

¹ Г. Данчев. Владислав Грамматик — книжник и писатель. Отговорен редактор проф. П. Русев. Издательство на Българската академия на науките. София, 1969, 148 стр.

найти документ 1434 г., который позволяет предполагать, что поп Владислав был одним из таких пришельцев, женившимся около 1433—1434 гг. на дочери одного из новоборднских старожилов — Ласича. Не менее интересны и две другие находки Г. Данчева в Дубровницком историческом архиве, в которых упоминается имя дьяка Владислава. Один документ — расписка — был написан в 1466 г. на острове Локрум по просьбе герцога Влатко самим Владиславом, что подтверждается сравнением почерка документа с почерком Владиславовых сборников.

Шаг за шагом болгарский исследователь пытается отыскать следы пребывания Владислава Грамматика в 50—70-е годы XV в. в с. Младо Нагорично (близ Куманово), в Герцеговине, в Жеглиговском и Рильском монастырях, в селах Ежово и Серско.

В главе «Владислав Грамматик — переписчик и составитель сборников» (стр. 32—84) предметом исследования являются четыре известных в науке Владиславовых сборников 1456, 1469, 1473, 1479 гг., а также переписанный около 1480 г. Владиславом совместно с Мардарием «Шестоднев» Иоанна Златоуста. Г. Данчев воссоздает творческий облик писателя, содействовавшего культурному сближению балканских народов славянского юга и не замыкавшегося в своих интересах рамках церковной догматики. Владиславовы сборники свидетельствуют о высокой образованности, энциклопедичности их создателя, прекрасно знавшего и умевшего использовать сочинения византийских и античных писателей и философов. Г. Данчеву удалось показать композиционное своеобразие сборников, а также некоторые компиляторские приемы Владислава Грамматика. В целом характеристика содержащихся в сборнике произведений дается суммарная, литературная история каждой из статей до конца не выясняется, потому и остаются еще не проясненными многие вопросы, связанные с мастерством Владислава как средневекового текстолога и грамматиста.

В особом разделе этой главы «Предполагаемые Владиславовы рукописи» (стр. 78—84) характеризуются рукописи, чья атрибуция Владиславу условна. Это

«Тактикон» Никона Черногорца, хранящийся на Афоне; сборник бывшей Белградской народной библиотеки XV в., погибший в 1941 г.; Рильский панегирик 1483 г., хранящийся в Рильском монастыре; рассказ о перенесении мощей апостола Луки из Рогоза в Смедерево, хранящийся в монастыре Врджик; житие св. Савы, хранящееся в Музее православной церкви в Сараеве.

В главе «Владислав Грамматик — автор оригинальных произведений» (стр. 85—129) Г. Данчев рассматривает оригинальные творения писателя — различные приписки и заметки, а также повесть о восстановлении Рильского монастыря и о перенесении мощей Ивана Рильского из Тырново в Рилу. Он касается ряда спорных вопросов, связанных с проблемой атрибуции двух редакций повести — белградской и рильской, времени и места их возникновения, и приходит к весьма вероятным выводам: Владиславу Грамматику принадлежит рильская редакция повести, написанная по живым следам событий в 1469 г.

Следуя традициям Тырнонской школы (Житию Ивана Рильского в редакции Евфимия Тырнового), Владислав Грамматик уделяет особое внимание описанию жизни болгарского народа в условиях турецкого рабства. Трагедия родины и судьбы поработенных балканских народов интересуют писателя прежде всего. Замечательный рассказчик-беллетрист, Владислав Грамматик продолжил здесь свойственные болгарской литературе XIV—XV в. традиции правдивого, реалистического отображения отдельных сторон жизни болгарского народа. Эта глава, несомненно, одна из самых удачных в рецензируемой книге.

В «Приложении» (стр. 135—144) напечатаны все приписки Владислава Грамматика. Их издание является немаловажным подспорьем для будущих исследователей.

Отсутствие именной указателя и указателя названий произведений несколько затрудняет чтение книги, написанной живо, увлекательно и на высоком историко-филологическом уровне.

Научные достоинства рецензируемой книги заставляют признать ее немаловажным вкладом в славяноведение.

Ю. К. Бегунов

БИБЛИОГРАФИЯ

ВАЖНЕЙШИЕ СТАТЬИ И МАТЕРИАЛЫ ПО СОВРЕМЕННОМУ ПОЛОЖЕНИЮ, ИСТОРИИ, КУЛЬТУРЕ И ЯЗЫКАМ ЗАРУБЕЖНЫХ СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ, ОПУБЛИКОВАННЫЕ В СОВЕТСКИХ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЯХ в 1970—1971 гг.

1. ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАН
ЕВРОПЫ

Г л ы з и п Е. Д. Общее и особенное в проявлении законов социализма. (На примере развития социалистических стран.) В кн.: Дialeктика социальных явлений. Куйбышев, 1970.

К у з ь м и ц А. Польша: важные задачи. (В свете решений VIII пленума ЦК ПОРП). «Новое время», 1974, 19 февр., № 8.

Р о м а н ю к В. Н. В. I. Ленин про необходимость рiшучої боротьби проти буржуазного націоналізму. (На примере современной Чехословакии.) В кн.: Идеї Леніна перемагають. Київ, 1970.

Щ е п а н с ь к и й Ян. Марксизм — ленинизм как методологическая основа научного предвидения. «Проблемы мира и социализма». Прага, 1971, № 1.

1. Международные отношения, взаимоотношения братских стран и партий, внешняя политика

К а в к о А. Польские коммунисты в борьбе за чистоту ленинизма (О борьбе с ревизионизмом внутри ПОРП в годы становления социализма.). В кн.: Из опыта коммунистических партий в свете идей ленинизма. М., 1970.

Н о в ы й В. Партия и общество после пленума ЦК КПЧ. «Новое время», 1971, 29 янв., № 5.

С е к е р и н А. И. Ленинские принципы революционной стратегии и тактики и современный антикоммунизм. В кн.: На путях строительства коммунизма. Челябинск, 1970.

С л у ц ь к и й В. Д. Про керівну роль комуністичної партії в країнах соціалізму при багатопартійній системі. В кн.: Идеї Леніна перемагають. Київ, 1970.

Т р о ф и м о в Г. М., Б а т у е в Д. Ж., В о л о д и м и р с ь к и й В. А. Пролетарський інтернаціоналізм у взаємовідносинах між соціалістичними країнами та країнами, які розвиваються. В кн.: Идеї Леніна перемагають. Київ, 1970.

Т у н к и н Г. Два направления в мировой политике и мирное сосуществование. Мировая экономика и междунар. отношения, 1971, № 2.

Т у н к и н Г. И. В. И. Ленин и принципы отношений между социалистическими государствами. В кн.: Советский ежегодник международного права. 1969. М., 1970.

Уроки кризисного развития в компартии Чехословакии и обществе после

XIII съезда КПЧ. (Документ, принятый на пленум ЦК КПЧ в декабре 1970 года. Парт. жизнь, 1971, № 3.

Ш и р я е в а К. М. Інтернаціональний характер лєнінського вчення про зростання керівної ролі комуністичної партії в будівництві соціалізму і комунізму. В кн.: Идеї Леніна перемагають. Київ, 1970.

2. Экономика, экономическое сотрудничество

А л ь т ш у л л е р А. Б. Некоторые правовые аспекты валютно-финансовых отношений стран — членов СЭВ. В кн.: Советский ежегодник международного права. 1969. М., 1970.

Б а р б о в Т. С. Экономические показатели работы железнодорожного транспорта Болгарии. Ж. д. транспорт. М., 1970, № 12.

Б а р т Ф. Две мировые системы сегодня и завтра. «Проблемы мира и социализма», Прага, 1971, № 1.

Б а у т и н а Н. В. Особенности формирования механизма экономического сотрудничества стран СЭВ. Вестн. Моск. ун-та. Экономика, 1971, № 1.

Б и р ю к о в Ю., К о б з а р ь Э. Развитие сельского хозяйства стран — членов СЭВ. (Обзор некоторых итогов и перспектив.) Экономика сел. хоз-ва, 1971, № 2.

Б о ч к о в а В., Б у т а к о в Д. Банковский процент в европейских социалистических странах. Деньги и кредит, 1971, № 1.

Б у т а к о в Д. Платежи промышленных предприятий в бюджет в европейских социалистических странах. «Финансы СССР», 1971, № 1.

В о й ц е ш а к Э. Развитие вычислительной техники в 1970—1975 годах в ПНР. В кн.: Проблемы научной организации ВЦ в системе статистики зарубежных стран. М., 1970.

Г о р я ч е в В. Атомная энергетика: сотрудничество СССР с другими странами. Междунар. жизнь, 1971, № 2.

Г р е б е н н и к о в Б. Координация народнохозяйственных планов. Междунар. жизнь, М., 1971, № 1.

Г р и н г о л ь ц И. А. Повышение роли договоров в организации материально-технического снабжения в Польше. Экономика и организация материально-техн. снабжения, 1971, № 7.

Десятилетие деятельности Постоянной комиссии СЭВ по использованию атомной энергии в мирных целях. Бюл. эконом. информации СЭВ, 1970, № 6.

Доценко А. П. Критика антикоммунизму з питань економічного змагання соціалістичної і капіталістичної систем світового господарства. Питання політ. економії, Київ, 1970, вип. 68.

Дубинский И. Научно-техническая революция и развитие экономики стран СЭВ. Вопросы экономики, М., 1971, № 1.

Дудинский И. В. Возникновение мировой системы социализма и новые тенденции в мировом революционном процессе. Вопросы истории, 1971, № 1.

Кобзарь Э. Ценообразование в европейских странах социализма. Эконом. газета, 1971, № 5.

Ковалева Т. С. Критика некоторых теоретических моделей управления социалистическим производством. Труды Ленингр. инт.-эконом. ин-та, 1970, вып. 81.

Колосов Ю. Правовые аспекты сотрудничества социалистических стран в 1968 г. В кн.: Советский ежегодник международного права. 1969. М., 1970.

Котова Н., Ларпонова Ж. Использование ЭВМ в статистике и экономике ЧССР. В кн.: Проблемы научной организации ВЦ в системе статистики зарубежных стран. М., 1970.

Кравцова И. Г., Погорельская С. В. Формы и методы экономического стимулирования производства на экспорт в некоторых европейских социалистических странах. Вестн. Моск. ун-та. Экономика, 1971, № 1.

Кредисов А. И. Проти переключень буржуазними теоретиками «конвергенції» проблем розподілу і споживання при соціалізмі. Питання політ. економії. Київ, 1970.

Лиферов А. П. Топливные ресурсы и особенности формирования топливной базы социалистической республики Словакии. Уч. зап. Моск. пед. ин-та, 1970, № 393.

Лобунець О. Г. Критика буржуазных теорий социалистичного планування. Питання політ. економії, Київ, 1970, вип. 68.

Максаковский В. П. К вопросу о темпах роста производства и потребления топлива в социалистических странах. Уч. зап. Моск. пед. ин-та, 1970, № 393.

Михеев С. В. Советско-болгарское экономическое сотрудничество и его значение для развития народного хозяйства Болгарии. В кн.: Московский институт, международных отношений. Уч. зап. кафедры политич. экономии. М., 1970.

Молдован В. И. Деякі питання господарського розрахунку в європейських соціалістичних країнах. Питання політ. економії. Київ, 1970.

Никольский А. С. Перспективы развития энергетики Болгарии. Бюл. иностр. коммерч. информации. М., 1971, 5 янв.

Носко П. Т. Инвестиционный банк действует. (О работе Международного инвестиционного банка социалистических стран.) «Новое время», 1971, 15 янв., № 3.

Ольсевич Ю. Я. Критика взглядов буржуазных экономистов на структуру социалистического видтворения. Питання політ. економії. Київ, 1970, вип. 68.

Павлов Г. Развитие болгарской химической промышленности. Пром-сть Армении, Ереван, 1970, № 12.

Плышевский Б., Лейкина К. Вопросы фондоемкости и капиталоемкости производства (по материалам 2-го научного симпозиума Рабочей группы по эффективности капиталовложений СЭВ, состоявшегося 6 октября 1970 г. в Будапеште). «Вопросы экономики», 1971, № 2.

Пождняков В. Правовое регулирование сотрудничества стран СЭВ. Внешн. торговля, М., 1971, № 1.

Положение о совещании представительств стран — членов Совета Экономической Взаимопомощи по правовым вопросам. Утверждено Исполнительным Комитетом 22 октября 1970 г. Бюл. эконом. информации СЭВ, 1970, № 6.

Польская химическая промышленность. Пром-сть Армении, Ереван, 1970, № 12.

Прогнозирование и социалистическое планирование. (Ответы ученых ряда социалистических стран на анкету журнала.) «Проблемы мира и социализма», Прага, 1971, № 1.

Протокол о характере и формах сотрудничества между Советом Экономической Взаимопомощи и Международным Банком Экономического Сотрудничества. (Подписано 20 июля 1970 г. в Москве). Бюл. эконом. информации СЭВ, 1970, № 6.

Розенберг М. Г. Общие условия поставок СЭВ 1968 года. В кн. Советский ежегодник международного права. 1969. М., 1970.

Рокитко А. И. Критика антимакистських поглядів з питань соціалістичної перебудови сільського господарства. Питання політ. економії, Київ, 1970, вип. 68.

Сецомский К. Прогноз, план, экономическая политика. Проблемы мира и социализма, Прага, 1971, № 1.

Совещание представителей стран — членов СЭВ по правовым вопросам. (О первом заседании в июле 1970 г. в Москве.) Бюл. эконом. информации СЭВ. 1970, № 6.

Минкина Е. С. Сотрудничество социалистических стран в области внедрения и эксплуатации электронно-вычислительной техники в библиотеке. (Обзор.) Информация о библиотечном деле и библиогр. за рубежом, М., 1970, вып. 6.

Ступницкий Г. С. Критика буржуазных концепций з питань економічної відносин соціалізму. Питання політ. економії. Київ, 1970, вип. 68.

Сущинська І. Ю. Критика антикомунізму з питань співіснування двох світових систем. Питання політ. економії. Київ, 1970, вип. 68.

Токарева П. А., Важная форма международного научного сотрудничества стран социализма. В кн.: Советский ежегодник международного права, 1969. М., 1970.

Токарева П. А. Правовые основы Совета Экономической Взаимопомощи. В кн. Советский ежегодник международного права. 1969, М., 1970

Услевич М. Проблемы повышения эффективности производства в европейских странах — членах СЭВ. «Вопросы экономики», 1971, № 2.

Хавіна С. А. Критика буржуазної теорії «командної економіки». Питання політ. економії, Київ, 1970, вип. 68.

Чернейко Г. Экономические успехи Болгарии. «Новое время», 1971, 5 февр., № 6.

Черненко М. С., Леус Н. П. Критика антимарксистских взглядов планового развития социалистичної економіки. Питання політ. економії. Київ, 1970, вип. 68.

Чистяков Г. Социалистическая экономическая интеграция. «Вопросы и ответы», 1971, № 2.

Шопов В. Аграрно-промышленный комплекс и концентрация сельскохозяйственного производства в Болгарии. Закупки с.-х. продуктов, 1971, № 2.

Ястремский И. С. Критика антиленінської теорії використання товарно-грошових відносин у соціалістичній економіці. Питання політ. економії. Київ, 1970, вип. 68.

3. Государственное строительство. Право

Баффа Е. Основные направления кодификации уголовного права ПНР. Сов. государство и право. М., 1971, № 1.

Березовская С. Г. Административное производство в НРБ. (Изложение Закона об административном производстве, принятого Народным собранием 24 июня 1970 г.) Сов. государство и право, М., 1971, № 1.

Дмитриев А. Народное Войско Польское. «Коммунист Вооруженных Сил», М., 1970, № 14.

Еловцкий М. Профессиональные работники в аппарате Национальных советов ПНР. Сов. государство и право, 1971, № 2.

Погорелов Я. Д. Демографические процессы в Польской Народной Республике. Сов. здравоохранение, М., 1971, № 2.

Мошняга В. Роль ВЛКСМ в укреплении и развитии интернационального сотрудничества союзов молодежи социалистических стран. В кн. Позывные истории. Вып. 2, М., 1970.

Савранская Т. А. Новое в трудовом законодательстве Чехословакии. Труд и зар. плата. М., 1970, № 5.

Симчера В. Рост материального благосостояния трудящихся социалистических стран. «Слово лектора», 1971, № 2.

Ситкевич Г. Принципы организации и основные тенденции в развитии промышленного здравоохранения в Польской Народной Республике. Сов. здравоохранение, М., 1971, № 2.

II. ЗАРУБЕЖНЫЕ СЛАВЯНСКИЕ СТРАНЫ

1. История

Байкова С. М. О движущих силах восстания 1863 г. на территории Белоруссии. В кн.: Историко-социологические исследования. М., 1970.

Вознесенский В. Д. Царь Борис, Гитлер и легионеры. (К вопросу о политических отношениях между двумя партнерами по троитвенному пакту.) «Новая и новейшая история», 1971, № 1.

Волков Ф. Д. Новые документы об использовании пленных чехословаков для интервенции против Советской России. «Вопросы истории», 1971, № 2.

Георгиев К. Некоторые проблемы археографии и печатной документальной базы болгарской исторической науки. Сов. архивы. 1971, № 1.

Гончарук П. С. Питання дняння та співробітництва народів у поглядах мрилло-мефодіївців. Укр. іст. журн., Київ, 1971, № 1.

Гумнюк Е. Н. Раздробление крестьянской земли и применение института рентных имений в Галиции. (Об эволюции крестьянского землепользования в конце XIX в.) В кн.: Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1965 г., М., 1970.

Данилова Н. П. Аграрные законы 40—50-х годов XIX в. и зарождение элементов капиталистических отношений в сельском хозяйстве Боснии и Герцеговины. В кн.: Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1965, М., 1970.

Дорошенко В. В. «Модель» аграрного строя Речи Посполитая XVI—XVIII вв. (споры польских историков вокруг книги Витольда Кули). Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1965 г. М., 1970.

Данилов В. А. Великий Октябрь и иностранные военнопленные на Урале и в Сибири. Уч. зап. Свердл. пед. ин-та и Тюменского пед. ин-та. Тюмень, 1970, сб. 154. Ист. сб., вып. 3.

Делеган М. Документи з історії Закарпатської крайової організації комуністичної партії Чехословаччини. Архивы Украины, Київ, 1970, № 6.

Дьяков В. А., Зайцев В. М., Обушанкова Л. А. Социальный состав участников польского восстания

1830—1831 гг. (по материалам западных губерний Российской империи). В кн.: Историко-социологические исследования. М., 1970.

Жорж Санд и крестьянско-плебейская революция в Чехии. В кн.: Из истории еврейских литератур. Л., 1970.

З л у п к о С. М. Характеристика джерел з історії марксистсько-ленінської суспільно-економічної думки в Західній Україні. Іст. джерела та їх використання. Київ, 1970, вип. 5.

К а л е н и ч е н к о П. М. Революційні виступи у війську польському (листопад 1918 р.— жовтень 1919 р.). Укр. іст. журн. Київ, 1970, № 12.

К а м б у р о в Г. Памятники русской и советской славы в Болгарии. Воен.-ист. журн. 1971, № 2.

К і с я л ь о у Г. Справа подпорушника Будзіловіча. (Деятель революционного ополчення в Польше 1863—1864 гг.) «Польмя», Мінск, 1971, № 2.

Л а в р о в с к и й Н., Ч у г у н о в М. Сибиряк из Польши. (Галицкий Феликс Михайлович, член СДРП Польши и Литвы, сражался за Советскую власть в Сибири, умер в СССР в 1949 г.) В кн. Они боролись за власть Советов. Новосибирск, 1970.

Л а п т е в а Л. П. Восстание 1775 года в Чехии и Моравии. В кн.: Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1965 г. М., 1970.

М е л е ш к о В. И. Магнатское и крестьянское хозяйства Шкловского графства во второй половине XVII—XVIII в. (до воссоединения с Россией). В кн.: Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1965 г., М., 1970.

М е л ь н и ч у к Я. С. К вопросу о

крестьянской общине в Прикарпатье в XVII—XVIII вв. В кн.: Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1965 г. М., 1970.

О л і й н и к Б. М. Закондарчі документи Галицького революційного комітету. (Серпень — вересень 1920 р.). Іст. джерела та їх використання. Київ, 1970, вип. 5.

С е д о в В. В. II Международный конгресс археологов-славистов. (Берлин, 24—28, авг. 1970 г.) Вестн. АН СССР, 1971, № 1.

С е м е н о в В. Л. К вопросу об участии С. М. Степняка-Кравчинского в освободительной борьбе народов Балканского полуострова от турецкого ига в 1875 г. Труды кафедр обществ. наук Перм. мед. ин-та, 1970, т. 102. Вопросы философии, истории КПСС, экономики, вып. 7.

С и д е л ь н и к о в С. И. О численном и социальном составе болгарских революционных организаций в 1869—1873 г. В кн.: Историко-социологические исследования. М., 1970.

Т а л ь в и р с к а я З. Я. К вопросу о социальном облике мелкого дворянства в 1860-х годах. (По материалам трех уездов Минской губ.: Слуцком, Пинском и Новогрудском.) В кн. Историко-социологические исследования. М., 1970.

Т в е р д о х л і б В. Ю. До 40-річчя масових революційних виступів трудящих Західної України. Укр. іст. журн., Київ, 1970, № 12.

Т п щ е н к о В. М. Радянська преса про солідарність трудящих УРСР з боротьбою рабінників і селян Західної України в період світової економічної кризи (1929—1933 рр.). Вісн. Львівського ун-ту. Сер. іст. 1970, вип. 6.

СОДЕРЖАНИЕ ИНОСТРАННЫХ ЖУРНАЛОВ

«Исторически преглед», 1970, № 6

Д. К о с е в. XIII международный конгресс исторических наук в Москве; Г. Л и т а р и н. Темпы и специфика социально-экономического развития средневековой Болгарии в сравнении с Византией (начало VII — конец XII в.); Е. Ц в е т к о в а. Установление Пятой республики во Франции (июнь — декабрь 1958 г.); Г. Д и м и т р о в. Сентябрьское восстание в 1923 г. в Благоевградском округе; А. П а н т е е в. Миссия д-ра Г. Волковича в Афинах (март — апрель 1890 г.); Л. Г о р и н а. Поход графа Амедея VI Савойского против Болгарии в 1366—1367 гг.

«Литературна мисъл», 1970, № 6

Е. Д и м и т р о в а. О психологической характеристике в творчестве Йовкова; Е. К о н с т а н т и н о в а. У истоков жизни; Е. О г н я н о в а. Михаил

Арнаутов как фольклорист. Наблюдения и разговоры; И. С а р а н д е в. Критическая программа Пенчо Славейкова; А. К а д и ч. Штрессмайер и болгары; Ц. С т о я н о в. Дело Эмили Дикинсон.

«Przegląd Historyczny», 1970, № 4

Б. З е н т а р а. Политические отношения между Западным Поморьем и Польшей во второй половине XII в.; А. В ы р о б и ш. Политика Фирлеев по отношению к городам в XVI в. и основание Яновца на Висле; Т. О п а с. Личная свобода мещан шляхетских городов люблинского воеводства во второй половине XVII и в XVIII в.; А. К а с т о р ы. Роль Верхней Силезии в польско-чехословацком конфликте из-за Тепинской Силезии (1918—1921); Е. Т о м а ш е в с к и й. Национальный состав населения Чехословакии 1918—1939 гг. (Статистический очерк).

ИСТОРИКО-СЛАВИСТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В КУБАНСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

За последние годы в нашей стране ряд педагогических институтов был преобразован в университеты. В 1969 г. на базе Краснодарского педагогического института был создан Кубанский университет. Одной из новых и обязательных дисциплин, изучаемых студентами исторического факультета, стала история южных и западных славян. Таким образом, создались более благоприятные условия для изучения истории зарубежных славянских народов, начало которому еще в пединституте было положено доц. Д. Г. Песчаным, ныне заведующим кафедрой всеобщей истории Кубанского университета.

Большое место в исследованиях Д. Г. Песчаного занимает проблематика русско-болгарских связей в XIX в., а в последнее время — связей и сотрудничества Советского Союза и Народной Республики Болгарии. Им была защищена кандидатская диссертация на тему «Роль России в национально-культурном движении болгарского народа в 30—40-х годах XIX в.», опубликован ряд статей по истории русско-болгарских культурных связей¹. В настоящее время Д. Г. Песчаный подготовил работу, посвященную сотрудничеству СССР и НРБ в период социалистического преобразования болгарского сельского хозяйства (1948—1958 гг.).

Проблемам средневековой истории южных славян посвящена исследовательская работа В. В. Захарова, защитившего в 1970 г. в Воронежском университете кандидатскую диссертацию по истории аграрных отношений в средневековой

Далмации². Вопросы русско-болгарских связей в X—XV вв. изучает лаборант кафедры Г. Н. Борботько. Таким образом, на кафедре всеобщей истории Кубанского университета складывается небольшой коллектив славистов, специализирующихся в основном в области изучения аграрной истории южных славян, истории связей народов СССР с народами Болгарии и Югославии.

На научной конференции университета, состоявшейся в феврале 1971 г., славянская тематика была представлена докладом Д. Г. Песчаного «Об объективных и субъективных трудностях в кооперировании болгарского села в 1951—1956 гг.», а также сообщениями преподавателя кафедры Р. М. Ачагу «Об укреплении материально-технической базы социалистического сельского хозяйства в НРБ в 1956—1966 гг.» и В. В. Захарова «Далматинская деревня и город в X—XIV вв.».

Историки-слависты КГУ поддерживают тесные связи с учеными и научными учреждениями Советского Союза, Болгарии и Югославии. Они принимают активное участие в работе межвузовских конференций историков-славистов.

История славянских народов занимает все более важное место в тематике студенческих курсовых работ.

Славистами Кубанского университета в газетах Краснодарского края опубликован ряд статей, посвященных советско-болгарской дружбе, в помощь лекторам издаются материалы о достижениях болгарского народа за годы социалистического строительства, о результатах сотрудничества СССР и НРБ, о связях Краснодарского края с этой братской страной³.

В. В. Захаров

¹ Д. Г. Песчаный. Русско-болгарские культурные связи в 30—40-х годах XIX в. В сб. «Из истории русско-болгарских отношений». Изд-во АН СССР, 1958; его же. Ю. Венелин в болгарском взраждане. «Исторически преглед». София, 1970, № 1.

² В. В. Захаров. Аграрные отношения в Задарском дистрикте X—XIV вв. (Из истории социально-экономического развития средневековой Далмации). Автореферат канд. дисс. Воронеж, 1970.

³ Р. М. Ачагу, Д. Г. Песчаный. Наш друг — Болгария. Краснодар, 1970.

ЛЕОНИД САМОЙЛОВИЧ ЕРИХОНОВ

23 января 1971 года скончался советский исследователь болгарской общественной мысли и литературы доктор филологических наук, профессор Леонид Самойлович Ерихонов.

Родился Л. С. Ерихонов 22 января 1906 г. в г. Улан-Удэ. В 1927 г. он окончил факультет права и хозяйства Иркутского государственного университета, в 1933 г. — аспирантуру по философии Куйбышевского педагогического института. В конце 30-х годов Л. С. Ерихонов занимался также на филологическом факультете Киевского университета, который закончил в 1941 г. по отделению западных языков и литератур. С 1941 г. находился в рядах Советской армии, участвовал в Великой Отечественной войне. После окончания войны работал в Военном институте иностранных языков (1945—1954), а затем заведовал кафедрой русского и иностранных языков в Пензенском политехническом, Воронежском инженерно-строительном и политехническом институтах.

Л. С. Ерихонов проявлял живой интерес к болгарской литературе, русско-болгарским литературным связям и к истории болгарской общественной мысли. В конце 40-х и начале 50-х годов появляются его статьи о Х. Ботева, Л. Каравелова, И. Вазова, К. Велкова. Первой крупной работой обобщающего характера явилась его книга «Русские революционные демократы и общественная мысль южных славян в 60—70-х годах XIX в.» (М., 1950). Это был первый труд в нашей славянистической литературе, в котором автор в общем плане характеризовал воздействие русской революционной мысли на творчество и деятельность Х. Ботева, Л. Каравелова и С. Марковича. В 1954 г. по теме этой книги Л. Е. Ерихонов защитил в Киевском университете кандидатскую диссертацию.

Внимание исследователя привлекала деятельность болгарских революционеров, писателей и просветителей 50—70-х годов XIX в. С обзорами об их деятельности, с рецензиями на научные работы, посвященные им, Л. С. Ерихонов

неоднократно выступал в нашей периодической печати. К числу наиболее значительных его работ, опубликованных в научных изданиях, относятся статьи: «Мировоззрение Л. Каравелова» (1957), «Педагогические взгляды Л. Каравелова» (1959), «Журнал Раковского «Болгарские древности»» (1961), «Л. Каравелов в журнале «Знание»» (1966), «Прыжов — исследователь славянского быта» (1968).

С начала 60-х годов большая часть научных работ Л. С. Ерихонова публикуется в Болгарии. Центральное место в этих публикациях заняли проблемы русско-болгарских связей XIX и XX вв. Новизной материала, принципиальностью в постановке актуальных вопросов отличались такие статьи, как «Л. Каравелов и русское общество» (1963), «Жинзифов в русской печати» (1963), «Жинзифов и Бартенев» (1963), «Х. Ботев в русской критике и переводах» (1960), «Бакалов в Советском Союзе» и «Болгарская литература в 20—30-е годы в СССР» (1960). Эти статьи в доработанном виде, а также очерк «Г. Раковский в Одессе» составили отдельную книгу слависта «Русское общество и болгарская литература» (1967), выпущенную в Софии на болгарском языке. На основе привлечения неизвестных материалов из архивов Советского Союза и Болгарии, из периодической печати разных лет исследователю удалось воссоздать в книге широкую картину русско-болгарских отношений. В 1967 г. эта работа была успешно защищена на филологическом факультете Софийского университета в качестве докторской диссертации. Она получила положительные отзывы в болгарской печати.

Среди других работ Л. С. Ерихонова по межславянским литературным связям заслуживают внимания: «Эстетика Белинского и славянские литературы», «Лермонтов и славянские литературы», «Каравелов и сербское общество», «К. Бальмонт и болгарская поэзия», «М. Шолохов в болгарской критике», «Социалистическая Болгария в советской литературе». В рукописи осталась незавершенная книга Л. С. Ерихонова «Общественная мысль Болгарии накануне националь-

ного освобождения», над которой он работал уже будучи тяжело больным.

Две монографии и свыше семидесяти статей, обзоров, заметок и рецензий — таков итог большой и самоотверженной деятельности советского болгариста за четверть века. Большая научная и научно-популярная деятельность Л. С.

Ерихонова остается нам как память о человеке, преданном делу науки, отдавшем ей все свои творческие силы, внесшем определенный вклад в дело изучения болгарской революционной мысли, болгарской литературы и русско-болгарских связей XIX и XX вв.

В. И. Злыднев

ВЛАДИМИР ПЕТРОВИЧ СУЛТАНОВ

22 сентября 1970 г. скончался исследователь-славист, доцент кафедры истории Пензенского педагогического института им. В. Г. Белинского, канд. ист. наук Владимир Петрович Султанов. Закончив исторический факультет Уральского университета в 1941 г., В. П. Султанов добровольцем ушел на фронт, был участником Сталинградской и Курской битв, участвовал в освобождении Румынии и Болгарии, имеет правительственные награды.

После окончания войны Владимир Петрович занимается научно-педагогической деятельностью — работает на кафедре истории Пензенского пединститута, первоначально в качестве ассистента, а с 1947 г. как старший преподаватель ведет курс новой истории. С 1952 г. до 1956 г. В. П. Султанов — старший преподаватель в Пензенской областной партийной школе, а затем вновь в педагогическом институте им. В. Г. Белинского и одновременно в филиале Высшей партийной школы при ЦК КПСС.

В. П. Султанов был не только замечательным педагогом, но и серьезным исследователем в области истории. Научный интерес к истории славян в новое время и, в частности, к истории Болгарии конца XIX — начала XX в. у В. П. Султанова пробудился еще в студенческие годы. В 1967 г. он успешно защитил кандидатскую диссертацию на тему «Проникновение германского империализма в Болгарию в конце XIX в.». По избранной проблематике и по другим вопросам новой истории им был опубликован ряд интересных работ¹.

Лекции В. П. Султанова по новой истории и особенно по истории славян, возглавляемый им специальный семинар по истории русско-германо-болгарских отношений в конце XIX — начале XX в., а также руководство научной работой студентов по изучению истории славянских народов способствовали значительному расширению славяноведения в Пензенском педагогическом институте.

Светлая память о талантливом педагоге, исследователе, принципиальном товарище на долгие времена останется в сердцах его многочисленных учеников и всех знавших его.

Е. А. Ефремов

Болгарию в конце XIX в. Ученые записки (серия историческая). Вып. XII. Пензенский педагогический институт им. В. Г. Белинского. Саратов, 1965; е г о ж е. Из истории проникновения германского империализма в Болгарию в начале XX в. (1900—1907). Ученые записки (серия историческая). Вып. 16. Саратов—Пенза, 1966; е г о ж е. Об одной попытке направить поток немецких переселенцев на болгарские земли (конец 70 — начало 80-х годов XIX в.). «Советское славяноведение». Минск, 1969; е г о ж е. О борьбе за болгарские железные дороги в первой половине 80-х годов XIX в. Ученые записки, т. 90. Вопросы новой и новейшей истории. Рязань, 1969; е г о ж е. К вопросу об оценке К. Марксом и Ф. Энгельсом деятельности Ф. Лассаля. «Вопросы истории. Материалы научной конференции, посвященной 150-летию со дня рождения К. Маркса». Уфа, 1969.

¹ В. П. Султанов. Из истории проникновения германского империализма в

CONTENTS

The XXIV-th Congress of the Communist Party of the Soviet Union. <i>L. N. Krasnova</i> . The policy of the Communist Party of Czechoslovakia in relation to the rural bourgeoisie in the first years of the co-operativisation of the peasantry (1949—1953). <i>O. S. Talskaya</i> . The members of the Secret Society of Military Friends in Siberia. <i>L. P. Lapteva</i> . The Taborites, their social composition and ideology in the Russian literature of the XIX — XX-th century. <i>V. D. Koroliuk</i> . The Volokhs and the Slavs of the «Povest vremennykh let». <i>A. Morozov</i> . The main tasks of the study of the Slav baroque. <i>A. S. Lvov</i> . Constantine the Philosopher's stay in the Polychronos Monastery.	3
--	---

PUBLICATIONS

<i>E. K. Zhigunov</i> . S. M. Kravchinsky about the Polish Socialist movement of the 70—80-ies of the XIX-th century. <i>E. Lvova</i> , <i>I. Konev</i> (Bulgaria). The Bulgarian school and the «Svishtov period» of Nicolai Pavlovich.	67
--	----

PEOPLE, EVENTS, FACTS

<i>F. A. Molok</i> . «The Union of the Friends of the USSR» in Czechoslovakia.	88
--	----

REVIEWS AND REVIEW-ARTICLES

<i>Józef Smiałowski</i> (Poland). The studies on the history of the textile industry in Poland. <i>L. Obushenkova</i> . M. Różycka-Glassowa. Organizacja i wydajność pracy w rolnictwie wielkiej własności przed uwłaszczeniem w Królestwie Polskim. <i>Igor Belza</i> . On the historiography of the Slavic cultural contacts in the works of Jaroslav Prochazka. <i>L. K. Zdeněk Urban</i> . Pozapomenutá tvář Boženy Němcové. <i>I. K. Gorsky</i> . Towards the continuation of necessary studies. <i>V. Mochalova</i> . «Studia poświęcone stosunkom literackim polsko-czeskim i polsko-słowackim». <i>A. V. Kallosh</i> . The Encyclopedia of the Croatian National Theatre. <i>Yu. P. Begunov</i> . A new book by a Bulgarian scholar on Władysław the Grammarian.	91
--	----

Bibliography

The main articles and materials on the present state, history, culture and languages of the foreign Slav peoples published in the Soviet periodicals in 1970—1971. The contents of foreign periodicals	113
--	-----

SCIENTIFIC LIFE

<i>V. V. Zakharov</i> . The historical Slavic studies in the Kuban University	117
<i>V. I. Zlydnev</i> . <u>Leonid Samoilovich Erikhonov</u>	118
<i>E. A. Efremov</i> . <u>Vladimir Petrovich Sultanov</u>	119

Технический редактор *Евсеева Н. С.*

Сдано в набор 12/IV-1971 г.	Т-09851	Подписано к печати 18/VI-1971 г.	Тираж 1150 экз.
Зак. 2137	Формат бумаги 70×108 ¹ / ₁₆	Печ. л. 10,5	Бум. л. 3 ³ / ₄
			Уч.-изд. л. 12,1

2-я типография издательства «Наука». Москва, Шубинский пер., 10

Ж-17

БОЛЬШАЯ ОФДЫНКА

34/38 КВ 40

ТОЛСТОМУ

70891

1-12

Цена 1 руб.

Индекс 70891